

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 7 (73). № 2

**Симферополь
2021**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7(73), № 2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 4 от 04.06.2021 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор (г. Симферополь);

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлевов Александр Алексеевич – профессор кафедры культурологии философского факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 04.06.2021 г. Формат 70x100 1/16. 13 усл. п. л. Заказ № НП/425. Тираж 36 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 01.03.2022 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, д. 4

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 378.4. 47(КРЫМ)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-3-19

**«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПО ФОРМЕ, ПРОЛЕТАРСКИЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ»:
ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕКРЫМСКОГО
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И КРАЕВЕДЕНИЯ**

Акимченков В. В.

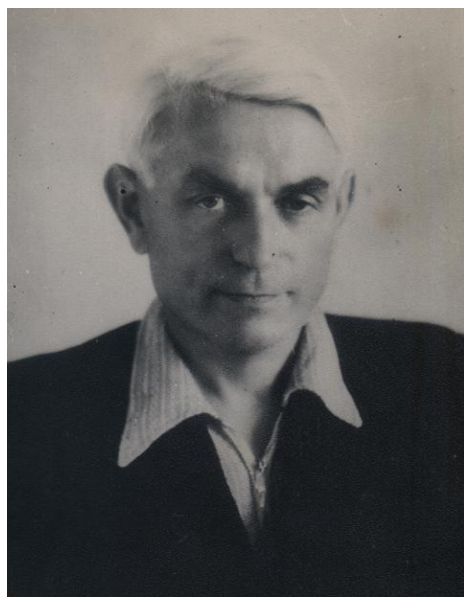
*Российское общество интеллектуальной истории
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru*

Проанализирован процесс реорганизации Крымского научно-исследовательского института и создание в 1932 году на его базе Всекрымского научно-исследовательского института национально-культурного строительства и краеведения. В научный оборот введены ранее неопубликованные содержательные архивные документы, выявленные в фондах Государственного архива Российской Федерации. В исследовании задействованы малоизвестные материалы из газеты «Красный Крым», которые позволяют наполнить фактологическим содержанием процесс трансформации советской общественно-культурной жизни первой половины 30-х гг. XX в. Показана роль профессорско-преподавательского состава Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе в создании, развитии и деятельности учреждения. Подробно рассмотрены планы работы секторов и секций Института на четвертый квартал 1932 года, а также влияние Наркомпроса РСФСР на успешное функционирование организации.

Ключевые слова: Крымский научно-исследовательский институт, Всекрымский научно-исследовательский институт национально-культурного строительства и краеведения, Ш. Ш. Садлаев, Крымская АССР.

В отечественной историографии последних лет вопрос становления и эволюции системы общественных научных организаций Крымской АССР приобретает качественно новое отражение. Представителями научной школы истории крымоведения (А. А. Непомнящий, В. В. Акимченков, А. В. Хливнюк и др.) в исследовательском дискурсе была поставлена цель рассмотреть деятельность как отдельных учреждений и биографии их подвижников, так и тенденции, закономерности и региональные черты всей системы в целом. Это позволит восстановить и планомерно изучить интеллектуальный ландшафт Крыма в 1921–1945 гг., на новом уровне осмыслить историю общественно-культурной жизни автономии в первые десятилетия советской власти.

В последние десятилетия благодаря плодотворной работе научной школы истории крымоведения в научный оборот введены тысячи новых документов из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя и Симферополя [1–4], а информация о более чем десяти тысячах малоизвестных публикаций 20–30-х гг. XX века стала достоянием научного сообщества [5]. Это позволило углубить знания о

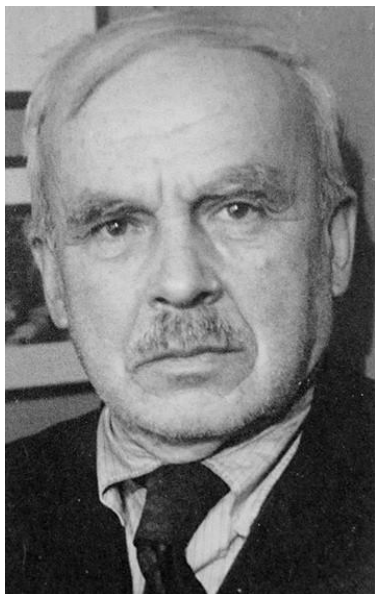
*Рис. 1. Яков Яковлевич Цеб.
Сотрудник I разряда, профессор
Крымского пединститута
им. М. В. Фрунзе.*

деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии, которое вело свою научную традицию от Таврической ученой архивной комиссии (1887–1923), Крымского областного бюро краеведения, Научно-исследовательского общества изучения Крым, Российского общества по изучению Крыма. Удалось вернуть из забвения и воссоздать многогранную деятельность Крымского отделения Всесоюзной Ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (далее – ВАРНИТСО), которое функционировало на полуострове в 1928–1937 гг. [6; 7].

Архивные разыскания последних лет и выявление в столичных архивах нового пласта источников наталкивает на мысль о том, что многие аспекты деятельности крымских общественных научных организаций 20–30-х гг. XX в. еще предстоит переосмыслить, особенно в тех случаях, когда работы были написаны в

90-е гг. прошлого века, а их тенденциозные выводы на протяжении последующих двух десятилетий многократно повторялись (иногда слово в слово) на страницах различных изданий. В частности, предстоит углубить знания о деятельности Крымского научно-исследовательского института (далее – КНИИ), интерес к которому у провинциальных исследователей возник еще на заре нового тысячелетия, а исследования последних лет демонстрируют застойные явления в расширении источниковой базы, при этом тиражируются ошибки, которые стойко закрепились в историографии. Это и побудило нас обратиться к данной проблеме исследования.

В истории изучения вопроса выделим два опуса симферопольского преподавателя У. К. Мусаевой (не решусь их даже отнести к историографии), которые посвящены истории КНИИ. В первом – освещается его деятельность в области изучения и сохранения историко-культурного наследия полуострова [8], во втором проанализированы биографии наиболее ярких научных сотрудников [9]. Проведя глубокое изучение проблемы исследования и расширив источниковую базу материалами из фондов Государственного архива Российской Федерации, констатируем, что не все интерпретации, высказанные Мусаевой, имеют достаточное обоснование. Так, утверждение о том, что КНИИ был образован «в связи с разворачивавшейся программой татаризации специально для изучения

*Рис. 2. Иван Иванович Пузанов.
Действительный член Института,
профессор Крымского
пединститута им. М. В. Фрунзе.*

крымскотатарского этноса» [8, с. 122] не отображает истинных причин его создания, поскольку автор остановилась лишь на одном из множества аспектов. Создание Института было связано с интенсивным процессом советизации полуострова, сопровождавшемся в том числе и коренизацией. На КНИИ возлагали задачу по изучению хозяйственной и культурной жизни Крымской АССР в период социалистического переустройства. Более того, цель создания подобной организации состояла не только лишь в исследовании хозяйства, природы и производственных сил. Большие надежды возлагались на активную вовлеченность Института в идеологические кампании, поскольку необходимо было создать эффективный механизм внедрения философии диалектического материализма и методов революционного марксизма в широкие общественные массы мультикультурного Крыма.

В работах У. К. Мусаевой присутствуют ошибочные утверждения, которые без должного критического анализа перепечатываются ею (порой слово в слово) из собственных же работ конца 1990-х гг. Во-первых, положение о том, что «директор [КНИИ] назначался и увольнялся приказом по Наркомпросу Крымской АССР» [8, с. 123], относится только лишь ко времени после 1929 года, когда КНИИ перешел в ведение Наркомпроса автономии, ведь с 1925 года эта функция находилась у Главнауки Наркомпроса РСФСР. Во-вторых, требует уточнения утверждение о том, что Петр Абрамович Двойченко исполнял обязанности «директора КНИИ в 1930–1934 гг.» [8, с. 130], поскольку задействованные нами в исследовании новые архивные источники свидетельствуют, что в период реорганизации Института учреждением руководил Ш. Ш. Садлаев. В этой связи, создание отдельного исследования, посвященного деятельности руководства КНИИ является перспективной темой для дальнейших изысканий. В-третьих, вопрос реорганизации 1932 года рассматривается У. К. Мусаевой без детальной проработки материалов четырех заседаний директората Института, хотя ссылки на десятки листов архивных документов из фондов Государственного архива Республики Крым (Ф. Р-663. Оп. 9. Д. 56. Л. 51–54; Ф. Р-3814. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–36) указаны [8, с. 131–132]. Как следствие, поверхностное изучение такого обилия источников привело автора к ложному выводу о том, что реорганизация проходила в несколько этапов, хотя де-

факто, это был многоступенчатый процесс подготовки и последующей краткой корректировки плана реорганизации, его штатного расписания, сметы и т. д. В-четвертых, эссе Мусаевой содержат неточности, которые требуют пояснения. К примеру, предложение о том, что «в 1932 году КНИИ был реорганизован **на основе директивы Наркомпроса СССР**» (выделено нами. – В. А.) [8, с. 131], видимо, следует понимать так, что все же инициатором директивы мог выступить Наркомпрос РСФСР либо Крымской АССР, ведь еще со школьной скамьи российские учащиеся помнят, что аналогичного общесоюзного наркомата не существовало. А фразы «по предложению ОКВСП(б) Наркомпроса Крыма» и «постановлением ЦВК Крымской АССРЗ» [9, с. 53] отнесем к опечаткам (иначе их вообще трудно объяснить), отметив для читателя, что автор, вероятно, имела ввиду предложения Крымского обкома ВКП(б) и Наркомпроса Крымской АССР, а также постановление ЦИК Крымской АССР.

Констатация У. К. Мусаевой того, что «КНИИ находился в ведении Наркомпроса Крымской АССР» также не позволяет понять всех перипетий его создания и процесса становления с 1925 до 1929 гг. [8, с. 122]. Нами установлено, что Крымский научно-исследовательский институт был открыт постановлением СНК РСФСР от 11 сентября 1925 года. Первоначально его укомплектовали сотрудниками расформированного физико-математического факультета Крымского университета им. М. В. Фрунзе без соответствующей штатной и материальной базы [10, с. 2]. Предполагалось, что КНИИ станет центром научной жизни на полуострове и будет «играть роль своего рода Академии наук Крымской республики» [11, с. 2]. С момента своего создания Институт находился в ведении Главнауки Наркомпроса РСФСР. 28 апреля 1929 г. СНК РСФСР издал постановление, которым передал КНИИ, Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе и Крымский рабфак имени И. Н. Назукина в ведение Наркомпроса Крымской АССР, причем за Наркомпросом РСФСР оставались контролирующие функции над этими учреждениями. Принятое решение стало своеобразным откликом на XVI конференцию ВКП(б) и переход СССР к плановым механизмам развития экономики и социалистической модернизации народного хозяйства.

Вышеупомянутые учреждения были переведены на республиканский

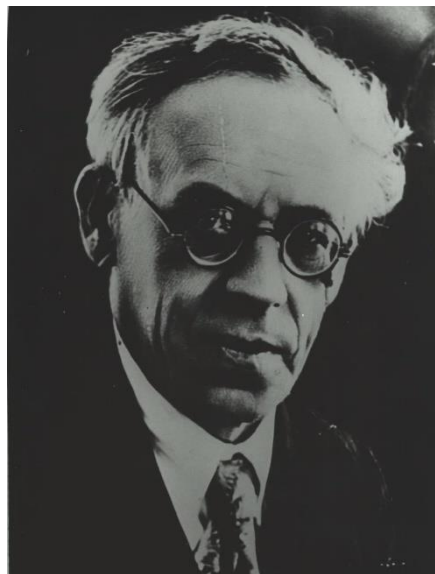

Рис.3. Евгений Федорович Скворцов. Руководитель сектора геофизики и минералогии, профессор Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе.

*Рис. 4. Абдуль-Керим
Джемалединов. Сотрудник
I разряда, заместитель директора
по учебной части Крымского
пединститута им. М. В. Фрунзе.*

уровень финансирования, что должно было способствовать мобилизации дополнительных средств из регионального бюджета. В период с 1925 по 1929 гг. бюджет КНИИ был более чем скромным и составлял к 1929 г. всего 25640 руб., причем на текущие расходы по научной части уходило в год 3 тыс. рублей, т.е. только 25 руб. в месяц на каждую кафедру. При столь слабом материальной положении большинство инициатив было не реализовано [11, с. 2]. Перевод Института под контроль Наркомпроса Крымской АССР позволил Совнаркому автономии привлечь дополнительное финансирование от Центрального совета народного хозяйства Крыма, Крымнаркомзема, местных кооперативов и объединений общесоюзных курортов Южного берега Крыма, Евпатории и Сак [12, с. 2].

Несмотря на все изменения, произошедшие в 1929 году, а также создание отделения, которое занималось вопросами истории, археологии,

этнографии, антропологии, татарским языком и культурой, деятельность КНИИ по-прежнему носила крайне односторонний характер, не решая задач, возлагаемых на него запросами национально-культурного строительства [10, с. 2]. Завершающий год первой пятилетки и разработка показателей второго пятилетнего плана продемонстрировали необходимость оптимизации статей расходной части бюджета Крымской АССР. Это относилось и к деятельности научно-исследовательских организаций, которые решено было оптимизировать путем ликвидации структурных подразделений, дублирующих функции друг друга, устранив все имеющиеся параллелизмы. С 4 июля 1932 года руководство КНИИ, опираясь на директивы коллегии Наркомпроса Крымской АССР, приступило к разработке плана по реорганизации. К осени состоялось четыре заседания директората Института, работало две специальных комиссии, было проведено расширенное заседание совета КНИИ, при этом все вопросы согласовывались с Отделом культуры и пропаганды Крымского обкома ВКП(б) и Наркомпросом Крымской АССР. В ходе подготовки проекта по реорганизации трижды были обследованы все существующие в Симферополе научно-исследовательские институты для того, чтобы не допустить параллелизмов в работе имеющихся организаций и максимально оптимизировать их работу. Решением коллегии Наркомпроса

автономии ключевую роль в деятельности Института должен был занять сектор педагогики, национального языка, литературы и искусства. Звучали идеи о ликвидации имеющейся секции геологии, химии, почвоведения, а также астрономии и передача ее краеведческих задач сектору геофизики. В планы руководства входило присоединение секции минералогии к сектору геофизики, а секции биологии к секции зоологии, секции физиологии растений – к секции ботаники. Этот план позволял существенно оптимизировать расходную часть бюджета [13, л. 75, 104].

Однако и после проведенной реорганизации Институт был крайне стеснен в финансовом положении, что не позволяло полноценно осуществлять стоящие перед ним задачи. Директор Ш. Ш. Садлаев вел личные переговоры с начальником Сектора науки НКП РСФСР Аголом и регулярно обращался с просьбами о выделении дополнительного финансирования. Как итог, в 1933 году организация получила 8 тыс. рублей дотаций, из которых 2 тыс. предназначались на проведение в Симферополе III Всекрымской научной конференции по татарскому языку (15–20 октября 1934 г.) [13, л. 98].

Один из самых первых проектов реорганизации КНИИ предполагал создание четырех секторов которые бы делились на секции. Сектор, именуемый в проекте «Кабинетом марксизма-ленинизма», должен был включать секцию марксистско-ленинской философии, теоретической экономики и истории революционного движения народов СССР. Сектор марксистско-ленинской педагогики делился на секции: теоретической педагогики, программно-методическую, планирования и организации народного образования, а также политехнизма и пионер-работы. Сектор языка, литературы и искусства имел три одноименные секции. Сектор естественных наук подразделялся на секции: биологии, зоологии, ботаники, геофизики и химии. Также при секторе функционировала атмосферно-оптическая станция, созданная профессором И. И. Тихановским [13, л. 67–68].

Однако к осени 1932 года был представлен уточненный проект реорганизации, предполагавший наличие пяти секторов с секциями. Руководил Институтом в период реорганизации крымский экономист Шейх Шейхович Садлаев (1905–1937). Сотрудники Института были разделены на три категории: действительные члены, научные сотрудники I и II разрядов. Так, сектор марксистско-

*Рис. 5. Павел Трофимович
Данильченко. Действительный член
Института, профессор Крымского
пединститута им. М. В. Фрунзе.*

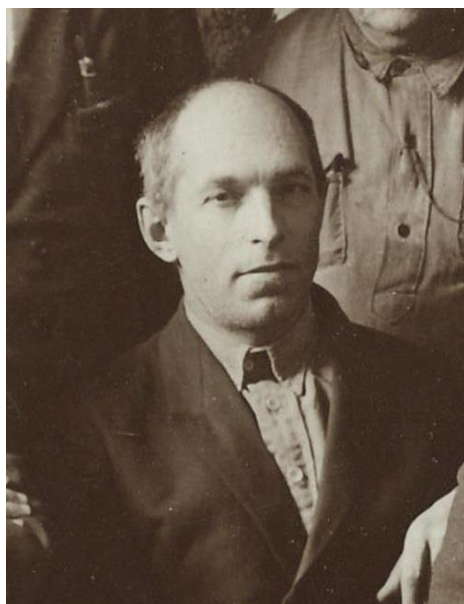

Рис. 6. Николай Ксаверьевич Бауман. Действительный член Института, профессор Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе.

ленинской педагогики и народного образования возглавил бывший нарком просвещения Крымской АССР Насых Камалович Мухитдинов (1892–1943) [16], являвшийся вместе с заведующим кафедрой педагогики Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе Николаем Ксаверьевичем Бауманом его действительным членом. Научными сотрудниками I разряда стали: К. И. Тодорский, Я. И. Байрашевский, Мумджи, Н. Емельянов, а II разряда: Б. П. Рыжков, Карабаш, Р. И. Ключевич, Муэдинов, В. К. Бибко, Н. П. Маркова. Сектор включал в себя секцию теоретической педагогики, организации и планирования народного образования, а также политехнизма [13, л. 76, 105].

Сектор языка, литературы и искусства, который состоял из трех одноименных секций, возглавил крымскотатарский фольклорист,

действительный член КНИИ К. У. Усеинов. Научными сотрудниками I разряда являлись: А.-К. Джемалединов, Д. Гафаров, И. Н. Леманов, О.-Н. А. Акчокраклы, А. Шейх-Заде, У. Б. Ипчи, П. Я. Чепурина, У. А. Боданинский, а II разряда: Э. И. Куртмоллаев, Я. С. Куркчи, К. И. Решидов, Менлиазис.

Сектором истории, экономики, социальной антропологии руководила Добрянская, которая вместе с Н. Л. Эрнстом и В. И. Советовым являлась действительным членом. К числу научных сотрудников I разряда относился Г. А. Максимович, В. Салтыковский и Ш. Ш. Садлаев. Сектор имел две секции – истории и археологии, экономики и социальной антропологии.

Сектор геофизики и минералогии возглавил заведующий кафедрой математики Крымского пединститута Евгений Федорович Скворцов. Совместно с ним действительными членами являлись преподаватели пединститута С. П. Попов и П. Т. Данильченко. Р. А. Аллик являлся научным сотрудником I разряда и руководил атмосферно-оптической станцией, штат которой составляли наблюдатели Тихановская и Острый [13, л. 74, 103].

Сектор биологии и ботаники состоял из двух секций – зоологии и ботаники. Должность руководителя этим сектором к октябрю 1932 г. оставалась вакантной. Заметим, что в более ранних планах на эту должность планировали назначить Гуреева. Действительными членами являлись профессора Крымского пединститута

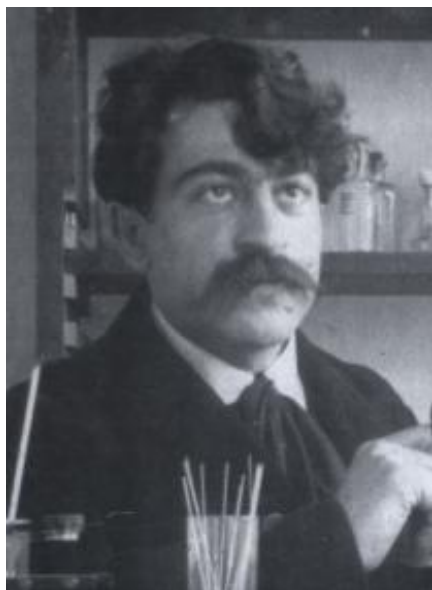
И. И. Пузанов и В. Л. Рыжков. В свою очередь, Я. Я. Цееб, М. А. Галаджиев, Жилина, А. Куркчи, А. Рашид являлись сотрудниками I разряда [13, л. 74, 103].

Таким образом, штат сотрудников Института составил 50 человек. Директор, его заместитель и заведующие секторами входили в состав правления. Научные сотрудники насчитывали 12 действительных членов, 21 – I разряда, 10 – II разряда и 2 наблюдателя атмосферно-оптической станции. Канцелярия состояла из секретаря, делопроизводителя, машинистки и курьера. Подавляющее большинство научных сотрудников работало по совместительству [13, л. 74, 103]. Если сопоставить этот проект с более ранним, то становится очевидным, что штат был серьезно сокращен, ведь изначально планировалось взять на работу 20 постоянных научных сотрудников и 53 сверхштатных. По этой причине в окончательных списках отсутствует Н. М. Волошин, которого первоначально собирались назначить на должность заведующего секцией марксистско-ленинской философии, В. М. Габилев, который должен был возглавить секцию теоретической экономики, а также А. Г. Максимович, претендовавший на заведование секцией истории революционного движения народов СССР. Аналогичная участь постигла Гуреева, который должен был возглавить сектор естественных наук и при нем же секцию биологии [13, л. 69]. Также не была принята целая группа сверхштатных сотрудников: Ф. А. Агеев, Я. Азизов, Р. М. Александрович, Алексеев, Алпаров, А. А. Асанов, А. Н. Батыр-Мурзаев, М. Б. Бекиров, Бодыгов, Т. Бояджиев, Л. В. Жирицкий, И. Кадыров, Керимов, Меджитов, Р. С. Муллина, Я. А. Мусаниф, Р. Негмати, Г. Н. Печерский, А. М. Рефатов, Н. Н. Смирнов, Фазлуллин, Б. И. Файков, Ширфетдинов, М. Ф. Щербаков.

Утвердив новую структуру организации, 21 июня 1932 г. совет Института принял постановление о реорганизации и разработал детальный план работы каждого сектора и секции на четвертый квартал 1932 года. Ключевой задачей руководство видело формирование **«национальной по форме, пролетарской по содержанию»** (выделено нами. – В. А.) национальной культуры, а также содействие «скорейшему осуществлению в Крым[ской] АССР лозунга «догнать и перегнать в технико-экономическом и культурном отношении передовые капиталистические страны»», поднять на высокий уровень культуры многонациональный полуостров, а

*Рис. 7. Николай Львович Эрнст.
Действительный член
Института.*

*Рис. 8. Михаил Андреевич
Галаджиев. Сотрудник I разряда,
профессор Крымского
пединститута им. М. В. Фрунзе.*

также внедрить принципы марксистско-ленинской методологии в научно-исследовательскую деятельность. Организация должна была продолжить подготовку кадров научных работников из числа коренных национальностей Крыма, углубить популяризацию научных знаний среди общественности, а изучение в краеведческом разрезе истории, экономики и природы увязать с хозяйственным и культурным строительством в рамках осуществления пятилеток [13, л. 76, 105].

Наиболее обширный спектр задач был поставлен перед сектором марксистско-ленинской педагогики. Так, сотрудникам секции теоретической педагогики Н. К. Мухитдинову и Карабаш было поручено приступить к выявлению и систематизации архивных материалов для написания обобщающего труда по истории культурного строительства в Крыму за последние 15 лет. Также было запланировано подготовить до десяти научно-популярных брошюр по

педагогике, в том числе и о работе на культурном фронте. Секция политехнизма и пионер-работы получила задание разработать профиль для работы фабрично-заводских семилеток Симферополя и Бахчисарая, которые должны были одновременно давать общее образование, политехническую подготовку и знакомить учащихся с производством. Научным сотрудникам секции Салькову и Б. П. Рыжкову было поручено организовать передвижной политехнический музей.

Деятельность программно-методической секции представляла собой разработку конкретных тем, которые были поручены научным сотрудникам. Так, Я. И. Байрашевский занимался разработкой структуры, содержания, методами и формами организации системы методической работы в Крыму. В свою очередь Н. К. Бауман изучал педагогический процесс в ВУЗах полуострова в свете постановления ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. Особое внимание было уделено вопросам развития на полуострове политехнических школ. В частности, систематизацией количественных и качественных показателей и проработкой новых программ занялся Р. И. Ключевич, частной методикой Н. П. Маркова, а К. И. Тодорский подготовкой локального материала к программам. Также секцией был осуществлен учет успеваемости учащихся политехнических школ Крыма. Руководитель секции Муэдинов и глава сектора марксистско-ленинской педагогики Н. К. Мухитдинов

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПО ФОРМЕ, ПРОЛЕТАРСКИЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ»:
ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕКРЫМСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ...

приступили к совместной разработке методики антирелигиозного воспитания в татарских школах-семилетках. Подготовкой методического письма о интернациональном воспитании в крымско-татарских школах занялся Н. К. Мухитдинов и Карабаш.

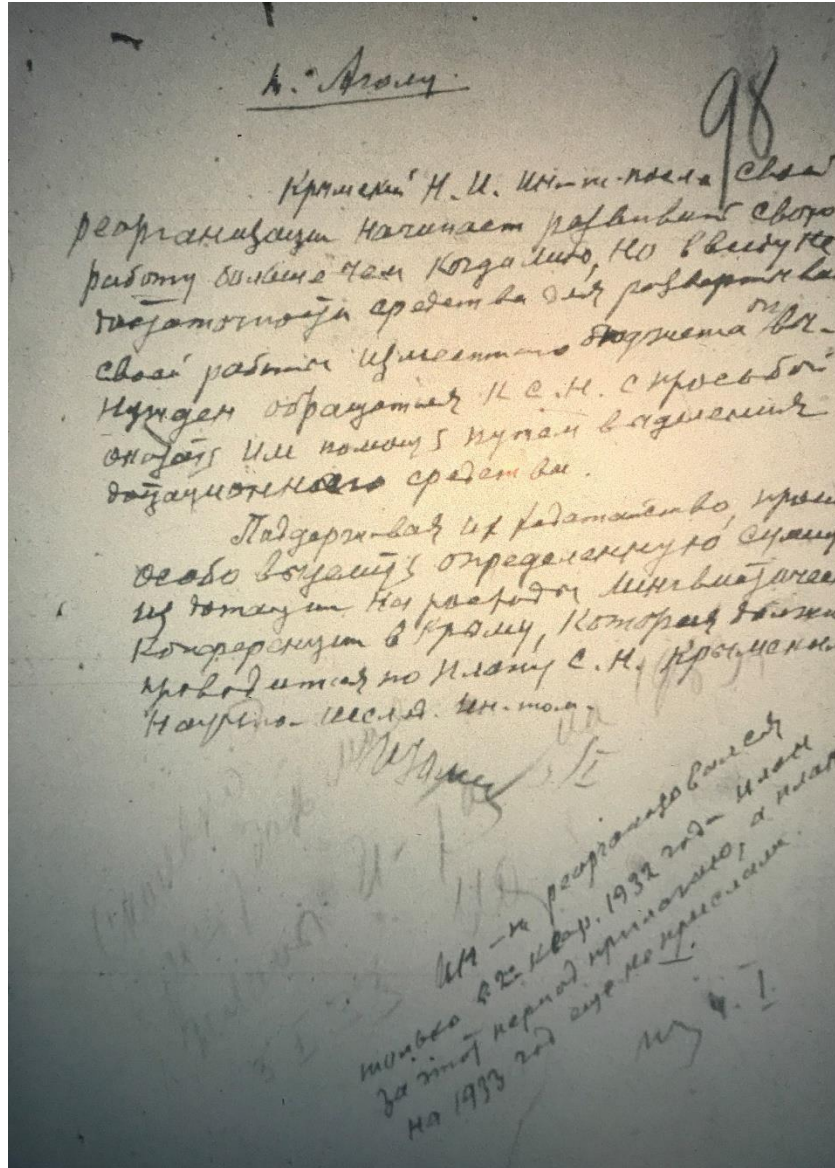

Рис 9. Письмо Ш. Ш. Садлаева начальнику Сектора науки Наркомпроса РСФСР Аголу.

В дальнейшем была образована секция учебников, которая занималась педологической работой над крымско-татарским букварем, разработкой тестов и анкет для анализа успеваемости крымских школьников по отдельным дисциплинам и обследованием образцовых школ Симферополя, а также изучением изданных учебников. Эти задачи были возложены на научных сотрудников Мумджи и Тугунчи [13, л. 70, 99]. Перед сектором были поставлены четкие идеологические задачи, связанные не только с пропагандистской деятельностью, но и разоблачением «антиленинских, вредительских и контрреволюционных сил, которые мешают культурному строительству в Крыму». Так, была намечена кампания по борьбе с теорией и практикой деятельности партии «Милли Фирка», а также Исмаила Гаспринского [13, л. 77, 106].

План работы сектора языка, литературы и искусства на ноябрь-декабрь 1932 г. содержал задачи по всестороннему исследованию крымско-татарского языка и составлению научных грамматик для средней и высшей школы, а также учебников по истории литературы и искусства. Сектору было поручено до начала работы III Всекрымской научной конференции по татарскому языку проработать основные вопросы по развитию крымско-татарского языка: состояние и пути модернизации литературного языка, принципы построения грамматики, вопросы терминологии, пунктуации и орфографии, а также собрать материал для алфавитного сборника [13, л. 71, 100]. В планы сектора входило составление и издание на крымско-татарском языке «сборничка мыслей и высказываний» классиков марксизма-ленинизма о языке и языкознании «в извлечении из изданного Академией наук СССР сборника» [13, л. 79, 108].

На октябрь-декабрь 1932 года сектором геофизики и минералогии было намечено продолжение реализации начатых ранее проектов. В частности, секция геофизики осуществляла программу систематических наблюдений атмосферных явлений на атмосферно-оптической станции, а также занималась обработкой результатов, полученных на протяжении последних пяти лет. Было запланировано проведение непрерывной регистрации солнечной радиации, наблюдение над видимостью звезд и качеством их изображений. Предполагалось углубить изучение сейсмических явлений в Крыму [13, л. 78, 107]. Секция минералогии наметила завершение работ по обследованию грязевого вулкана Джау-Тепе и источников сернистых минеральных вод Керченского и Феодосийского районов. В сферу интересов секции входила обработка материалов по изучению глинистых сланцев Таврической формации в районе Симферополя, Алушты и Ялты, собранных летними экспедициями 1932 года. Секция по химии, занялась подготовкой к печати работ по взаимодействию селей аммония с бромной водой, приготовления магнезиальных цементов из рапы и каустического доломита и др. [13, л. 72, 101].

Сектор биологии и ботаники запланировал работу в четвертом квартале 1932 г. в рамках двух секций – ботаники и зоологии. В. Л. Рыжкову было поручено завершить работы по изучению дикорастущих пестролистных растений Крыма и обработать материал по вирусным болезням винограда. В свою очередь Жилина продолжила изучение ферментов у пестролистных растений. Исследованиями в

области гидробиологического режима крымских водохранилищ Базар-Джилга (Альминское) и Эгиз-Оба (Бахчисарайское) занялись И. И. Пузанов, Я. Я. Цееб и М. А. Галаджиев. Учет записей дичи в охотничьих заказниках был возложен на преподавателей Крымского пединститута И. И. Пузанова и Я. Я. Цееб. Продолжение работ по исследованию размножения инфузорий без конъюгации и биологии корабельного червя – на профессора М. А. Галаджиева [13, л. 73, 102]. Также перед сектором была поставлена задача по изысканию новых видов лекарственного и технического сырья и теоретические исследования в области генетики и патологии растений [13, л. 78, 107]. В планы на 1932 год входило изучение растительности Тарханкутского полуострова и исследование флористического состава озера Сасык и Джарьылгач [13, л. 81, 110].

Сектор истории, экономики, социальной антропологии основной целью в конце 1932 года определил изучение истории революционного движения и классовой борьбы в Крымской АССР. Эта работа осуществлялась в тесном контакте с Истпартом ОК ВКП(б). Отдельное внимание уделялось событиям Гражданской войны, разворачивавшимся на территории полуострова, а также истории рабочего движения. В рамках работы сектора было запланировано изучение истории Крымского ханства, эмиграции крымских татар в Турцию в XVIII в. и колонизации полуострова Российской империей. Было намечено продолжение археологических раскопок памятников скифской и античной эпохи, курганов в степной части Крыма, изучение которых было начато Таврическим обществом истории, археологии и этнографии, могильника у деревни Скеля и т. д., а также свodka и обработка материалов по кизил-кобинской культуре [13, л. 80, 109].

В рамках изучения вопросов социальной антропологии было намечено обследование граждан, рожденных на полуострове во время голода 1921–1922 гг., обработка собранного антропометрического и клинического материала, миграционных процессов, а также полового созревания крымских татарок и представительниц национальных меньшинств в Крыму по последним данным акушерско-гинекологических больниц [13, л. 73, 102]. В планы секции входило проведение среди учащихся семинаров по вопросам социальной антропологии и лекций для крымской общественности на тему «Биолого-экономическая мощь крымского человеческого коллектива» [13, л. 80, 109]. Секция экономики и социальной антропологии должна была изучать и освещать ход социалистической модернизации в Крыму, впоследствии используя эти данные в качестве школьного краеведческого материала [13, л. 78, 107].

После составления проекта по реорганизации КНИИ и планов работы каждого сектора и секций, все эти материалы были переданы на изучение сотруднику Главнауки Наркомпроса РСФСР Евгению Эмильевичу Лейтнеккеру, который к 1 апреля 1933 г. подготовил подробный отзыв, текст которого приводим в полном объеме: «Обращает на себя отсутствие хотя бы краткого обзора проблематики Института на 2-ое пятилетие, производственной тематики Института в 1-е пятилетие и отчета о работе за 1932 год. Отсутствие этих материалов создает огромную трудность в рассмотрении представленных материалов, т. к. несмотря на

реорганизацию Института, известная преемственность работы – несомненна, а данные о прошлой работе давали бы возможность реально судить о фактически осваиваемой Институтом работе по социалистическому строительству в Крым[ской] АССР. Специальных материалов по 2-ой пятилетке Крыма в библиотеке ЦБК [Центрального бюро краеведения] – нет. Исходным материалом для суждения о плане Института представляется просмотр полученных от него материалов.

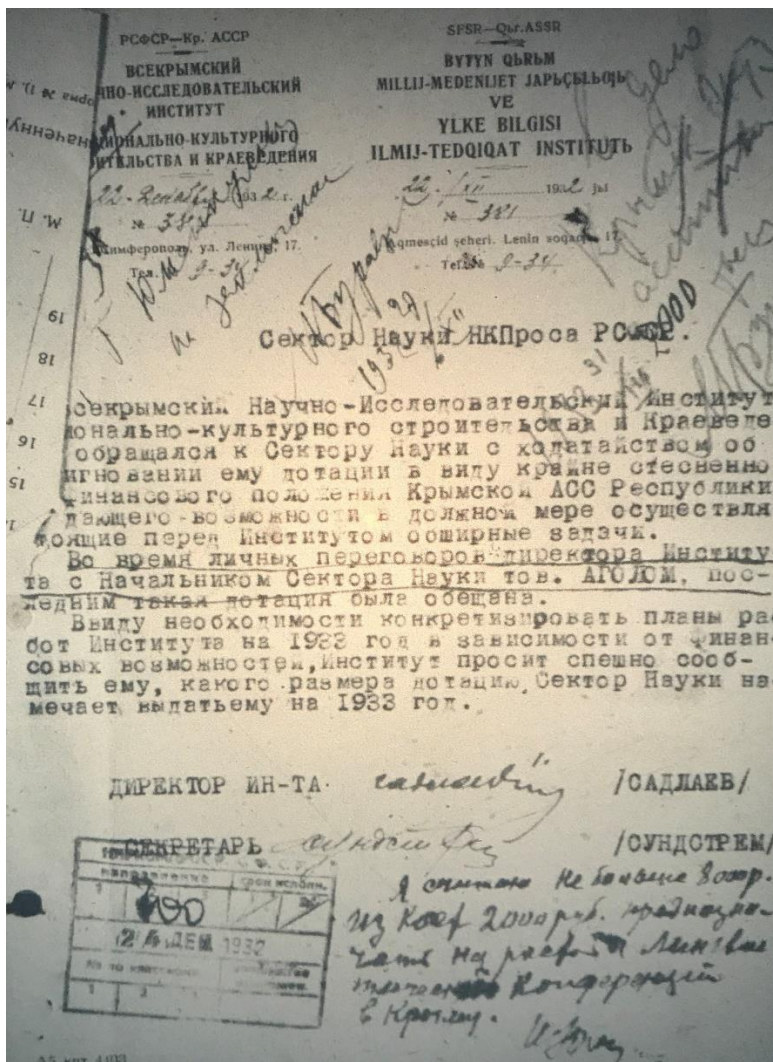

Рис. 10. Письмо директора Всекрымского научно-исследовательского института национально-культурного строительства и краеведения в Сектор науки Наркомпроса РСФСР.

В плане работы сектора языка, литературы и искусств обращает на себя внимание отсутствие тем по малым национальностям Крыма. Фактически пестрый национальный состав Крыма, во всем его объеме остается вне этого плана. Между тем национальный конгломерат Крыма, особенно в разрезе 1-ой и 2-ой пятилеток, требующих форсированного строительства в нацкраях и нацобластях, на основе культуры – **национальной по форме и социалистической по содержанию** (выделено нами. – В. А.) – предъявляет к Всекрымскому научно-исследовательскому институту требование охвата своей проблематикой и тематикой не только ведущую татарскую национальность края, но также находящихся в разнообразных взаимосвязях и взаимодействиях с нею малых народностей Крыма (караимов, крымских цыган, крымских болгар, крымских немцев и др.).

Нужно признать слабой и не четко определенной всю тематику по секции искусства. Тематический комплекс искусства требовал бы известной локализации и спецификации вопросов, выдвигаемых состоянием искусства народов Крым[ской] Авт[ономной] ССР ко 2-му пятилетию. Отбор конкретных тем и вопросов, требующих разработки по линии изоискусства, театра, хореографии и пр., а также по разным видам и формам самодеятельного искусства (а самодеятельное искусство, вообще, не вошло в план института, а его, конечно, надо включить в план) должен быть поставлен во главу угла при составлении плана. Формулировка целого ряда тем по сектору языка, литературы и искусства отличается неясностью. Для разрешения основных вопросов, относящихся к языку, литературе и искусству, следовало бы в тематику этого сектора включить обследование всех материалов по газетам и журналам, издававшимся в Крыму на местных языках. Изучение газетно-журнальных очагов несомненно мобилизовало бы ценнейший материал для работы сектора в целом.

Выпало из плана секции литературы чрезвычайно важное на данном этапе и при том ведущее звено литературы – тема о местной драматургии. Изучение сценического творчества народов Крым[ской] АССР, в соответствии с директивами партии и постановлениями последнего пленума оргкомитета Союза писателей, должно быть включено в план ближайшего года. Как сказано выше – сектор должен заняться изучением всех видов и форм самодеятельного искусства» [13, л. 95–95 об.].

Таким образом, реорганизация Крымского научно-исследовательского института во Всекрымский научно-исследовательский институт национально-культурного строительства и краеведения является важной вехой процесса национально-культурного строительства на территории Крымской АССР [14–15]. Большую роль в становлении и последующем развитии КНИИ играл профессорско-преподавательский состав Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе. Организация к середине 30-х гг. XX в. стала неотъемлемой частью сети общественных научных организаций автономии, а ее деятельность являлась отражением вызовов, стоявших перед общественно-культурной жизнью Советского Союза, для которой было характерно усиление классовой борьбы на культурном фронте и большевизация научно-исследовательской работы.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. – Белгород: Константа, 2018. – 216 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).
Nepomnyashchij A. A. Akademik S. F. Platonov i krymovedenie. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 216 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 27).
2. Непомнящий А. А. Профессор Виктор Филоненко: неизвестные страницы биографии: по новым документам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 110–130.
Nepomnyashchij A. A. Professor Viktor Filonenko: neizvestnye stranicy biografii: po novym dokumentam arhivov Moskvy i Sankt-Peterburga // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – Simferopol', 2021. – T. 7, № 1. – S. 110–130.
3. Акимченков В. В., Непомнящий А. А. «Этот вопрос... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевским съездом». Записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. // Исторический архив. – 2019. – № 2. – С. 108–117.
Akimchenkov V. V., Nepomnyashchij A. A. «Etot vopros... v svoe vremya obsuzhdalsya v obshchesoyuznom masshtabe V Mendeleevskim s"ezdom». Zapiski professorov Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze po naibolee racional'nomu ispol'zovaniyu prirodnyh bogatstv poluostrova. 1928 g. // Istoricheskij arhiv. – 2019. – № 2. – S. 108–117.
4. Акимченков В. В. Документы по истории Крымского отделения ВАРНИТСО в фондах Российского государственного архива экономики // Документ. Архив. Информационное общество: Материалы IV Международной научно-практической конференции, г. Москва, 3–4 окт. 2019 г. / Историко-архивный институт РГГУ; Сост. Е. М. Бурова, О. Е. Антонова. – М.: ООО «ТЕРМИКА.РУ», 2020. – С. 282–291.
Akimchenkov V. V. Dokumenty po istorii Krymskogo otdeleniya VARNITSO v fondah Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva ekonomiki // Dokument. Arhiv. Informacionnoe obshchestvo: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Moskva, 3–4 okt. 2019 g. / Istoriko-arhivnyj institut RGGU; Sost. E. M. Burova, O. E. Antonova. – M.: ООО «ТЕРМИКА.RU», 2020. – S. 282–291.
5. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
Nepomnyashchij A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 25).
6. Акимченков В. В. Эго-документы как источник для изучения интеллектуального ландшафта Крымской АССР // «Актуальные проблемы источниковедения»: Матер. VI Международной научно-практической конференции, г. Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова. – Витебск, 2021. – С. 297–299.
Akimchenkov V. V. Ego-dokumenty kak istochnik dlya izucheniya intellektual'nogo landshafta Krymskoj ASSR // «Aktual'nye problemy istochnikovedeniya»: Mater. VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Vitebsk, 23–24 aprelya 2021 g. / Vitebskij gos. un-t im. P. M. Masherova. – Vitebsk, 2021. – S. 297–299.
7. Акимченков В. В. Механизмы идеологической мобилизации советской интеллигенции в год «Великого перелома»: к истории Крымского отделения ВАРНИТСО // 1929: «Великий перелом» и его последствия: Матер. XII Международной научной конференции, г. Екатеринбург, 26–28 сент. 2019 г. – М.: РОССПЭН; Ельцин-центр, 2020. – С. 734–747. – (Серия: «История сталинизма: Дебаты»).
Akimchenkov V. V. Mekhanizmy ideologicheskoy mobilizacii sovetskoj intelligencii v god «Velikogo pereloma»: k istorii Krymskogo otdeleniya VARNITSO // 1929: «Velikij perelom» i ego posledstviya: Mater. XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Ekaterinburg, 26–28 sent. 2019 g. – M.: ROSSPEN; El'cin-centr, 2020. – S. 734–747. – (Seriya: «Istoriya stalinizma: Debaty»).

8. Мусаева У. К. Деятельность Крымского научно-исследовательского института в области изучения и сохранения историко-культурного наследия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам Межд. науч. форума, г. Геленджик, 13–15 окт. 2017 г. – Краснодар: ООО «Экоинвест», 2018. – С. 121–137.

Musaeva U. K. Deyatel'nost' Krymskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta v oblasti izucheniya i sohraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya // Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnacional'nogo soglasiya: sb. nauch. st. po itogam Mezhd. nauch. foruma, g. Gelendzhik, 13–15 okt. 2017 g. – Krasnodar: ООО «Экоинвест», 2018. – S. 121–137.

9. Мусаева У. Деятельность Крымского научно-исследовательского института языка и литературы по изучению крымских татар (1925–1940) // Етнічна історія народів Європи: Національні меншини. Етноархеологія: Зб. наук. праць. Київ: Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 1999. – С. 52–56.

Musaeva U. Deyatel'nost' Krymskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka i literatury po izucheniyu krymskih tatar (1925–1940) // Etnichna istoriya narodiv Evropi: Nacional'ni menshini. Etnoarheologiya: Zb. nauk. prac'. Kiiv: Kiiv's'kij nac. un-t im. Tarasa Shevchenka, 1999. – S. 52–56.

10. Садлаев Ш. [Ш.], Эрнст Н. [Л.] Реорганизовать КНИИК в базу развития национального и культурного строительства и крымоведения // Красный Крым. – 1932. – 18 июля. – С. 2.

Sadlaev SH. [SH.], Ernst N. [L.] Reorganizovat' KNIİK v bazu razvitiya nacional'nogo i kul'turnogo stroitel'stva i krymovedeniya // Krasnyj Krym. – 1932. – 18 iyulya. – S. 2.

11. Тихановский И. И. Крымский научно-исследовательский институт // Красный Крым. – 1929. – 24 июля. – С. 2.

Tihanovskij I. I. Krymskij nauchno-issledovatel'skij institut // Krasnyj Krym. – 1929. – 24 iyulya. – S. 2.

12. Тихановский И. И. Крымский научно-исследовательский институт // Красный Крым. – 1929. – 25 июля. – С. 2.

Tihanovskij I. I. Krymskij nauchno-issledovatel'skij institut // Krasnyj Krym. – 1929. – 25 iyulya. – S. 2.

13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2307. Оп. 18. Д. 44.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 2307. Op. 18. D. 44.

14. Морозов С., Конусов Н. За большевизацию научно-исследовательской работы // Красный Крым. – 1933. – 12 июля. – С. 2.

Morozov S., Konusov N. Za bol'shevizaciyu nauchno-issledovatel'skoj raboty // Krasnyj Krym. – 1933. – 12 iyulya. – S. 2.

15. Мухитдинов Н. [К.] Классовая борьба на культурном фронте // Красный Крым. – 1933. – 26 октября. – С. 3.

Muhitdinov N. [K.] Klassovaya bor'ba na kul'turnom fronte // Krasnyj Krym. – 1933. – 26 oktyabrya. – S. 3.

16. См. о нем: Архив Президента РФ. Оп. 24. Д. 410. Л. 3; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 51. Д. 773; Российский государственный архив экономики. Ф. 4394. Оп. 1. Д. 312. Л. 55.

Sm. o nem: Arhiv Prezidenta RF. Op. 24. D. 410. L. 3; GARF. F. 2306. Op. 51. D. 773; Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki. F. 4394. Op. 1. D. 312. L. 55.

Akimchenkov V. V. «National in form, proletarian in content»: project of the organization of the All-Crimean research institute of national-cultural construction and local history

The author studies and analyzes the process of reorganization of the Crimean research institute and the creation of the All-Crimean research institute of national-cultural construction and local history on its basis in 1932. Previously unpublished archival documents identified in the funds of the State Archive of the Russian Federation have been put into scientific circulation. The study uses little-known materials from the newspaper «Red Crimea», which allow us to fill the process of transformation of Soviet social and cultural life in the first half of the 30s of the twentieth century with factual content. The role of the teaching staff of the Crimean State Pedagogical Institute named after M. V. Frunze in the creation, development and activity of the institution is

shown. The work plans of the Institute's sectors and sections for the fourth quarter of 1932, as well as the influence of the People's Commissariat of the RSFSR on the successful functioning of the organization, are considered in detail.

Keywords: Crimean research institute, All-Crimean research institute of national-cultural construction and local history, Sh. Sh. Sadlaev, Crimean ASSR.

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-20-38

ГАРНИЗОН СЕЛЕНГИНСКА И УЧРЕЖДЕНИЕ КОННОЙ СЛУЖБЫ В 1690–1693 ГГ.

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Egor-bagrin@yandex.ru*

На основе неопубликованных и опубликованных источников, в статье рассматривается гарнизон Селенгинска в 90-е гг. XVII века. Этот период в Даурии связан с военными реформами Ф. А. Головина после заключения Нерчинского договора в 1689 г. Гарнизоны забайкальских острогов имели ряд проблем, которые необходимо было решить. Служилые люди Селенгинска получали оклады пеших казаков, однако фактически, выполняли конную службу, не получая от государства денег на содержание лошадей. Это приводило их к обнищанию и недовольству. Селенгинские служилые люди просили увеличить гарнизон и перевести их на более высокие оклады конных казаков. Головин удовлетворил их просьбу, но только частично, приказав быть в конной службе только одной трети людей. Усиление военного контингента острога осуществлялось за счет присылки «временщиков» – служилых людей из Удинска. В дальнейшем последствия этого решения косвенно привели к бунту военных в 1696 г. В статье проводится сравнение личного состава гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 годах. Приведены сведения о службах Д. Многогрешного, Л. Уварова (Федорова), А. Березовского, С. Казанца, И. Новикова, С. Краснояра и др. В дальнейшем, опыт учреждения конной службы в Селенгинском остроге был использован Ф. А. Головиным для реформирования гарнизона Иркутска.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, Селенгинск, XVII век

Факторы, определяющие необходимость реформирования селенгинского гарнизона. В 1687–1688 гг. Селенгинск оказался в центре событий, происходящих на юго-восточных рубежах России. В этот период в Забайкалье находился Ф. А. Головин, посол, прибывший в Даурию для переговоров с представителями империи Цин о заключении договора о границе. Маньчжуры оказывали давление на монгольскую аристократию, побуждая ее к нападению на территорию, контролируемую русскими. Монголы просили Ф. А. Головина отдать им бурятов, находившихся в Забайкалье. Не получив согласия, Батур Контайша отправил «лучших людей» в куюках к Байкалу, чтобы «бращих людей к себе побрать в мунгалскую землю». Монголы атаковали Селенгинск и Удинск, разорив близлежащие к ним заимки. Однако русские успешно отразили это нападение в январе-марте 1688 г. и совершили ответные походы в земли кочевников осенью того же года. Ратные люди Головина прошли около 200 верст от Удинска, где в «урочище позади болшого Хилка сошли табунуцких тайшей Серен Секулая с товарыщи». В бою табунуты потеряли 200 чел., а русские захватили много пленных,

табуны коней и рогатый скот. После разгрома в Селенгинск стали прибывать тайши табуноутов и «бить челом» о «вечном холопстве» и ясачном платеже. Кроме табуноутов на российскую территорию переходили и монголы Халхи. Переписав людей¹ и взяв аманатов у лучших зайсанов, Головин «велел им кочевать меж Селенгинска и Удинска по Селенге и по иным сторонним рекам». Эта практика стала распространяться на всех кочевых владетелей, переходящих в подданство России в этом регионе. Кочуя между Селенгинском и Удинском, они были под присмотром и в относительной безопасности от нападения «немирных» соседей [11, л. 77, 79, 87, 337–338²; 3; 12, с. 355–359, 371, 444, 617].

Эти условия нравились не всем. В начале 1690 г. жилец Федор Ушаков доложил Ф. А. Головину о том, что от Селенгинска откочевал в монгольские земли тайша Ирки Кантазия³ и его улусные люди, «забыв шерть свою» и оставшегося в аманатах племянника. Селенгинский сын боярский Демьян Многогрешный, дойдя до «караульного камня» и вверх по Селенге, не нашел тайшу в его обычных кочевьях. Достаточного количества казаков для погони не нашлось [11, л. 11–12]. Весной 1690 года табуноуцкий тайша Цырен Цолухай (Цокулай) и его брат Окин Табунан, «забыв милость и жалованье», бежали от Селенгинска со своими женами, детьми и улусными людьми. Российский подданный, монгольский Тахан Окин заисан, со своими людьми догнал их в верховьях р. Хилок «на Загдале». Беглецы сделали засеку в крепком месте и, не смотря на уговоры, отказались возвращаться.

¹ По данным на 8 января 1689 г. число «выходцев» составляло 1503 чел. мужского пола (около 3000 чел. обоого пола). К августу 1689 г. их число увеличилось до 1852 чел., в т.ч. 324 ясачных плательщика. К 1698 г. в «бгах» из под Селенгинска, Иркутска и Нерчинска числились 2134 чел. мужчин и женщин, откочевавших на территории, контролируемые Китаем [13, с. 64, 69–79].

² Часть кочевой аристократии должна была находиться в Селенгинске. Эта практика оборачивалась для русской администрации большими расходами. Например, монгольскому Мергень Ахай тайше и 4 его детям должны были давать в месяц 6 руб. 13 алтын поденного корма, а Забову сыну Броною, да Цырен Дехулаеву сыну Гинду Забу по 3 руб. 20 алтын. Однако, деньги на «поденные кормы» в небогатой селенгинской казне быстро закончились и монголам стали выдавать «по оценке» ясачным скотом. Мергень Ахай тайша перешел в русское подданство добровольно и выразил желание креститься вместе со своими ближними людьми. За это Ф. А. Головин освободил его от ясака и повинности выделять подводы на 7 лет. Посланцы тайши ездили в Москву к царю, где передали для него в подарок камки. Жалованье Мергень Ахая на русской службе должно было составить 20 руб., «хлеба вдвое» и 3 пуда соли в год. Ему же в Селенгинске должны были выстроить двор (хоромы). В сентябре 1691 г. из Москвы тайше передали дорогое оружие: булатная сабля «новая, полоса обоюду остра, булатная, ножны хоз черной, оправка и крыж серебряные с чернью под золотом, на Турецкое дело, черен рыбей шедровой, ценою 17 рублей, да пищаль винтовальная с замком, ствол вороненой, мерою аршин 6 вершков, у запала и на середине и на дуле и поясье на стволе насеканы травы серебром, ложа с пером кленовая, врезаны кости, на пере травы и скобы и шонпор с ботиком, и фурма и трещетка и пыжевник, цена 3 рубли». Однако весной следующего года Мергень Ахай бежал на территории подконтрольные Китаю [11, л. 133; 5, с. 269–271].

³ После ухода Ирки Кантазия от его улуса откололись и пришли под Селенгинск «Уйциски зайсан, да Гичюл зайсан, да зять ево, Ирки, Кантазиев Дайбун, всего в пятидесят юртах». Селенгинский сын боярский Иван Поршенников, прибыв в их кочевья, взял у зайсанов аманатов и вновь привел к шерти [11, л. 11–12]. Сам Ирки Кантазия стал кочевать с монгольскими тайшами, подвластными китайскому императору [13, с. 65–66].

Монголы начали стрелять и табунуты, видя, что им не удастся «отсидеться» в их укреплении, решили бежать. Цырен Цолухай и Окин Табунаун ушли только с ближними людьми¹, остальные их соплеменники «разбежались в разные крепкие места», где их частично поймали или перебили. Была захвачена жена Окина Табунауна Елса, и он на следующий день сдался. Через некоторое время в Селенгинск вернулся и один из сыновей Цырен Солухая Намзал. Причиной побега был слух о том, что бежавшим табунутам запретили кочевать «вдаль по Хилку» и приказали находиться вблизи Селенгинска [11, л. 136–140]. Отметим, что ограничения, введенные Ф. Головиным, были оправданы. Например, откочевавшие от Селенгинска владельцы Кирконтаций и Катанбатер со своими улусами были перебиты в степи джунгарами [11, л. 106].

В апреле 1692 г. из под Селенгинска, ограбив промышленных людей и казаков, перевозящих денежную казну для жалования (107 руб.), убежал мунгальский тайша Бинту Ахай, его племянники Ирки Ахай, Элден Ахай, Чюгал с братом и кормовой тайша Мерген Ахай с зайсанами, шуленгами и со всеми улусными людьми. Кроме того, селенгинские служилые люди регулярно имели столкновения с «немирными» монголами и перебежчиками: «под Селенгинской и под заимки для воровства и отгонов скотских табунов по вся годы во многолюдстве беспрестанно подъезжают и русских людей насмерть побивают и грабят, и скот отгоняют, и беглых крещеных с отгонными табунами в улусы принимают и не отдают». В 7201 (1692/1693) г. они полностью угнали скот и лошадей ясачных бурят, «побив» при этом 30 чел² [13, с. 65–66; 5, с. 283, 288].

Очевидно, что служба в Селенгинске была связана с постоянным взаимодействием с кочевниками, что подразумевало наличие в нем кавалерии. Однако военный штат Селенгинска был укомплектован только пешими казаками, которые, по факту, брали на себя функции конников, не получая за это от государства компенсацию. До конца 80–х гг. XVII в. селенгинский гарнизон с задачами справлялся. Однако необходимость реагировать на активную миграцию кочевых племен, приходящих на русскую территорию и уходящих с нее в 1688–1690 гг., истощила ресурсы военного контингента Селенгинска. Требовались перемены, и Ф. А. Головин это прекрасно осознавал, сообщая в Москву, что без конных казаков в гарнизоне Селенгинска «никоими меры пронытца невозможно» [11, л. 46].

2. Реформа гарнизона Селенгинска в 1690 г. В самом начале 1690 г. селенгинские казаки подали Ф. А. Головину челобитную, в которой написали о том,

¹ Цырен Цокулай с шуленгой Карцага перешел с 800 соплеменниками к мунгальскому тайше Катан-Батуру, находящемуся в подданстве китайского императора [13, с. 64–65].

² С 1691–1692 г. кочевники из под Удинска, Селенгинска, Ильинского острога, Троицкого монастыря, Кабаньей и других заимок угнали 128 голов рогатого скота, 207 лошадей и убили 7 русских людей, а с 1692 по 1694 гг. отогнали «скота рогатого и конного табуна» 1670 скотин [13, с. 67].

что «конную службу служить немочно»¹. В Селенгинске на тот момент было 156 казаков, руководимых Федором Кряжем. Все казаки были записаны как пешие, и получали оклад 5 руб., включая пятидесятников и десятников. Несмотря на это, основная их служба была конная. Состояла она из множества «дальних розсылок» [11, л. 45].

Селенгинские казаки написали в своей челобитной о том, что они постоянно отправлялись в поездки к монгольским тайшам, присягнувшим русскому государю и к ясачным людям для сбора информации о «немирных» тайшах. Последние часто подходили к Селенгинску и Удинску, где «отгоняли» конные табуны и рогатой скот, и людей «побивали непрестанно». Такая обстановка требовала от селенгинских казаков большого напряжения сил, т.к. они постоянно отправлялись в «отъезжие станицы» для того, чтобы монголы не подошли к Селенгинску неожиданно. Из-за частых караулов лошади селенгинцев были истощены и не способны к дальним поездкам. Кроме того, во время масштабного набега монголов к Селенгинску в 1688 г. ими были потоптаны «сена», отчего многие лошади казаков умерли от бескормицы. Для выполнения «государевых служб» казаки покупали лошадей «дорогой ценой» за свой счет, брали в долг. В конечном итоге, они «оскудали и одолжали великими долгами» настолько, что выполнение конных служб стало невозможным. Кроме того, селенгинские казаки жаловались на перебои с получением хлебного жалованья. Для продолжения службы они просили перевести их в конные казаки с назначением соответствующих окладов, чтобы им с «великих государей службы не отбыть» [11, л. 45–47].

Посол и прежде имел уже прямые указания от правительства в 1687–1688 гг. об организации конной службы в Иркутском и других «байкальских острогах». Однако до этого момента, переводить пеших казаков в конные никто не спешил. Видимо, руководство устраивало прежнее положение вещей, т.к. не приходилось тратить больше средств на оклады служилым людям. В связи с этим, Ф. А. Головин в челобитной специально отметил, что у него в полку нет конных казаков, которыми он мог бы усилить Селенгинск. Почти все имеющие у него в наличии конники были оставлены для усиления Нерчинска, а в Удинске вместе с основными силами осталось всего 37 конных казаков, из которых часть была отправлена к Москве с отписками. Так что для решения проблемы оставался только один вариант, поверстать селенгинцев в конные казаки, что и было сделано [11, л. 46–47].

¹ В это же время в феврале 1690 г. селенгинские и нерчинские служилые люди подали челобитную с просьбой о награждении их золочеными копейками. Они обращали внимание на то, что многие годы служат в даурских острогах, где «многожды с неприятелскими мунгалскими людьми бивались, не щадя голов своих». И то, что вместе с людьми Ф. А. Головина «бывали ... во многих походах на неприятелских людей... и на боях бились мужественно, и город Нерчинской, и Селенгинской, и окопы, и всякие осадные крепости во время китайского и мунгалского наступления строили, и во множественные подъезды были посылаемы по часту». Однако, в отличие от «сибирских» полков Ф. А. Головина они не получили наградные золоченые копейки. Посол счел возможным выдать даурским служилым просимую награду «с росписками из остаточных ... которые остались за дачами полковых стрелцов» [11, л. 3, 9–10].

Из 156 пеших казаков для перевода в конную службу выбрали 50 «добрых и к тому годных и прожиточных людей». Пятидесятником стал Антон Березовский (Антошка Березовских). Оклад конных казаков составил 7 руб. 8 алтын 2 денги и «хлеба по шти четвертей ржи, овса по четыре четверти, по два пуда соли человеку». В освободившие оклады пешей службы никого не верстали, видимо опять из экономии. Кроме того, Головин распорядился регулярно присылать из Удинска в Селенгинск по 100 человек. Таким образом, общая численность гарнизона Селенгинска составила 256 чел.: 106 пеших и 50 конных «старых жилых» казаков и 100 «временщиков» [11, л. 47–48]. В случае необходимости гарнизон усиливался дополнительно, например, во время опасности монгольского набега Катан Батура весной 1690 г. в Селенгинск из Удинска были направлены 100 служилых людей [11, л. 16–17].

3. Состав гарнизона Селенгинска в 1690–1693 гг.

В 1693 г. окладной книге селенгинского гарнизона числились 154 чел. Из них на командных должностях – 23 чел. (15 % от общего состава): детей боярских – 4, пятидесятников конных казаков – 2, пятидесятников пеших казаков – 3, десятников конных казаков – 4, десятников пеших казаков – 10. Рядовую службу несли 42 конных казака и 87 пеших казаков. Отдельно выделены 2 толмача [15, с. 43–47].

Интересную информацию можно выяснить при сравнении составов гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 гг., опубликованных в издании «Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск». Из 154 чел., перечисленных в окладной книге 1693 г., 39 чел. (примерно 25 %) являются «старослужащими»¹, бывшими в составе гарнизона и в 1683 г. Таким образом, на протяжении 10 лет поменялось 3/4 состава селенгинских служилых людей. Около 1/3 «старослужащих» ратников к моменту составления окладной книги 1693 г. получили повышение в звании, заняв места десятников, пятидесятников и детей боярских. Часть из них к 1700 г. получила следующие чины. При этом в 1693 г. они занимали почти 50 % окладов, выделенных для командного состава (см. таблицу) [15, с. 43–47].

Еще 31 чел. (примерно 20%), перечисленных в 1693 г. – однофамильцы² служилых людей, входивших в состав гарнизона Селенгинска в 1683 г. С большой долей вероятности, это родственники, зачисленные в службу в приоритетном порядке. В розборном списке 1699 г., отразившем движение по службе в гарнизоне Селенгинска с 1690 по 1699 гг., отмечено, что следуя приказу правительства, места умерших и «побитых» заполнялись, главным образом, за счет родственников детей, братьев и племянников. В то же время Д. Многогрешный с 1690 по 1695 г. приверстал в конную и пешую службу 8 иноземцев новокрещенов, а удинские и селенгинские служилые люди менялись местами [1, с. 405]. Часть селенгинского гарнизона несла годовую службу в Ильинском и Кабанском острогах, проживая в

¹ В таблице обозначены – (с).

² В таблице обозначены – (од).

т.ч. в окружавших их деревнях. Эти «годовальщики» стали основой для формирования собственных гарнизонов в этих крепостях.

13 чел. «старослужащих» (33 % от их общего числа) числились в конных казаках (27 % от выделенных для них мест). Вместе с «однофамильцами-родственниками» они занимали 44 % положенных для конной службы окладов. Приведенные цифры показывают равномерное распределение в гарнизоне мест, имевших высокие оклады (начальные должности, конная служба) между представителями «старых» селенгинских семей и людьми, приверстанными в более позднее время.

Информация о карьере и некоторых службах части людей селенгинского гарнизона приведена в сносках к таблице. Здесь же мы немного более подробно упомянем о бывшем гетмане Запорожского Войска Д. Многогрешном и его сыновьях, не упомянутых в таблице, но имевших большое влияние в Селенгинске в начале 1690-х гг. и Л. Уварове (Федорове) и его брате, представлявших одну из старейших семей Селенгинска.

Демьян Многогрешный и его сыновья Петр и Яков. С начала 1690 г. (не позднее 1 марта) сын боярский Демьян Многогрешный был приказчиком Селенгинска и имел широкие полномочия. Многогрешный решал все вопросы инородцев, перешедших в русское подданство и кочевавших вблизи Селенгинска. Он мог приказать сменить кочевья, допрашивал пойманных беглецов о причинах их «шатости» и «обнадеживал» их в государевой милости. Многогрешный принимал послов, узнавал о намерениях монголов. При появлении опасности «прихода» «немирных» соседей для селенгинских ясачных людей он должен был «чинить воинский промысел» в совете с удинским головой, т.к. в Удинске находились основные силы. Важные вопросы Многогрешный согласовывал с иркутским воеводой Л. Кислянским. Последний уважительно именовал его в челобитных «бывший черкасской гетман Демьян Многогрешной» [11, л. 17, 133, 136, 138–139]. Уважали его и кочевники не бывшие российскими поданными. Например, убежавший в степь «новокрещеный детина» Демьяна Многогрешного был выдан джунгарами в Нерчинск [11, л. 108].

Демьян Многогрешный находился в Селенгинске с 7190 года (1681/1682 г.). Здесь он был поверстан в дети боярские с жалованьем 18 руб. и «хлеба против денег вдвое». Позже «в службу поспели» и сыновья Многогрешного. В дети боярские сначала был поверстан его сын Петр с окладом 9 руб. и «хлеба» по 9 четей ржи и овса и 2 пуда соли¹. Затем, по челобитной Демьяна, сыном боярским стал и другой его сын Яков, получивший оклад 7 руб., «хлеба против денег вдвое» и 2 пуда соли [11, л. 252, 254]. В 1689 г. Демьян Многогрешный отметил, что «будучи в Селенгинском на многих боях и службах, был и ранен, а ныне де он стал стар и от ран болен». Он попросил «освободить» его и сыновей из Селенгинска и перевести их в другой острог «к хлебному месту». По царскому указу они должны были

¹ По просьбе бывшего гетмана оклад Петра при переводе в Иркутск был увеличен до 10 руб. и «хлеба против денег вдвое» [11, л. 252].

переселиться в Томск. Однако 16 апреля 1690 г. Многогрешный попросил отправить его в Иркутск так как «за конечною де скудостью и за далностью, перейти ему в Томской никоими меры невозможно». Ф. Головин рассмотрел его челобитную и удовлетворил просьбу Многогрешного, объяснив свои действия большими заслугами бывшего гетмана во время событий в Даурии 1688–1690 гг.: «Демьян служил вам, великим государем, у меня, холопа вашего, в полку и з детми с прошлого со 196-го году по 198-й год и во всех походах со мною, холопом вашим, также и в посылках, и в отъездах во многих, и на боях были, и в Нерчинску на посолском съезде он, Демьян, был же». Ф. Головин также приказал никого в Селенгинске на их освободившиеся места не верстать, т.к. оклады переводились в Иркутск [11, л. 252–254]. Однако, получив иркутские оклады, Демьян и его дети продолжали нести службу в Селенгинске. В 1691/1692 г. в бою с монголами погиб его старший сын Петр, а затем умер младший сын Яков [8, с. 149–170]. Д. Многогрешный исполнял обязанности приказчика Селенгинского острога как минимум до 23 апреля 1695 г. и не позднее 6 июля 1695 г. его на этом посту сменил Остафий Перфильев. [1, с. 403]

Любим Федоров (с 1691 г. Уваров) и его брат Иван. Л. Федоров начинал свою службу в Селенгинске десятником пеших казаков, оставаясь в своем звании до лета 1684 года, когда по челобитной он был переведен в пятидесятники. Следует отметить, что в памяти енисейского воеводы К. Щербатого он назван единственным пятидесятником в остроге. За свою службу он продолжал получать прежний «десятничий» оклад – 5 р. с полтиною, «хлеба пять четей с осминою ржи, четыре чети овса, два пуда без чети соли» [14, с. 287–290]. В чине пятидесятника в апреле 1689 г. он по поручению Ф. Головина собрал ясак с монголов, присягнувших русской власти и привез его в Удинск [13, с. 70]. В 1691 г. Л. Федоров возглавлял удинских стрельцов в походе на монголов из Селенгинска. В документе, описывающем этот поход, он уже носит фамилию Уваров [8]. Выяснить то что, Любим Федоров и Любим Уваров одно и тоже лицо, помогает наличие у него брата Ивана. В сентябре 1690 г. Иван брат пятидесятника Л. Федорова сопровождал посольство Григория Лоншакова в Китай. После возвращения он был обвинен селенгинским казаком Фролом Сергеевым сыном Чюпровым в краже серебра [10, л. 32–33.]. В окладной книге 1693 г. у сына боярского Любима Уварова есть родной брат Иван Федоров 24-х лет и 16 летний сын Григорий. Не позднее 7200 (сентябрь 1691/ август 1692) г. Любим Уваров переведен в чин сына боярского. В июле 1692 г. по поручению иркутского воеводы И. Гагарина он ездил в Китай к начальным людям Богдыхана с грамотой об измене селенгинских мунгальских тайшей и табунотов, откочевавших в китайскую зону влияния [13, с. 66]. Л. Уваров был состоятельным человеком, он владел кожевней, на которой работали наемные работники по выделке сыромятных, дубленых, крашенных кож и юфтей [7, с. 166]. 22 января 1694 г. по памяти И. Гагарина на место Любима Уварова в дети боярские с окладом 8 руб. был приверстан его брат Иван Уваров (Федоров). До этого Иван Уваров среди служилых людей не числился «был ни в каком чину». Произведен в начальные люди за заслуги брата. В 7204 (1695/1696) г. он был от чина отставлен

«до указа», т.к на его место был приверстан И. Корытов. Однако в 1697 г. с 25 июня по 6 августа он ездил в чине сына боярского к монгольским тайшам Бинту Ахаю, Чинтазию и Арье Зайсанам и Орсолону Зайсану. И. Уваров искал ушедших ясачных табунутов с конными табунами из улуса Окин Зайсана¹, беглых ясырей, а также, казну селенгинских казаков, ограбленную монголами в 1692 г. [1, с. 399, 406; 5, с. 286–288].

Таблица. Состав гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 гг.

1683 г.	1693 г.
<i>Пятидесятники пеших казаков</i>	<i>Дети боярские</i>
Кряж Федор	Арсеньев Иван
<i>Пушкар</i>	Арсеньев Петр ²
Протасов Якунька Андреев сын	Ловцов Гаврило ³ (с)

¹ Окин Зайсан, перейдя в русское подданство, уходил в монгольские земли, однако вскоре снова вернулся под Селенгинск в 204 (1695/1696) [5, с. 290].

² Петр и Иван Арсеньевы – дети боярские, переведенные в Селенгинск из Иркутска. Сын боярский Петр Арсеньев приверстан Ф. А. Головиным с окладом 7 руб. 16 алт. 4 денги. При иркутских воеводах И. Гагарине и А. Савелове к его жалованью были 11 руб., по 11 четей ржи и овса и 4 пуда соли. Пользовался доверием иркутского воеводы А. Савелова. Вместе с его доверенным человеком Игнатием Ханьковым и селенгинскими служилыми людьми осматривал, переписывал и «печатал» своим перстнем товары торговых караванов, шедших из Китая через Забайкалье. Однако позже А. Савелов назвал П. Арсеньева вместе с «новоприсланными в Удинск полковыми стрельцами» зачинщиком бунта 1696 г. Отмечая, что именно по его «подговору» к волнениям присоединились служилые люди Селенгинска, Ильинского и Кабанского острогов. А. Савелов был должен и не отдавал П. Арсеньеву большую сумму денег – 400 руб. Видимо, это было основной причиной того, что Арсеньев стал действовать против воеводы. В разгар бунта даурские служилые люди выбрали П. Арсеньева челобитчиком к Москве. Однако по пути, когда сын боярский остановился в Ильинском остроге, челобитные у него забрали Ганка Безрукой «с товарищи», приехавшие из Селенгинска. В грамоте селенгинских казаков отмечено, что П. Арсеньев сам отказался быть челобитчиком. Он намеревался помириться с воеводой, и получить от него долг. В это же время П. Арсеньев продал свой двор и имущество в Удинске и, забрав жену, собирался уехать в Иркутск. В дальнейшем, уже после активной стадии бунта, он через своего брата Ивана просил А. Савелова вернуть ему деньги, но безуспешно.

В ходе следствия П. Арсеньев обвинялся в том, что приказал арестовать приказчика Ильинского острога Григория Турчанинова и посылал за ним станицы селенгинских казаков, а также, призывал убить его, не дожидаясь царского указа, когда арестованный Турчанинов был привезен в Удинск. Кроме этого ему вменяли в вину участие в дележе «пограбленных животов» Василия Арсеньева и призывы забрать вино иркутского воеводы в Троицком монастыре. Особый интерес следователей вызывало то, что П. Арсеньев якобы узнавал о том, сможет ли имеющийся в Удинске дощаник поднять 300 чел. Если бы эта информация подтвердилась, то в дальнейшем его рассматривали бы как инициатора похода к Иркутску. Однако следствие не нашло подтверждения самым серьезным обвинениям. В 1697 г. П. Арсеньев был отправлен из Селенгинска в Кабанский острог приказчиком, а в 1699 г. он по-прежнему был селенгинским сыном боярским. В этом же году после с него сняли надбавки к жалованью «учиненные» И. Гагариным и А. Савеловым. [1, с. 406; 2, с. 352–375; 14, с. 436].

³ Гаврило Ловцов – один из основателей Селенгинска в 1665 году, бывший енисейский пятидесятник, за свои заслуги был пожалован в дети боярские и исполнял должность приказчика

Татаринов Тимошка ¹	Уваров Любим (с)
<i>Десятники пеших казаков</i>	<i>Конные пятидесятники</i>
Барыбин Максим вместо Омельки Паникадильщикова	Березовской Антон ² (с)
Борода Ондрюшка	Казанец Степан ³
Брянской Гришка	<i>Пешие пятидесятники</i>
Бурлак Васка	Воронцов Тихон ⁴
Вакорин Федька	Чюжакин Леонтий ⁵
Григорьев Оничка	Штинников Андрей ⁶ (с)

Селенгинского острога в 1671–1672 и 1674–1676 гг. В начале 1690–х гг. он уже был в почтенном возрасте и, вероятно, уже не принимал активного участия в жизни гарнизона [16].

¹ Пушкарь Селенгинска и мастер медник [7, с. 159].

² Антон Березовский служил в Селенгинске рядовым и десятником пеших казаков, затем получил чин пятидесятника конных казаков, выбранных из числа «лучших» селенгинских служилых людей. Его авторитет в среде селенгинских служилых людей был очень большим. Березовский часто представлял их интересы в т.ч. во время смуты в даурских острогах в 1696 г. Из документов, относящихся к 1695–1696 гг., мы видим, что и администрация Селенгинска поручала ему наиболее важные задания. Березовский имел свое знамя «небольшое китайчатое белой да черной китайки мерою в аршин», которое пятидесятник использовал при проезде с казной для того, чтобы было видно, что это «государев» караван. При необходимости, он по приказу приказчика Селенгинска Остафья Перфильева собирал в острог селенгинское «войско», разбросанное по деревням. Кроме того, с ведома администрации он мог вести расспросные дела и наказывать батогами, не приводя обвиняемого в приказную избу. Руководил приемом и доставкой хлебного жалования из Иркутска. В 1691 г. тунгусы убили трех дворовых людей А. Березовского, беглецов и возместили ему «ущерб» пригнав табун из 150 лошадей и скот. 23 марта 1695 г. иркутский воевода И. Гагарин добавил к жалованью 2 руб., по 2 чети ржи и овса, пуд соли (к 7 руб. 25 алт.). Однако в 1699 г. воевода И. Николев эту прибавку отменил. В августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. [11, л. 47–48; 1, с. 402, 406; 2, 363, 366, 369–370; 5, с. 288, 292; 7, с. 143; 9, с. 98–108; 14, с. 426, 430].

³ Степан (Стефан, Стенька) Прокопиев сын Казанец (Казан). В 7200 (1691/1692) г. приверстан из десятника конных казаков на место конного пятидесятника, освобожденное Любимом Уваровым (Федоровым) с окладом 7 руб. с полтиною. Второе по значимости лицо после А. Березовского в войске. В 1692 г. был приказчиком Кабанского острога. 30 октября 1695 г. по памяти иркутского воеводы А. Савелова был повышен в чин сына боярского с прибавкой к прежнему жалованью 2 руб. 50 коп., 2 чети с осьминою хлеба и полпуда соли. В 1696 г. С. Казанец был выбран селенгинскими казаками приказчиком Ильинского острога «до перемены» после ареста прежнего приказчика Г. Турчанинова. В сентябре 1697 г. принимал меры по поиску «воровских» монголов и тунгусов, угонявших скот и лошадей. В 1699 г. в результате проверки верстания в оклады селенгинского гарнизона, отставлен от своего чина в предыдущее звание пятидесятника «до указа». 21 ноября 1700 г. снова в звании сына боярского стал приказчиком Селенгинского острога, приняв его у П. Киргиза [1, с. 400–401; 2, с. 358, 361; 5, с. 287; 14, с. 438].

⁴ 27 октября 1694 г. Т. Воронцов выписан из оклада селенгинских пятидесятников, а на его место назначен Дмитрий Торокановский [1, с. 402].

⁵ Отмечен как пятидесятник в 1699 г. Видимо, был неграмотен. На разборном списке 1699 г. вместо него расписался Х. Хрисанфов. В документах отмечен также как Левка Чужакин [1, с. 405; 14, с. 427].

⁶ А. Штинников начинал службу в Селенгинске рядовым казаком, затем пятидесятником пеших казаков. В апреле 1695 г. А. Штинников переведен пятидесятником в Иркутск. Он и его брат Иван,

Колесарев Мишка	<i>Толмачи из конных казаков</i>
Палкан Антипка	Киргиз Петр ¹
Паникадильщиков Омелько для старости поверстан вместо убитого в 191 г. Аникеева Ивашки	Уразов Гурей (десятник) ² (од)
Степанов Васько	<i>Конные десятники</i>
Тварогов Сенька	Корытов Иван Алексеев сын ³ (с)
Уразов Данилко	Краснояр Семен ⁴
Федоров Любишка	Новиков Иван (с) ⁵

известный иркутский предприниматель и торговец, основатели крупного мыловаренного производства, обеспечивавшего мылом Прибайкалье и Забайкалье. В круг предпринимательских интересов А. Штинникова входила также русско-китайская торговля [1, с. 403; 7, с. 167, 210–211, 219].

¹ Петр Парамонов сын Киргиз (Петр Кыргызов) приверстан в толмачи в 200 (1691/1692) г. из конных казаков с прибавкой к окладу 2 алт. и по 2 чети овса и ржи. В 1699 г. прибавка была отменена. В 1694 г. не раньше февраля ездил к монголам и возвратил угнанный из под Селенгинска скот. С той же целью ездил сентябре 1696 г. к тайше Ирдени–контасия. В 1700 г. с 6 сентября до 21 ноября исполнял обязанности приказного человека Селенгинского острога в звании казака. В этот период принимал посольства от монгольского Геген Кутухты и Дундук хана. [1, с. 403–404, 407; 5, с. 289, 291, 294; 13, с. 65–66; 14, с. 438].

² Г. Уразов приверстан в толмачи в 200 (1691/1692) г. из конных десятников с прибавкой к окладу 2 алт. и по 2 чети овса и ржи. В 1699 г. прибавка была отменена. С 25 июня по 6 августа 1697 г. ездил с отрядом И. Уварова к монгольским тайшам для поиска ушедших к ним ясачных табунутов из улуса Окин Зайсана, беглых ясырей, а также казны селенгинских казаков, ограбленной монголами в 1692 г. С 12 августа по 3 сентября 1697 г. был в составе отряда, искавшего конные табуны, угнанные монголами из под Селенгинска и Удинска [1, с. 403–404, 407; 5, с. 286–287.].

³ И.А. Корытов по приказу иркутского воеводы И. Гагарина в марте 1692 г. поверстан из рядовых конных казаков в освободившийся оклад конного десятника Федора Леонтьева. С прибавкой жалованья 8 алтын 2 деньги. В августе 1693 г. переведен в чин пятидесятника Кабанского острога с окладом 7 руб. 25 алтын. 9 января 1696 г. по приказу иркутского воеводы А. Савелова зачислен в селенгинские дети боярские «на выбылое место» Любима Федорова, которое в это время занимал его брат Иван Федоров. Оклад 7 руб. В 1697 г. (назначен не позднее 21 июня) приказчик Селенгинского острога [1, с. 401–403; 5, с. 286–288].

⁴ Семен Краснояр пользовался большим доверием и уважением в войске, выполнял важные поручения. Например, в 1689 г. он в качестве толмача вместе с другими даурскими служилыми людьми сопровождал монгольских посланцев Москву, в Сибирский приказ и обратно в Сибирь. Весной 1690 г. С. Краснояр с 3–мя казаками доставлял в Селенгинск денежную казну для жалованья служилым людям и был ограблен монголами. В августе 1692 г. по памяти И. Гагарина «за многие его службы, и за кровь, и за раны, и за осадное сидение» его оклад был увеличен на 8 алт. 2 деньги. В 1696 г. по решению приказчика Селенгинского острога О. Перфильева и «по выбору селенгинских всех служилых людей» ездил в Иркутск за денежным жалованием для селенгинцев. В 1696 г. о время смуты в даурских острогах по войсковому выбору С. Краснояр прибыл в Москву с челобитной о «неправдах» и измене иркутского воеводы А. Савелова. В это же время оказался замешан в дело об убийстве иркутских казаков, селенгинцами, которые его сопровождали. Умер в Москве в 1696 г. [11, л. 58–59; 1, с. 404; 2, с. 361, 367, 372, 363, 366, 368; 5, с. 283, 286; 6, с. 332; 13, с. 65; 14, с. 426–427, 432].

⁵ В июле 1692 г. Иван Новиков по приказу иркутского воеводы И. Гагарина приверстан из рядовых конных казаков в десятники в место С. Казанца, ставшего пятидесятником. 23 апреля 1695 г. он по памяти иркутского воеводы А. Савелова назначен пятидесятником пеших казаков Селенгинска в освободившееся место Андрея Штинникова. Оклад остался «десятникчий» 7 руб. 8 алт. 2 денги. 6 июля

Рядовые пешие казаки	Торокановской Дмитрий ¹
Аверкеев Екимко	<i>Пешие десятники</i>
Аверкеев Коземка ²	Алемас Аника
Аверкиев Софронко	Брянской Василий (од)
Андреев Васко ³	Бурлак Василий (с)
Андреев Лучка	Внифантьев Федор (с)
Андреев Митька	Ловцов Григорий
Андреев Федька	Максимов Антипа
Андреев Филька	Паникадильщиков Емельян ⁴ (с)
Анфимов Ганка	Ревякин Иван
Анфимов Оверька	Творогов Семен ⁵ (с)
Бажедомов Якунька	Шемякин Дунай ⁶ (с)
Баженин Федька	<i>Рядовые конные казаки</i>
Барабанщик Алешка	Агафонов Карп
Белоглаз Офонька	Андреев Дмитрий умер в 200 г. в посылке к Москве в провожатых за Бушухтухановыми посланцы (с)
Березовской Мишка	Арсеньев Иван

1695 г. А. Савелов приказал И. Новикова приверстать в дети боярские Удинска. Новиков и конный казак Василей Веснин были в числе тех, кого удинские, селенгинские и ильинские «которые живут по займам» в 1695 г. звали приехать в Ильинский острог из Кабанского острога к «доброму совету», предшествующего конфликту с иркутским воеводой. В деревню к И. Новикову заезжал инициатор бунта удинских казаков Моська Борисов, возвращавшийся из Иркутска, где казаки не получили полное денежное жалование, а также хлебные и соляные оклады. После этой встречи, приехав в Удинск, стрельцы самовольно сместили с поста приказчика Андрея Бейтона. Затем по «велению» удинских стрельцов И. Новикова «посадили» в приказчики Ильинского острога после смещения Г. Турчанинова. В 1696 г. удинский сын боярский И. Новиков служил приказчиком Кабанского острога. В это же время в личной переписке между братьями Арсеньевыми отмечено, что он незаконно занимался «винокурством» [1, с. 400; 2, с. 353, 357–359, 362, 376; 14, с. 433].

¹ Дмитрий Торокановский (Митка Таракановский) (до службы был торговым человеком) в октябре 1694 г. по памяти иркутского воеводы И. Гагарина получил чин конного пятидесятника Селенгинского острога, заняв выбылое место Т. Воронцова. К его окладу 7 руб. было добавлено 16 алт. 4 денги. В 1699 г. иркутский воевода И. Николев приказал вернуть Д. Торокановского в прежнее звание. Будучи состоятельным человеком, активно участвовал в русско–китайской торговле [1, с. 402, 406; 7, с. 210, 219,222; 14, с. 427, 435, 438].

² В 1681 г. чинил казенные мушкеты [7, с. 159].

³ Занимался мясным производством и торговлей [7, с. 180].

⁴ Десятник Емельян Паникадильщиков упомянут в числе руководителей бунта «заморских казаков» в 1696 г. [2, с. 353–359, 361; 14, с. 423].

⁵ Сын С. Творогова казак Васька Творогов, в мае 1696 г. привозил в Удинск «грамотку», от селенгинских служилых людей, а в 1697 г. отписки в Иркутск (в 1694 г. в возрасте 20 лет он еще не числился в составе гарнизона) [2, с. 354; 5, с. 287].

⁶ В 1697–1699 г. Дунай (Дунайко) Шемякин по прежнему был десятником пеших казаков. «Прикладывал руку» к расспросным речам, касающимся смуты 1696 г., ездил в 1697 г. в Иркутск с отписками. В 1680 г. участвовал в производстве пушки, которую отлил Семен Разгильдяев [2, с. 373; 5, с. 287; 7, с. 159].

Березовской Онтонко	Баженин Федор (с)
Бобайловых Оничко	Борода Дмитрий (Евсевьев) ¹ (с)
Бодорой Ивашко	Брянской Иван ² (од)
Борисов Ивашко	Бурдуковской Максим ³
Борода Митька Евсеев сын	Веснин Василий ⁴
Ботов Данилко	Голой Афанасий
Бронников Агафонко	Григорьев Кипряшка (од)
Бушков Пашко	Дмитреев Леонтий
Васильев Офонька	Домашев Матвей
Верхотур Федотко	Дубинин Василий (од)
Внифантьев Федько	Дубинин Иван ⁵ (с)
Высокой Стенька	Евтифеев Федот
Гранин Алешка	Калинин Федор (с)
Григорьев Вавилко	Кокорин Василий (с)
Григорьев Трошка	Кокорин Петр (од)
Гусев Ивашко	Коренев Сава Федоров сын (од)
Денисов Тренька	Крымов Иван
Дубинин Ивашко	Мокеев Василий
Дунаев Ивашко	Некрасов Ерофей ⁶
Едомской Захарко	Немчинов Леонтий, убит в 199 г.

¹ Дмитрий Евсевьев сын Борода 1 сентября 1697 г. был поверстан в десятники конных казаков в освободившееся место Ивана Новикова. В августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов [1, с. 403; 5, с. 288].

² В 1695–1696 г. был одним из лидеров селенгинских служилых людей. В документах фигурирует как «Ивашко Брянской с товарищами». Был грамотен, расписывался за сослуживцев [5, с. 292; 14, с. 427].

³ Приверстан в Селенгинский гарнизон из числа торговых людей. В 7200 г. (1691/1692) монголы угнали с заимки М. Бурдуковского 9 лошадей и 13 скотин рогатых [13, с. 66]. 1 марта 1695 г. переведен из рядовых конных казаков в десятники в освободившееся место Ивана Корытова, назначенного пятидесятником Кабанского острога. Продавал в Китае свои товары. В документах 1695–1696 г. отмечен также его однофамилец селенгинский десятник Степка Бурдуковский [7, с. 210–211; 14, с. 427].

⁴ 14 сентября 1694 г. конный казак В. Веснин по памяти И. Гагарина был выписан из окладных книг Селенгинска и приверстан в Кабанский острог пятидесятником. Оклад 7 руб. 50 коп. В. Веснин известен как крупный предприниматель, занимавшийся добычей соли и подрядчик, поставлявший хлеб в казну [1, с. 403; 7, с. 183–184].

⁵ В августе-сентябре 1697 г. сын Ивана Дубинина казак Сенка Дубинин участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. В 1694 г. Сенке было 24 года и он еще не был приверстан [5, с. 286–288; 15, с. 47].

⁶ Ерофей (Ерошка, Юрко) Некрасов в августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. Был грамотен. Написал ряд документов Селенгинского острога: грамотку удинским стрельцам с предложением о взаимопомощи во время смуты 1696 г. (по приказу А. Березовского, Л. Чужакина и Ивана Ловцова), отчет о ходе и результатах поездки (доезд) к монголам в 1697 г. 1 сентября 1698 г. Е. Некрасов поверстан в конные десятники в место С. Краснояря, умершего в 1696 г. Имел по приказу воеводы И. Гагарина прибавку к жалованью 8 алт. 2 денги, отмененную в 1699 г. И. Николевым [1, с. 404, 407; 2, с. 366; 5, с. 288].

Елисеев Офонька	Пежемской Тимофей вместо убитого в в 199 г. Федотова Ивана (с)
Емельянов Мирошка	Портняга Микита в 201 г. переведен в конную службу по Удинску
Еремеев Сенька	Ревякин Петр
Ероцкой Трошка	Розгильдеев Иван
Иванов Лазарько	Сапожник Иван
Иванов Сергушка	Серебреник Иван Осипов сын (од)
Иконник Игнашка	Степанов Григорий (од)
Иконник Ооска	Степанов Микифор ¹ (с)
Калинин Ивашко	Татаринов Иван (од)
Калинин Федька	Творогов Григорий (од)
Кириллов Якушка (в 191 г. из казачьи службы за скорбью отставлен)	Торокановской Филип
Клюй Ивашко	Турчанинов Клим (с)
Кожевников Пашко вместо убитого в 191 г. Макарова Савки	Тюхин Андрей
Кокорин Васка	Федотов Мокей (с)
Колесников Ивашко	Фотеев Василий
Колотовской Якушко	Хабаров Илья (умер в 201 г.)
Кондратьев Алешка	Харитонов Стефан ²
Кондратьев Екимко	Чюжакин Иван
Корытов Ивашко вместо Васильева Тришки (в 191 г. для увечья из казачьи службы выписан)	Юдин Гурей
Кошлок Данилко	<i>Рядовые пешие казаки</i>
Крисантьев Хорька	1. Аверкиев Еким (с)
Ларионов Кирилко	2. Агеев Денис
Ленской Ивашко	3. Анисимов Гаврило ³
Леонтьев Федька	4. Анфилофьев Козма
Леонтьев Федька (умер в 191 г.)	5. Анфимов Гаврило ¹ (с)

¹ В 205 (1696/1697) конный казак Никифор Степанов по его челобитью стал стрельцом в Удинске, поменявшись местами со своим братом Куской Дуркиным [1, с. 405].

² Харитонов Стефан (Стенка) в 1695–1696 г. служил десятником Селенгинского острога [14, с. 427].

³ Гаврило (Ганко, Гашко) Анисимов сын Безруков. За убийство двух служилых людей сослан из Тобольска в Даурию вместо смертной казни. Служил в Албазинском остроге, а после его разрушения в 1689 г. переведен в Селенгинск. 1 марта 1693 г. приверстан по приказу Д. Многогрешного в пешую службу из «присыльных людей» на место убитого казака Матюшки Яковлева. Активно участвовал в «бунте заморских казаков» 1696 г. в связи с чем, часто упоминается в документах об этом событии. В 1699 г. отставлен от службы «быть в том чину, в чем прислан» [1, с. 404, 407; 2, с. 372, 427, 429–430; 4].

Лукин Трошка	6. Анфимов Томило (од)
Матвеев Сенька ²	7. Анцыфоров Иван
Медведев Сенька	8. Афанасьев Лука
Микитин Ондрюшка	9. барабанщик Алексей (с)
Микитин Федька	10. Бачанской Петр ³
Нарымской Гараска	11. башкир Яков
Нарымской Ивашко	12. Березовской Михайло (с)
Новиков Ивашко	13. Березовской Трофим убит в 200 г. (од)
Осипов Ортюшка	14. Борисов Филат ⁴ (од)
Офонасьев Мишко	15. Бронник Агафон в 201 г. за старость и за увечье от службы освобожен (с)
Пахорук Ивашко	16. Бунин Степан
Перетолчин Лучко	17. Бушков Павел (с)
Петров Савка	18. Васильев Герасим (од) ⁵
Попов Ивашко	19. Верхотур Ефремка убит в 200 г. (од)
Прокопьев Стенька	20. Вилской Иван
Родионов Филька	21. Володимеров Иван
Своробовых Ефремко	22. Гаврилов Костя
Седальской Митька	23. Григорьев Родька (од) вместо умершего в 201 г. Тобольского Григория (с)
Семенов Ортюшка	24. Гудзий Васка
Семенов Федько	25. Гусев Иван (с)
Сергеев Фролко	26. Денисов Третьяк (с)
Серебряник Федька	27. Деревня Кирило
Скуратов Алешко	28. Дубинин Михайло (од)
Скуратов Олешко	29. Еротцкой Трофим
Смиренников Онцыфорко	30. Ефтифеев Федор

¹ Анфимов Гаврило руководил селенгинскими казаками во время приема хлебных запасов, кричного железа, а также судовых скоб и гвоздей в июне 1694 г. в Идинском остроге [6, с. 305].

² В 1681 г. чинил казенные мушкеты [7, с. 159].

³ Петр Бачанский упомянут как один из активных участников смуты 1696 г. Сопровождал С. Краснояра с челобитной в Москву до Брацкого острога, где участвовал в столкновении с иркуцкими казаками [2, с. 372].

⁴ Филат Борисов умер до конца августа 1696 г. На его место прибран «для малолюдства» его племянник Филька Петров из пашенных людей Илимского острога. Последний оставил за себя человека «в пашенном десятинном тягле» [1, с. 404].

⁵ Герасим (Гаранька) Васильев в 1696 г. обвинялся в том, что «соболи и пупки войсковые воровал». 21 июня 1697 г. он из пеших казаков был переведен в конные на место В. Веснина «для розсылок и малолюдства конных казаков» [1, с. 403; 2, с. 366].

Степанов Микишко	31. Завьялов Федор
Степанов Минко	32. Иванов Изот (од)
Сургуцкой Ивашко	33. Иванов Лазарь (с)
Сысолетин Стенька	34. Иванов Сергей (с)
Тимофеев Левка	35. Карташев Тимофей
Тихонов Кондрашка	36. Кирик Иван в 199 г. за скорбью от службы отставлен
Тобольской Гришка вместо новокрещена Васки (в 191 г. из казачьи службы за болезнью отставлен)	37. коновал Артемий
Томской Пашко	38. Котюрев Федор ¹
Томской Софонко ²	39. Кочень Осип Борисов сын (од) ³
Турпан Гришка	40. Краснояр Артемий
Турчанинов Климок	41. Краснояр Василий
Уваров Гараска	42. Краснояр Наум
Удачин Федька вместо барабанщика Васки (в 191 г. за старостью и для увечья из казачьи службы отставлен)	43. Крутков Семен
Уланов Оска	44. Кузнецов Стефан
Унжак Стенка	45. Лаптев Михайло
Уской Ондрюшка	46. Лемзяков Иван
Устинов Ивашко	47. Ловцов Иван ⁴
Устинов Трошка	48. Льин Иван
Федоров Ерошка	49. Любушин Стефан
Федоров Микитка	50. Макаров Данило (од)
Федоров Сергушка	51. Медведев Андрей (од)
Федотов Ивашко	52. Молодой Трофим Григорьев сын (с)
Федотов Мокейко	53. Нарымской Василий (од)
Хмелев Ивашко	54. новокрещеной Федька
Хохлов Петрушка	55. Новоселов Костя
Чепало Стенька	56. пелымец Василий
Шарапов Ивашко Матвеев сын	57. плотник Ефрем
Шемякин Дунайко	58. Попов Василий (од)

¹ Федор (Федька) Котюрев в 1696 г. отмечен как селенгинский подъячий [2, с. 353–359, 361].

² Занимался мясным производством и торговлей [7, с. 180].

³ Оська (Осип) Кочень упомянут как один из активных участников смуты 1696 г. Сопровождал С. Краснояра с челобитной в Москву до Брацкого острога, где участвовал в столкновении с иркуцкими казаками [2, с. 354, 372].

⁴ В 1695–1696 г. был одним из лидеров селенгинских служилых людей. Вместе с пятидесятниками А. Березовским и Л. Чужакиным был инициатором создания «грамотки» к гарнизону Удинска о взаимопомощи во время смуты 1696 г. [2, с. 366].

Штанников Андрюшка вместо убитого в 191 г. Шадрикова Максимки	59. Протасов Якунька ¹ (пушкарь) (с)
Шубин Тимошка	60. Распопов Сергей
Яковлев Евдокимко	61. Ревякин Яков убит в 201 г.
Яковлев Матюшка ²	62. Резанов Иван ³
Яковлев Филька вместо убитого в 191 г. Яковлева Ивашки	63. Розгидеев Федор
	64. серебряник Федор Максимов сын (с)
	65. Сидоров Семен
	66. Степанов Миня (с)
	67. Стукалов Михайло
	68. Сур Данило
	69. Сургутцкой Матвей в 201 г. бежал (од)
	70. Сурытцкой Яков
	71. Торокановской Григорий ⁴
	72. Туголуков Афанасий
	73. Тюхин Кондратий
	74. Уваров Борис (од)
	75. Удачин Петр (од)
	76. Уской Андрей (с)
	77. Устинов Иван (с)
	78. Федоров Алексей (од)
	79. Федотов Иев ⁵ (од)
	80. Федотов Павел за старость и за увечье от службы освобожден (од)
	81. Хабаров Терентий
	82. Хрисанфов Харитон ⁶ (с)

¹ Пушкарь Селенгинского острога. Делал для пушек колеса [7, с. 159].

² Убит до 1 марта 1693 г. [1, с. 404].

³ 1 апреля 1694 г. пеший казак Резанов Иван «по челобитью, поменялся ... с селенгинским посацким человеком, а своим сродичем Федотом Ивановым». В посаде И. Резанов получал 10 алт. [1, с. 404].

⁴ Григорий Торокановский брат Дмитрия Торокановского. В октябре 1694 г. переведен на место брата в чин конного казачьего десятника, после того как тот занял место конного пятидесятника. В 1699 г. иркутский воевода И. Николев приказал вернуть Г. Торокановского в прежнее звание [1, с. 402, 407].

⁵ Выбыл со службы не позднее 205 (1696/1697) г. на его место по челобитью поверстан из пашенных крестьян Федка Бурдуков (Бурдин), оставивший за себя человека «в пашенном десятинном тягле». В 1699 г. Ф. Бурдуков был отставлен от службы в пашню [1, с. 404–405, 407].

⁶ В 1699 г. по прежнему был рядовым казаком Селенгинска. Был грамотен, расписывался за начальных людей [1, с. 405].

	83. Челбунин Микита
	84. Черепан Иван
	85. Шадриков Денис (од)
	86. Шестепер Данило
	87. Шубин Тимофей (с)

Подводя итог, отметим, что реформа состава гарнизона Селенгинска, проведенная в 1690–1691 гг., носила половинчатый характер. Только треть служилых людей были переведены в конную службу и получили более высокие оклады, учитывающие содержание лошадей. Несомненно, эта мера сняла в некоторой степени напряженность в военном коллективе гарнизона, однако не решила проблемы. Две трети казаков, по-прежнему, получая пешие оклады, были задействованы в тех же службах, что и конные казаки, что негативно сказывалось на их материальном положении. Через несколько лет в 1696 г. перебои с финансированием из-за злоупотреблений администрации Иркутского уезда привели к участию гарнизона в «бунте заморских казаков», следствием которого стало ослабление контроля за границей и набег кочевников на русские территории.

Список использованных источников и литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – С. Петербург: типография Императорской Академии наук. 1884. – Т. 3. – 522 с.

Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rossii. – S.Peterburg: tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. 1884. – Т. 3. – 522 с.

2. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. – М. 1962 – С. 345–386. Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386.

Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386. Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386.

3. Багрин Е. А. Сибирские полки во время похода Ф. А. Головина в Даурию. 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 129–144.

Bagrin E. A. Sibirskie polki vo vremya pokhoda F. A. Golovina v Dauriyu. 2 chast': Voennye deistviya v Zabaikal'e (1687–1688 gg.) // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 129–144.

4. Багрин Е. А. «Бунт» или «смятение»? к вопросу о характере беспорядков удинских и селенгинских служилых людей в 1696 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 19–36.

Bagrin E. A. «Bunt» ili «smyatenie»? k voprosu o kharaktere besporyadkov udinskikh i selenginskikh sluzhilykh lyudei v 1696 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 19–36.

5. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1867. – Т. 10. – 504 с.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa, v Ofiterskoi ulitse, dom № 26, 1867. – Т. 10. – 504 с.

6. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск, 2008. – 378 с.
Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernigovskii: dokumental'noe povestvovanie. – Irkutsk, 2008. – 378 s.
7. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. – 321 с.
Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uездov). – M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2012. – 321 s.
8. Оглоблин Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – Киев, 1892. – С. 149–170.
Ogloblin N. Sluzhba v Sibiri Dem'yana Mnogogreshnago // Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa. – Kiev, 1892. – S. 149–170.
9. Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. – СПб., 1902 – 198 с.
Pervoe stoletie Irkutsk. V pamyat' 250-letiya Irkutsk. – SPb., 1902 – 198 s.
10. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 56. Л. 32–33.
RGADA. F. 1142. Op. 1. D. 56. L. 32–33.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 3, 9–12, 16–17, 45–48, 58–59, 77, 79, 87, 106, 108, 133, 136–140, 252–254, 337–338.
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059. L. 3, 9–12, 16–17, 45–48, 58–59, 77, 79, 87, 106, 108, 133, 136–140, 252–254, 337–338.
12. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – Т. 2. – 835 с.
Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty. 1686–1691 / sost. N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. – M.: Nauka, 1972. – T. 2. – 835 s.
13. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы: 1725–1727 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2. – 669 с.
Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke: Materialy i dokumenty: 1725–1727 / sost. N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. – Moskva: Nauka, 1990. – T. 2. – 669 s.
14. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.
Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek / sost. G. N. Rumyantsev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude, 1960. – Vyp. 1. – 493 s.
15. Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 146 с.
Sibirskie goroda: Materialy dlya ikh istorii, XVII–XVIII stoletii: Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk. – Moskva: tip. M. G. Volchaninova, 1886. – 146 s. 43–78
16. Тиваненко А. В. Приказные люди Селенгинского острога XVII–XVIII вв. // Этнокультурное наследие Сибири и туризм: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 350-летию со дня основания Селенгинского острога, 40-летию Новоселенгинского музея декабристов; Селенгинский район, пос. Новоселенгинск; г. Улан-Удэ, 10–11 сентября 2015 г. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА имени В. Р. Филиппова, 2015. – С. 65–67
Tivanenko A. V. Prikaznye lyudi Selenginskogo ostroga XVII–XVIII vv. // Etnokul'turnoe nasledie Sibiri i turizm: problemy i perspektivy: materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoi 350-letiyu so dnya osnovaniya Selenginskogo ostroga, 40-letiyu Novoselenginskogo muzeya dekabristov; Selenginskii raion, pos. Novoselenginsk; g. Ulan-Ude, 10–11 sentyabrya 2015 g. – Ulan-Ude: Izd-vo BGSKhA imeni V. R. Filippova, 2015. – S. 65–67

Bagrin E. A. Selenginsk garrison and cavalry foundation in 1690–1693

The article examines the issues related to Selenginsk garrison in the 90s XVII century. This period in Dauria is associated with the military reforms of F.A. Golovin after the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689. The garrisons of Trans–Baikal forts had a number of problems that had to be solved. Selenginsk warriors got salaries like foot Cossacks, but in fact they performed equestrian services without receiving money from the state for horse service. This circumstance led them to impoverishment and discontent. Selenginsk warriors asked to increase the garrison and pay them higher salaries as for horse Cossacks. F. Golovin granted their request partially – he transferred only one third of people to the equestrian service. Udinsk warriors or «temporary workers» were transferred to Selenginsk for strengthening the military contingent of the fortress. The consequences of this decision indirectly led to a military revolt in 1696. The article compares the personnel of Selenginsk garrison in 1683 and 1693. There is information about the military services of warriors: D. Mnogogreshny, L. Uvarov (Fedorov), A. Berezovsky, S. Kazants, I. Novikov, S. Krasnoyar and others. The experience of cavalry foundation in the Selenginsk fortress were used by F. Golovin to reform Irkutsk garrison.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Dauria, XVII century

УДК 94: 7.071 «ГЛАГОЛЕВ» КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-39-52

**А. Н. ГЛАГОЛЕВ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
КРЫМСКОЙ АССР (1928–1946)**

Гаврилюк М. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: maryna.havriliuk@gmail.com*

Рассматривается деятельность Александра Николаевича Глаголева, крымского художника и общественного деятеля, в свое время являвшегося наиболее заметной фигурой на идеологическом фронте изобразительного искусства Крымской АССР. Работая сначала художником, а затем заведующим иллюстрационного отдела газеты «Красный Крым», прикладывал все возможные усилия для внедрения государственной политики во все сферы художественной жизни Крыма. С 1929 года развернул небывалую для Крыма деятельность, в надежде «вырвать художников из состояния омертвелой аполитичности и переключить их на служение интересам революционного пролетариата», воспитав при этом поколение молодых, идеологически грамотных художников. В качестве основной платформы для осуществления своих планов, А. Н. Глаголев использовал газету «Красный Крым», на страницах которой появлялись не только его иллюстрации и карикатуры, но и достаточно большие статьи, призывающие художников и фотографов быть ближе к социалистическому строительству. К его заслугам можно отнести организацию художественной выставки к 10-летию советизации Крыма, Первой Всекрымской выставки самодеятельного искусства, а также выставки профессиональных и самодеятельных художников в Государственном музее восточных культур (Москва) «Искусство Советского Крыма». А. Н. Глаголев выступил создателем и председателем Крымского общества революционных художников «Изофронт». Старался оказывать поддержку мастерам самодеятельного и национального искусства.

Ключевые слова: А. Н. Глаголев, изобразительное искусство, художники, Крымская АССР, Симферополь, Красный Крым, изо-соревнование, Памятник погибшим борцам революции, выставки, Изофронт.

На протяжении первой половины 1920-х годов советская государственная политика не являлась основополагающим фактором для изобразительного искусства Крымской АССР. Художники, вероятно, до конца не осознавали требования, предъявленные им новой реальностью, а органы власти проходили стадию становления. Из отчета о деятельности Крымнаркомпроса за 15 ноября 1920 г. – 1 января 1922 г. следует, что в его составе создано художественное управление, осенью 1921 года вошедшее в состав Политпросвета. Однако «мало-мальски точных и связных данных о работе управления пока не имеется» [5, л. 282]. В первой половине 1920-х годов первостепенное внимание уделялось работе КрымОХРИСа и развитию крымских музеев. Лишь в 1927 году, Центральным музеем Тавриды совместно с Крымполитпросветом и Союзом работников искусств (Рабис), была

организована первая выставка крымских художников, приуроченная к 10-летию Октября [4]. Исходя из обзора выставки в прессе, среди ее экспонатов основное место занимали не жанровые произведения на советскую тематику, а пейзажи К. Ф. Богаевского, Ю. И. Шпажинского, акварели М. А. Волошина, натюрморты А. Ф. Гауша и др. [23].

Однако в 1928 году, с принятием первого пятилетнего плана развития хозяйства СССР, ситуация кардинально меняется. Такие, казалось, чуждые искусству понятия, как индустриализация, соцсоревнование, ударничество, входят во все сферы художественной жизни Крымской АССР. Именно в это время по приглашению редакции газеты «Красный Крым» на полуостров приезжает художник Александр Николаевич Глаголев, впоследствии ставший одной из наиболее ярких фигур на идеологическом фронте изобразительного искусства Крымской АССР.

Докрымский период биографии А. Н. Глаголева интересен и наполнен событиями, однако в данном случае не имеет для нас решающего значения. Поэтому его биографические данные до 1928 года приведем в кратком виде.

Александр Николаевич Глаголев родился 30 августа 1893 года в Нижнем Новгороде. В 1912 году окончил Военно-фельдшерскую школу в Москве. И затем, вплоть до 1923 года, жизнь А. Н. Глаголева связана, в первую очередь, с военной службой и медициной: с 1912 по 1918 годы находился на военной службе в качестве старшего лекпома лазаретов Екатеринбург и Казани; с октября 1918 года – служил в рядах Красной Армии на Восточном фронте; в апреле 1919 года эвакуирован в Тверь, после выздоровления служил в Тверском эвакупункте.

Единственным известным фактом его художественного образования, является обучение в художественной студии при клубе «III Интернационала» в Твери, которую он посещал в течение 1919–1923 годов одновременно с несением военной службы. В 1923 году Александр Николаевич Глаголев окончательно связывает свою жизнь с искусством: работает художником-карикатуристом Тверского отдела Окон сатиры РОСТА, а затем с 1924 по 1928 годы – иллюстратором и карикатуристом в газетах «Тверская правда» и «Тверская деревня». Его карикатуры перепечатывались в провинциальных газетах и в ряде зарубежных революционных изданий, он принимал участие во Всероссийских конкурсах на лучшую карикатуру и рисунок, объявленных московскими «Комсомольской правдой», «Крокодилом» и «Крестьянской газетой». Помимо этого, иллюстрировал книги для тверского издательства «Октябрь» [1]. Говоря о работе А. Н. Глаголева в прессе, нельзя не привести один интересный факт. В 1969 году в московском издательстве «Художественная литература» была издана книга А. Н. Старкова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова», представляющая собой комментарии к этим произведениям. Ее автор предполагает, что «на мысль о задуманной было Остапом картине «Большевики пишут письмо Чемберлену» (пятая глава «Двенадцати стульев») натолкнул Ильфа и Петрова рисунок А. Глаголева на тему «Рабочие пишут письмо Чемберлену (почти по Репину)» в № 29 «Крокодила» за 1927 год» [31, с. 66].

Вероятно, благодаря своей активной общественной деятельности, в течение 1927–1928 годов А. Н. Глаголев организывает Тверское отделение Ассоциации художников революционной России и в качестве ее председателя устраивает две выставки художников города. Обе – Первая выставка художников Твери и Вторая выставка Тверского отделения АХРР «10 лет Тверского комсомола» – экспонировались в течение 1928 года. Работы А. Н. Глаголева («Медичка за учебною», «Снайпер», «Самокритика», «Портрет журналиста Б. Полевого», «Беспризорники»), представленные на этих выставках, получили положительную оценку и репродуцировались в местных газетах.

С 1928 года начинается крымский период биографии Александра Николаевича Глаголева: по приглашению редакции газеты «Красный Крым» он переезжает в Симферополь. Сначала работает художником, а затем заведующим иллюстрационного отдела «Красного Крыма», сотрудничает с газетой «Новая деревня». И уже с 1929 года разворачивает небывалую для Крыма деятельность, в надежде «вырвать художников из состояния омертвелой аполитичности и переключить их на служение интересам революционного пролетариата» [30], воспитав при этом поколение молодых, идеологически грамотных художников. В качестве основной платформы для осуществления своих планов, А. Н. Глаголев использует газету «Красный Крым», на страницах которого появляются не только его иллюстрации и карикатуры, но и достаточно большие статьи, призывающие художников и фотографов быть ближе к социалистическому строительству.

Уже 6 января 1929 года в редакции «Красного Крыма» состоялось совещание фотолюбителей и художников-самоучек, на котором было решено объявить Всекрымский конкурс на лучший рисунок, карикатуру и фотоснимок. Целью конкурса стала «мобилизация фотолюбителей и художников для более активного участия в отображении нашего строительства и вовлечения их в работу в газете печатной и, особенно, в стенной – местной» [19]. Помимо этого, по результатам совещания, при редакции был открыт своеобразный консультационный центр в помощь фотолюбителям и художникам, состоявший из двух сотрудников. Фотографическая часть была возложена на фотографа Свиделя, а оказывать содействие в работе художников было поручено А. Н. Глаголеву.

В течение января и февраля, работы на Всекрымский конкурс на лучший рисунок, карикатуру и фотоснимок, видимо, поступали в значительном количестве. В номере «Красного Крыма» за 22 февраля 1929 года в статье А. Н. Глаголева «Городские художники на конкурсе «Красного Крыма»» подведены некоторые предварительные итоги конкурса. Среди наиболее удачных рисунков отмечены работы М. Мазрухо, Е. Шишкина и М. Бренна [12]. Однако вскоре, в связи с работой над более масштабными проектами, Всекрымский конкурс отходит на второй план. К концу 1929 года Всекрымский конкурс, с уже более конкретными целями и задачами, был возобновлен. Задача конкурса была определена следующим образом: «Выявить всех способных товарищей – любителей рисовать и увязать их работу с очередными задачами текущего момента. Участвовать в конкурсе могут все без исключения желающие, в том числе и коллективы (изо-кружки)» [10]. На

этот раз к участию принимались рисунки, карикатуры и зарисовки с натуры, а конкурс на лучший фотоснимок был выделен в отдельный.

Примерно в это же время Александром Николаевичем Глаголевым была сделана первая и, к сожалению, неудачная попытка объединения художников в единое общество. «Из всех культурных сил Симферополя художники были наиболее организационно-отсталой группой. В то время, как на различных участках культурного фронта города видно движение, жизнь, – на участке изоискусства замечается лишь спячка и оторванность от общественной жизни» [33]. Всю организационную работу по объединению художников взял на себя А. Н. Глаголев, назначив первое собрание общества на 17 февраля 1929 года в помещении крымского отдела Союза работников искусств (Рабис) во Дворце Труда (ул. Гоголя, 14; ныне – Центральный музей Тавриды). На состоявшемся собрании было принято решение о создании Ассоциации художников Симферополя, избран организационный комитет из пяти человек, включая и самого А. Н. Глаголева, назначенного секретарем оргкомитета. Важной задачей при создании Ассоциации виделось привлечение самодеятельных мастеров, не ограничиваясь лишь работой с уже состоявшимися профессиональными художниками. Планировалось, что впоследствии на базе Ассоциации художников Симферополя, удастся объединить всех художников Крыма в единую организацию. По всей видимости, начинание А. Н. Глаголева так и не получило должной поддержки, так как упоминаний об очередном, третьем собрании обнаружить так и не удалось.

В течение 1929–1930 годов Александр Николаевич Глаголев воплощает в жизнь новый грандиозный проект – художественную выставку, посвященную 10-летию советизации Крыма. 16 июня 1929 года в газете «Красный Крым» А. Н. Глаголев делает «Вызов художникам Крыма», ставя целью ознаменовать эту дату масштабной выставкой и привлечь к ее подготовке всех художников Крыма. При крымском областном отделе союза Рабис был образован Организационно-тематический комитет выставки, председателем которого выступил сам А. Н. Глаголев. В рамках подготовки к ней оргкомитетом объявлено Всекрымское изо-соревнование, а задачи выставки виделись следующим образом: «К моменту празднования 10-летия советизации Крыма мы, крымские художники, должны в порядке соревнования дать республике изо-выставку. Социалистическое строительство Крыма, индустриализация, коллективизация с.-х., новые формы быта, труда и общественной жизни, новый человек, созданный Октябрем – вот что мы должны отобразить и показать в своих картинах, рисунках, гравюрах, плакатах, скульптурах и т.п. Конечно, эти работы должны стоять на надлежащей высоте и в смысле темы и идеологической трактовки ее, и в смысле качеств выполнения. Пренебрежение формой ради содержания и наоборот – недопустимо» [21]. Как председатель оргкомитета, А. Н. Глаголев призывал принять самое активное участие самодеятельных художников, обещая им полную поддержку в идеологической разработке темы для будущих картин, а также художественное шефство со стороны профессиональных художников. Исходя из требований времени, в ноябре 1929 года среди художников появляется и своя ударная группа в

лице А. Н. Глаголева, Н. А. Барышева, П. Н. Бусарева, В. О. Людового и Д. А. Медведовского. Вскоре указанная группа, совместно с художественным отделом «Красного Крыма», организует трехмесячный бесплатный семинар по идеологическим вопросам искусства, мотивируя это тем, что подавляющее большинство крымских художников не владеет современными методами разрешения идеологических задач. Особенно актуальной эта проблема виделась в связи с предстоящим оформлением городских пространств во время празднования 10-летней годовщины советизации Крыма. «Долой пошлятину и трафарет в художественном оформлении нашего большого юбилея!» [15] – призывал Александр Николаевич Глаголев.

Подготовительные мероприятия к юбилейной выставке, вызовы и обсуждения продолжались как в конце 1929, так и на протяжении 1930 года. На завершающем этапе подготовки в первых числах ноября 1930 года под лозунгом «Переведем изо-соревнование – на ударный темп!» состоялась Первая всекрымская конференция художников, на которой было отмечено «полное невнимание к изо-искусству со стороны профсоюзов и Крымнаркомпроса, который до сего времени не удосужился образовать планирующего и руководящего органа по всем видам искусства» [14]. Спустя несколько лет в своей статье «Искусство Крыма» А. Н. Глаголев отмечал, что «за время своего существования, Комитет [имеется ввиду Организационно-тематический комитет выставки – М. Г.] попутно нес функции вообще организационно-руководящего органа по изделиям Крыма за отсутствием такового при Наркомпросе» [11, с. 98].

В итоге, масштабный проект А. Н. Глаголева увенчался успехом. 13 ноября 1930 года в залах художественного отдела Центрального музея Тавриды (ул. К. Либкнехта, 35) состоялось открытие художественной выставки к 10-летию советизации Крыма. После длительного экспонирования в Симферополе (четыре с половиной месяца), были отобраны лучшие работы и из них сформирована передвижная выставка. В 1931 году она экспонировалась в Керчи, Феодосии и Севастополе. Еще на начальной стадии подготовки выставки планировалось, что представленные на ней работы станут основой для формирования отделов советского искусства в художественных музеях Крыма. Такой отдел был открыт в Севастопольской картинной галерее из приобретенных с юбилейной выставки 39 произведений.

На страницах «Красного Крыма» Александром Николаевичем Глаголевым был дан общий обзор выставки. По всей видимости, проделанной работой он был доволен, так как «юбилейная изо-выставка, как зеркало, отразила творческое лицо художников Крыма. Попытка выйти из безыдейного пейзажного тупика к советской тематике нашла характерное отображение в работах каждого художника» [17]. Критикуя Н. С. Самокиша и К. Ф. Богаевского, А. Н. Глаголев дает, в целом, положительные отзывы о произведениях И. Н. Соловьева, В. О. Людового, М. П. Крошицкого, А. А. Соглобова, Г. Ф. Озерова, М. Р. Судковской-Лагранж, В. К. Яновского, А. И. Гаман-Шпажинской, А. Н. Ярмухамедова и Д. Г. Шалько.

Рассматривая вопросы подготовки и проведения этой выставки, нельзя не привести диаметрально противоположные сведения. Ян Петрович Бирзгал в довольно обширном письме, написанном в апреле–мае 1958 года, к Александру Ивановичу Полканову утверждал, что выставка состоялась исключительно благодаря усилиям сотрудников Симферопольской картинной галереи и художников, группировавшихся вокруг Николая Семеновича Самокиша. «Но Глаголев со своей группой всячески старался дискредитировать художников-профессионалов, особенно из старшего поколения, при этом противопоставил работы всяких дилетантов и фотокорреспондентов на выставку. В Юбилейный выставочный комитет он пролез через Рабис, как его представитель» [6, л. 4–25].

Однако вернемся к 1929 году, к начальному этапу подготовки к 10-летней дате советизации Крыма. Помимо прочего, в это время Александр Николаевич Глаголев занят проектами памятника погибшим борцам революции.

В начале 1929 года при Симферопольском горсовете была образована комиссия по устройству памятника в Пушкинском (Семинарском) сквере. Комиссия обратилась к художникам и инженерам Крыма с просьбой разработать и прислать проекты памятника. В обращении указывались определенные условия: «<...> памятник должен быть по своему замыслу и устройству несколько напоминать известную «Стену парижских коммунаров», понятно в соответствующей переработке и учетом других обстоятельств. В стену должна быть включена мемориальная (памятная) доска» [34].

На призыв комиссии откликнулись художник А. Панин (графический проект), скульптор Л. Коржановский (скульптурный проект) и инженер Шевченко (графический проект). 15 сентября 1929 года эти три проекта были опубликованы на страницах газеты «Красный Крым» для обсуждения. К 15 октября этих проектов насчитывалось уже около двадцати и, судя по публикациям, появлялись все новые. В связи с этим было решено устроить общедоступную выставку в окне редакции «Красного Крыма». По мере поступления ее экспонаты менялись [16].

31 октября 1929 года в большом зале «Дворца Труда» открылась выставка проектов памятника борцам революции в Симферополе. А днем ранее в «Красном Крыму» была напечатана достаточно критическая статья Александра Николаевича Глаголева: «Из 42 поступивших проектов памятника борцам революции в Симферополе большинство выполнено художниками – 25, затем инженерами и архитекторами и остальные – самоучками.

Ни один из проектов (три скульптурных, остальные – графические) не удовлетворяет целиком идейному и художественному заданию – дать подобие «Стены парижских коммунаров». Причины – трудность художественного подхода к образному воплощению идеи и сложность одновременного совмещения трех принципов в памятнике: 1) как памятника намогильного, 2) как памятника революционерам, 3) как памятника подпольщикам» [18].

По всей видимости, А. Н. Глаголев представил на рассмотрение комиссии и свой проект памятника, который в итоге и был признан лучшим.

Судя по материалам Крымского государственного строительного треста, хранящимся в Государственном архиве Республики Крым, 13 августа 1930 года на заседании комиссии по сооружению памятника было решено создать другую комиссию из пяти человек для художественно-технического руководства и наблюдения: автор проекта памятника А. Н. Глаголев, скульптор Д. А. Медведовский, архитекторы Л. Г. Зотов и В. И. Ковальский, член горсовета инженер Рублевский [7, л. 7]. Изготовление барельефа с изображением рабочего на фоне серпа и молота было поручено Давиду Аншелевичу Медведовскому – достаточно известному представителю художественной культуры Крымской АССР межвоенного периода.

Соглашением от 27 сентября 1930 года устанавливался конечный срок сдачи памятника – 25 октября этого же года [8, л. 11].

В акте от 16 ноября 1930 года указывается следующее: «Комиссия в составе: районного инженера Рихтера, городского инженера Н. Чудака, начальника Симферопольского отделения Стройобъединения инженера Дорошенко, архитекторов Ковальского, Зотова и приглашенные представители Испарта, Районного комитета партии – художник Глаголев и инженер Шевченко не явились – произвела осмотр памятника «Борцам революции». На основании проведенного осмотра Комиссия считает работу выполненной удовлетворительно» [8, л. 34].

После открытия юбилейной выставки к 10-летию советизации Крыма, Александр Николаевич Глаголев делает вторую попытку объединения крымских художников. Благодаря его активной деятельности, вокруг А. Н. Глаголева к этому времени уже сформировалась определенная группа художников, разделявшая его взгляды на пути развития крымского изобразительного искусства.

Итак, в начале 1931 года благодаря стараниям А. Н. Глаголева, в Симферополе создано Крымское общество революционных художников «Изофронт». Среди учредителей общества значатся имена двенадцати крымских художников: Анопьян А. О., Барсамов Н. С., Брен М. М., Бударин Д. П., Глаголев А. Н., Крошицкий М. П., Людовый В. О., Медведовский Д. А., Самокиш Н. С., Соловьев И. Н., Шалько Д. Г., Ярмухамедов А. Н. Председателем «Изофронта» являлся сам Александр Николаевич Глаголев.

В статье «Искусство Крыма» А. Н. Глаголев сформулировал идеи вновь созданного общества художников следующим образом: «"Изофронт" формировался не по формальным признакам, а на художественно-идеологической основе – служить оружием художественной агитации и пропаганды коммунистических идей и способствовать соцстроительству и обороне страны средствами пространственных искусств. Главной задачей «Изофронта» было – перевоспитать идейно и политически отстающие кадры художников» [11, с. 99].

Однако идеи А. Н. Глаголева находили поддержку далеко не у всех представителей крымского изобразительного искусства. По всей видимости, его оппонентом выступал Александр Иванович Полканов, считавший, что «вместо того, чтобы перевоспитывать идейно и политически отстающие кадры художников, привлекая их на служение социалистического строительства, "изофронтовцы"»

культивировали методы администрирования и запретов» [32, с. 10]. А. И. Полканов утверждал, что общество не только не способствовало развитию изобразительного искусства в Крыму, но и тормозило его. Ведь представители КОРХ «Изофронт» выступали против старых мастеров и пейзажной живописи, старались не допускать их на выставки, стремились ликвидировать Севастопольскую ассоциацию художников.

Ситуацию, в которой оказались крымские художники-пейзажисты, передает в своих письмах к Я. П. Бирзгалу К. Ф. Богаевский: «Что меня особенно угнетает – это невозможность заниматься живописью, писать то, что душа хочет и любит. Всю жизнь я больше всего любил небо, землю, деревья, море, скалы и вот на все это почти наложен запрет людьми, которых я не иначе могу назвать, как тупицами, ханжами и фарисеями; для них не существует красоты в мире их окружающем, они и другим запрещают на все смотреть и любить. <...> У пролетария, рабочего, вообще – человека должны что ли закрываться глаза на красоту мира его окружающего? А это как раз то, что освежает и подымает душу человека и толкает его на подвиг. Тупицам это невдомек» [2, с. 73–74].

Несмотря на достаточно спорную деятельность Александра Николаевича Глаголева и Крымского общества революционных художников «Изофронт», они все же внесли достаточно заметный вклад как в историю, так и в историю изобразительного искусства межвоенного Крыма.

В начале 1931 года члены общества включились в промэстафету имени «третьего года Пятилетки», пообещав «организовать в Симферополе изо-выставки, в основу которых ляжет: срочность выполнения задания, злободневная тематика, агитационная целеустремленность» [20]. Аналогичный призыв прозвучал в адрес всех художников Крыма. Так как «изофронтовцы» считали музеи совершенно оторванными от масс, результаты своей работы они планировали показывать в наиболее доступных для самого широкого круга зрителей местах – уличных витринах, фойе кинотеатров и т.д. Особое внимание продолжало уделяться оформлению массовых мероприятий и празднеств. А. Н. Глаголев призывал создать планово-методический руководящий центр по художественному оформлению массовых кампаний и создать при этом центре производственную мастерскую. Членами общества «Изофронт» в Симферополе были организованы трехмесячные вечерние курсы самодеятельного искусства для подготовки работников клубов. Оформлены Дом работников просвещения и Симферопольский райком партии фресками, «интересными по колористическим достоинствам и применению исключительно советских сюжетов» [11, с. 99].

Вероятно, в 1931 году идеологическое противостояние двух художественных лагерей достигло предела. Благодаря «настойчивым ходатайствам» «Изофронта», в Севастополь была направлена бригада Союза Рабис и Райпрофбюро для обследования работы Ассоциации севастопольских художников. Выводы бригады были неутешительными. Эти выводы были опубликованы в газете «Красный Крым» [13] и, в скором времени, Севастопольская ассоциация художников была ликвидирована.

Однако недолго просуществовала и Крымская организация революционных художников «Изофронт». Последнее предпринятое ими начинание датировано 1932 годом. Как известно, 11 марта 1931 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О плакатной литературе», констатировавшее «недопустимо безобразное отношение к плакатно-картинному делу со стороны различных издательств, что нашло свое выражение в выпуске значительного процента антисоветских плакатов и картин» [3, с. 82]. В связи с годовщиной постановления, в марте 1932 года «Изофронтом» были созданы три бригады для проверки изо-продукции, выпускаемой в Симферополе. Проверке подвергались: Крымское государственное издательство, Крымский государственный драматический театр, кооператив «Художник», мастерские игрушек, клубы и т.д. К 24 марта сообщалось, что из продажи изъято значительное количество открыток издания Крымгиза, не отвечающих политическим и художественным требованиям [25].

Впоследствии Александр Николаевич Глаголев напишет, что полное равнодушие к судьбе крымского изобразительного искусства со стороны руководящих органов и других организаций, отсутствие заботы о создании национальных кадров художников стали теми причинами, благодаря которым «Изофронт» не смог продолжить свою работу и был ликвидирован [11, с. 99]. Однако дело здесь заключалось, конечно же, не в этом. 23 апреля 1932 года постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» ликвидируются все отдельные художественные общества, дабы объединить их в единый Союз советских художников.

После ликвидации Крымского общества революционных художников «Изофронт», Александр Николаевич Глаголев сосредоточился на развитии самодеятельного искусства в Крыму и подготовке национальных художественных кадров.

В 1934 году он выступает инициатором проведения Первой Всекрымской выставки самодеятельного искусства. «Привлечь внимание общественности к самодеятельному изодвижению и помочь его дальнейшему творческому росту – вот руководящая мысль, побудившая в начале 1934 года поставить через печать вопрос перед Крымпрофсветом об организации всекрымской выставки-смотрa самодеятельного искусства. Как первое большое мероприятие профсоюзов Крыма и ДИСК в области изоискусства, эта выставка, открытая в октябре 1934 года, имеет огромное значение для активизации изосил самодеятельности и для выявления всего лучшего, творческого в среде рабочих и колхозных художников-самоучек» [11, с. 100]. Выставка экспонировалась в фойе симферопольского кинотеатра «Юнг-Штурм». В ходе подготовки и работы Первой Всекрымской выставки самодеятельного искусства были открыты имена многих способных художников-самоучек. Александр Иванович Полканов выделял, например, А. Н. Ярмухамедова, М. А. Абселямова, И. Н. Головатого, В. Д. Колпакова, И. Белицкого, скульптора С. С. Карташова. Количество работ, экспонировавшихся на выставке, в разных источниках отличается – от 134 до 323. Однако 35 лучших из них были отправлены в Москву на Первую Всероссийскую выставку художественной самодеятельности к

VII Съезду Советов. Заслуженный деятель искусств Константин Федорович Юон так охарактеризовал присланные работы: «Присланные картины выполнены мастерски как по композиции, так и по стилю. Написаны сочными, живыми красками, свежи по идее, изображают реальную действительность» [22]. По итогам московской выставки вторая премия была присуждена комсомольцу из Сейтлера К. Н. Наголову за его картину «Портрет 72-летнего чабана Тыквенко», а работа Крохина «Запряжка коров возвращается с боронования» отмечена четвертой премией.

20 июля 1935 года в Москве в Государственном музее восточных культур открыта выставка «Искусство Советского Крыма». Согласно автобиографии, написанной А. Н. Глаголевым при вступлении в Союз советских художников Крыма, именно он стал ее организатором [1, л. 17–17 об.]. Наряду с такими мастерами, как Н. С. Барсамов, К. Ф. Богаевский, сам А. Н. Глаголев, М. П. Крошицкий, Н. С. Самокиш и многие другие, были представлены и самодеятельные художники, в том числе те, чьи работы были признаны лучшими на проходившей в том же году Первой Всероссийской выставке художественной самодеятельности.

После 1935 года Александр Николаевич Глаголев продолжает работу в редакции газеты «Красный Крым» (с августа 1939 года – переходит в редакцию «Кызыл Крым»). Однако бывшее деятельное участие во всех сферах художественной жизни Крыма, видимо, осталось позади. А. Н. Глаголев, уже не так заметно, иллюстрировал, писал о самодеятельном искусстве и крымскотатарских художниках, экспонировал свои работы. 9 мая 1940 года Оргкомитетом Союза советских художников Крыма была принят в члены Союза, но после Всесоюзной перерегистрации в 1941 году, был утвержден лишь кандидатом. С началом Великой Отечественной войны входил в состав Симферопольской творческой агитбригады по изготовлению и выпуску художественных плакатов, панно и Окон ТАСС. Был призван в Красную армию, однако сведений об участии его в боевых действиях не сохранилось. Напротив, документы послевоенного Союза советских художников Крыма говорят о том, что в период Великой Отечественной войны Александр Николаевич Глаголев оставался на оккупированной территории. После освобождения Крыма работал художником и заведующим художественной мастерской Крымспецторга НКВД в Симферополе.

На заседании Правления Союза советских художников Крыма 20 июля 1946 года слушался вопрос об исключении А. Н. Глаголева из кандидатов в члены ССХ Крыма. Причина проста – арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы [9, л. 48–49]. Как сложилась дальнейшая судьба Александра Николаевича Глаголева, на сегодняшний день неизвестно. Правда, если запросить в Интернете информацию о художнике А. Н. Глаголеве, в отрывочной информации о нем, на всех найденных сайтах, будет стоять дата смерти – 1970-е годы. Однако эта информация ничем не подтверждается.

Александр Николаевич Глаголев в свое время являлся, пожалуй, наиболее заметной фигурой на идеологическом фронте изобразительного искусства

Крымской АССР. Несмотря на некоторую противоречивость сведений, к его заслугам можно отнести организацию художественной выставки к 10-летию советизации Крыма. Благодаря его усилиям смогла состояться Первая Всекрымская выставка самодеятельного искусства, ставшая ежегодной, а также выставка профессиональных и самодеятельных художников в московском Государственном музее восточных культур «Искусство Советского Крыма». А. Н. Глаголев, хоть и своими специфическими методами, старался объединить крымских художников, и пусть на короткое время, создал Крымское общество революционных художников «Изофронт». Но, пожалуй, самой важной его заслугой можно считать поддержку самодеятельного искусства.

Графические работы Александра Николаевича Глаголева хранятся в фондах Симферопольского художественного музея. Там же – четыре коротких письма, адресованные ему Николаем Семеновичем Самокишем [26, 27, 28, 29]. И, конечно же, наиболее полным источником, отразившим его общественную и творческую деятельность, является газета «Красный Крым», вместившая внушительное число иллюстраций и статей А. Н. Глаголева.

Список использованных источников и литературы

1. Архив Крымской региональной общественной организации «Союз художников Крыма», Симферополь. Личное дело А. Н. Глаголева. 1940. Л. 12-21.
Arkhirv Krymskoi regional'noi obshchestvennoi organizatsii «Soyuz khudozhnikov Kryma», Simferopol'. Lichnoe delo A. N. Glagoleva.
2. Башенко Р. Д. Богаевский К. Ф. М.: Изобразительное искусство, 1984. – 294 с.
Bashchenko R. D. Bogaevskii K.F.: monografiya. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1984. – 294 s.
3. Борьба за реализм в изобразительном искусстве 20-х годов: материалы, документы, воспоминания / ред. П. И. Лебедева; ред.-сост. В. Н. Перельман. М.: Советский художник, 1962. – 404 с.
Bor'ba za realizm v izobrazitel'nom iskusstve 20-kh godov: materialy, dokumenty, vospominaniya / red. P. I. Lebedeva; red.-sost. V. N. Perel'man. M.: Sovetskii khudozhnik, 1962. – 404 s.
4. Выставка картин крымских художников // Красный Крым. – 1927. – 19 октября.
Vystavka kartin krymskikh khudozhnikov // Krasnyi Krym. – 1927. – 19 oktyabrya.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-652, оп. 1, д. 47.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-652, op. 1, d. 47.
6. ГАРК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 417.
GARK, f. R-3814, op. 1, d. 417.
7. ГАРК, ф. Р-1940, оп. 2, д. 80.
GARK, f. R-1940, op. 2, d. 80.
8. ГАРК, ф. Р-647, оп. 1, д. 163.
GARK, f. R-647, op. 1, d. 163.
9. ГАРК, ф. Р-4165, оп. 1, д. 27.
GARK, f. R-4165, op. 1, d. 27.
10. Глаголев А. Всекрымский конкурс на рисунок // Красный Крым. – 1929. – 27 ноября.
Glagolev A. Vsekrymskii konkurs na risunok // Krasnyi Krym. – 1929. – 27 noyabrya.
11. Глаголев А. Н. Искусство Крыма // Искусство. – 1935. – № 2. – С. 97–102.
Glagolev A. N. Iskusstvo Kryma // Iskusstvo. – 1935. – № 2. – S. 97–102.
12. Глаголев А. Городские художники на конкурсе «Красного Крыма» // Красный Крым. – 1929. – 22 февраля.

**А. Н. ГЛАГОЛЕВ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА КРЫМСКОЙ АССР (1928–1946)**

- Glagolev A. Gorodskie khudozhniki na konkurse «Krasnogo Kryma» // Krasnyi Krym. – 1929. – 22 fevralya.
13. Глаголев А. Наше предложение съезду Рабис. Объединить художников Крыма, изжить аполитичность в их работе // Красный Крым. – 1931. – 26 февраля.
- Glagolev A. Nashe predlozhenie s"ezdu Rabis. Ob"edinit' khudozhnikov Kryma, izzhit' apolitichnost' v ikh rabote // Krasnyi Krym. – 1931. – 26 fevralya.
14. [Глаголев А.Н.] Переведем изо-соревнование – на ударный темп! 1-я Всекрымская конференция художников // Красный Крым. – 1930. – 4 ноября. – Изд. под псевд.: А. Г.
- [Glagolev A.N.] Perevedem izo-sorevnovanie – na udarnyi temp! 1-ya Vsekrymskaya konferentsiya khudozhnikov // Krasnyi Krym. – 1930. – 4 noyabrya. – Izd. pod psevd.: A. G.
15. Глаголев А. Пошлятина и трафарет угрожают празднеству // Красный Крым. – 1930. – 17 октября.
- Glagolev A. Poshlyatina i trafaret ugrozhayut prazdnestvu // Krasnyi Krym. – 1930. – 17 oktyabrya.
16. [Глаголев А. Н.] Проекты памятника борцам революции // Красный Крым. – 1929. – 15 октября. – Изд. под псевд.: А. Г.
- [Glagolev A. N.] Proekty pamyatnika bortsam revolyutsii // Krasnyi Krym. – 1929. – 15 oktyabrya. – Izd. pod psevd.: A. G.
17. Глаголев А. Работы художников Крыма – в рабочие клубы // Красный Крым. – 1931. – 16 января.
- Glagolev A. Raboty khudozhnikov Kryma – v rabochie kluby // Krasnyi Krym. – 1931. – 16 yanvarya.
18. [Глаголев А. Н.] Удовлетворяют ли нас проекты памятника борцам революции // Красный Крым. – 1929. – 30 октября. – Изд. под псевд.: А. Г.
- [Glagolev A. N.] Udovletvoryayut li nas proekty pamyatnika bortsam revolyutsii // Krasnyi Krym. – 1929. – 30 oktyabrya. – Izd. pod psevd.: A. G.
19. [Глаголев А. Н.] Художники и фотографы – ближе к строительству! // Красный Крым. – 1929. – 12 января. – Изд. под псевд.: А. Н. Г.
- [Glagolev A. N.] Khudozhniki i fotografy – blizhe k stroitel'stvu! // Krasnyi Krym. – 1929. – 12 yanvarya. – Izd. pod psevd.: A. N. G.
20. Изоискусство включить в борьбу за план. Художники становятся в шеренгу участников промышленной эстафеты // Красный Крым. – 1931. – 14 января.
- Izoiskusstvo vkluychit' v bor'bu za plan. Khudozhniki stanovyatsya v sherengu uchastnikov promyshlennoi estafety // Krasnyi Krym. – 1931. – 14 yanvarya.
21. Комитет. Всекрымское изо-соревнование. Ко всем художникам Крыма // Красный Крым. – 1929. – 13 июля.
- Komitet. Vsekrymskoe izo-sorevnovanie. Ko vsem khudozhnikam Kryma // Krasnyi Krym. – 1929. – 13 iyulya.
22. Крымские произведения на Всероссийской выставке художественной самодеятельности // Красный Крым. – 1935. – 21 января.
- Krymskie proizvedeniya na Vserossiiskoi vystavke khudozhestvennoi samodeyatel'nosti // Krasnyi Krym. – 1935. – 21 yanvarya.
23. Любитель. Первая всекрымская художественная выставка // Красный Крым. – 1927. – 27 ноября.
- Lyubitel'. Pervaya vsekrymskaya khudozhestvennaya vystavka // Krasnyi Krym. – 1927. – 27 noyabrya.
24. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с. (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
- Nepomnjashhij A. A. Istorija i jetnografija narodov Kryma: bibliografija i arhivy (1921–1945). Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i jekonomike Rossii»; «Biobibliografija krymovedenija»; vup. 25).
25. Проверка изо-продукции // Красный Крым. – 1932. – 24 марта.
- Proverka izo-produktsii // Krasnyi Krym. – 1932. – 24 marta.

26. Симферопольский художественный музей, фонды. Д. 132: письмо Н. С. Самокиша А. Н. Глаголеву. 02.02.1932. 1 л.
Simferopol'skij hudozhestvennyj muzej, fondy. D. 132: pis'mo N. S. Samokisha A. N. Glagolevu. 02.02.1932. 1 l.
27. Симферопольский художественный музей, фонды. Д. 133: письмо Н. С. Самокиша А. Н. Глаголеву. 07.12.1934. 1 л.
Simferopol'skij hudozhestvennyj muzej, fondy. D. 133: pis'mo N. S. Samokisha A. N. Glagolevu. 07.12.1934. 1 l.
28. Симферопольский художественный музей, фонды. Д. 134: письмо Н. С. Самокиша А. Н. Глаголеву. 05.10.1935. 1 л.
Simferopol'skij hudozhestvennyj muzej, fondy. D. 134: pis'mo N. S. Samokisha A. N. Glagolevu. 05.10.1935. 1 l.
29. Симферопольский художественный музей, фонды. Д. 135: письмо Н. С. Самокиша А. Н. Глаголеву. 01.06.1938. 1 л.
Simferopol'skij hudozhestvennyj muzej, fondy. D. 135: pis'mo N. S. Samokisha A. N. Glagolevu. 01.06.1938. 1 l.
30. Смотр художественной продукции Крыма // Красный Крым. – 1931. – 28 марта.
Smotr khudozhestvennoi produktsii Kryma // Krasnyi Krym. – 1931. – 28 marta.
31. Старков А. Н. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова. М.: Художественная литература, 1969. – 120 с.
Starkov A. N. «Dvenadtsat' stul'ev» i «Zolotoi telenok» Il'fa i Petrova. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1969. – 120 s.
32. Художественная выставка, посвященная XX-летию освобождения Крыма от белогвардейцев. 1920–1940. Живопись. Графика. Скульптура: каталог / вступ. ст. А. И. Полканов; Оргкомитет Союза советских художников Крымской АССР; Товарищество «Крымхудожник». Симферополь: Крымгосиздат, 1941. – 34 с.
Khudozhestvennaya vystavka, posvyashchennaya KhKh-letiyu osvobozhdeniya Kryma ot belogvardeitsev. 1920–1940. Zhivopis'. Grafika. Skul'ptura: katalog / vstup. st. A. I. Polkanov; Orgkomitet Soyuza sovetskikh khudozhnikov Krymskoj ASSR; Tovarishchestvo «Krymkhudozhnik». Simferopol': Krymgosizdat, 1941. – 34 s.
33. Художники организуются // Красный Крым. – 1929. – 13 февраля.
Khudozhniki organizuyutsya // Krasnyi Krym. – 1929. – 13 fevralya.
34. Худотдел «Красного Крыма». Проект памятника борцам революции на обсуждение масс! // Красный Крым. – 1929. – 15 сентября.
Khudotdel «Krasnogo Kryma». Proekt pamyatnika bortsam revolyutsii na obsuzhdenie mass! // Krasnyi Krym. – 1929. – 15 sentyabrya.

Gavrilyuk M. N. A. N. Glagolev in the ideological field of the fine arts of the Crimean ASSR (1928–1946)

The article describes the activities of Alexander Nikolaevich Glagolev, a Crimean artist who was the most prominent figure in the ideological field of the fine arts of the Crimean ASSR. Working first as an artist, and then as head of the illustration department of the newspaper «Red Crimea», he made every possible effort to implement state policy in all spheres of artistic life in Crimea. Since 1929, he has been developing an unprecedented activity for Crimea, hoping to «wrest artists from the state of dead apoliticality and switch them to serving the interests of the revolutionary proletariat», while educating a generation of young, ideologically literate artists. As the main platform for the implementation of his plans, A. N. Glagolev uses the newspaper «Red Crimea», on the pages of which not only his illustrations and cartoons appear, but also fairly large articles urging artists and photographers to be closer to socialist construction. His merits include the organization of an art exhibition dedicated to the 10th anniversary of the Sovietization of Crimea, the First All-Crimean Exhibition of Amateur Art, as well as an exhibition of professional and amateur artists in the

*А. Н. ГЛАГОЛЕВ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА КРЫМСКОЙ АССР (1928–1946)*

Moscow State Museum of Oriental Cultures «Art of the Soviet Crimea». A. N. Glagolev was the founder and chairman of the Crimean Society of Revolutionary Artists «Izofront». He tried to provide support to representatives of amateur and national art.

Keywords: A. N. Glagolev, fine arts, artists, Crimean ASSR, Simferopol, Red Crimea, art competition, Monument to the fallen fighters of the revolution, exhibitions, Izofront.

УДК 902/904

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-53-65

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА¹

Ганцев В. К.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: valentin.gancev@mail.ru*

В Юго-Западном Крыму находится около 200 специализированных винодельческих комплексов (тарпанов), функционировавших в эпоху средневековья. На протяжении длительного времени эти археологические памятники не становились объектом специальных исследований. Главной целью этой работы является подсчет производительности виноградодавилен и определение экономической направленности виноделия этого региона Крыма в IX – X вв. Для анализа использованы данные о 62 тарпанах, расположенных в округе Сүйренской крепости, в юго-западной части Гераклейского полуострова, в границах «пещерных городов» – Кыз-Кермен, Мангуп, Эски-Кермен, находившихся под контролем византийской администрации. Учитывая разную степень сохранности этих объектов, установлено, что для заполнения 57 суслоприемников необходимо около 45 тыс. кг винограда. Количество виноградодавилен напрямую связано с площадью обрабатываемых виноградников, поэтому для бесперебойной работы 62 виноделен нужно 186 га виноградников. С этой площади, возможно, получить от 372 до 617 тыс. л вина за один сезон. При одновременном функционировании практических всех скальных виноделен, расположенных в Юго-Западном Крыму, общий объем получаемой винной продукции мог достигать двух миллионов литров. Произведенные подсчеты позволяют говорить, об удовлетворении внутреннего спроса местным населением, при употреблении одним человеком 0,27–0,87 л вина в день. Существующие излишки вина экспортировались в донские и приазовские районы Хазарского каганата.

Ключевые слова: средневизантийский период, виноделие, Юго-Западный Крым, «пещерные города», скальные виноградодавилены, тарпаны.

Изучение средневекового виноделия Крыма находится на стадии накопления и систематизации источниковой базы. Важным является выяснение экономического характера винопроизводства. Являлась ли эта отрасль сельского хозяйства в Таврике IX – X вв. экспортной или вино производилось только для удовлетворения домашних нужд? В связи с отсутствием прямых письменных данных о масштабах виноделия в средневизантийский период единственным источником, которые могут приблизить нас к ответу на этот вопрос, являются археологические памятники – скальные виноградодавилены (тарпаны).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90005 «Средневековое виноделие Юго-Западного Крыма по археологическим данным». Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-39-90005 «Medieval wine-making in the South-Western Crimea according to archaeological data».

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

В пределах Юго-Западного Крыма фиксируется около 200 стационарных винодельческих комплексов. Они в основном локализуются в границах или в округе так называемых «пещерных городов», группы византийских крепостей известных в этой части Крымского полуострова. Для демонстрации производительных мощностей были отобраны скальные виноградодавильни, расположенные на городище Кыз-Кермен, Мангуп, Эски-Кермен, в округе Сюйреньской крепости и в юго-западной части Гераклеийского полуострова. Этот выбор не случаен. Он связан с тем, что именно для этих памятников в нашем распоряжении есть информация необходимая для подсчета их производительности – метрические показатели (длина, ширина, глубина/высота) давящих площадок и суслоприемников.

Производительность виноградодавильни определяется соотношением между объемом переработанного винограда и полученного из него сока (сусла) за определенное время (день, сезон) [10, с. 227]. Производительность скальных виноградодавилен высчитывалась по формулам, предложенным в свое время И. Н. Винокуровым [9, с. 71]:

– для определения массы винограда, которую можно отжать за один раз в давящей площадке ($M_{рз}$) следует площадь этой площадки (S) умножить на высоту ее бортов (h) и цифровое значение $62,48 \text{ кг}^1$, а затем полученный результат разделить на постоянное значение высоты бортов (H) – $0,20 \text{ м}$;

– для установления объема получаемого виноградного сусла, следует учитывать, что выход сока из ста килограммов винограда составляет $60\text{--}65$ литров [13, с. 20; 9, с. 70];

– для установления массы винограда необходимой для заполнения суслоприемника ($M_{нв}$) следует его объем умножить на 100 и разделить на 65.

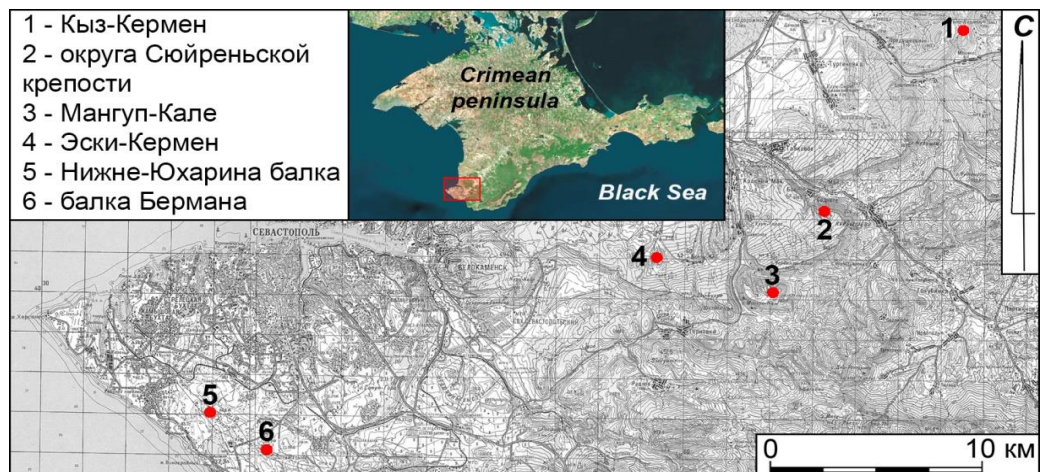

Рис. 1. Фрагмент карты Юго-Западного Крыма с указанием месторасположения скальных виноградодавилен, отобранных для исследования.

¹ Экспериментально установлено, что на один квадратный метр давящей площадки при высоте бортов $0,18\text{--}0,20 \text{ м}$ приходится $62,48 \text{ кг}$ винограда [9, с. 71].

В пределах Кыз-Кермена (Рис. 1.1) выявлено семь скальных виноградодавилен, которые недавно были введены в научный оборот [5, с. 12–14]. Недостатком этой публикации является отсутствие современных графических планов для виноделен №№ 1–5, по нумерации А. В. Белого. Для установления высоты бортов давяльных площадок и высоты от дна сулоприемника до сулоотводного канала использованы чертежи, опубликованные А. Л. Якобсоном в 1970 г. [24, с. 152, рис. 100; с. 154, рис. 102], хотя следует признать, что они, в определенной степени, схематичны.

В 2018 г. автором этой работы была проведена детальная археологическая разведка в округе Сюйреньской крепости (Рис. 1.2), в результате которой в этом регионе было зафиксировано 38 виноградодавилен. Для подсчета их производительности использованы данные о 31 винодельне, так как строительство трех тарапанов не было завершено, и они не функционировали, а при использовании еще четырех виноделен могли использовать переносные деревянные давяльные площадки, которые до наших дней не сохранились.

В границах Мангупа (Рис. 1.3) расположено 15 виноградодавилен. Конструкция двух из них основана на применении винтового пресса [12, с. 82], что не позволяет установить объемы перерабатываемого на них винограда и получаемого виноградного сока. В 2019 и 2020 гг. зафиксированы три новых винодельни, что позволяет скорректировать ранее опубликованные данные о производительности виноградодавилен Мангупского городища [12, с. 86, табл. 2].

На Эски-Кермене (Рис. 1.4) известно шесть скальных виноградодавилен. Только четыре из них должным образом введены в научный оборот [1, с. 216–217, с. 231, рис. 4, с. 233, рис. 6, с. 235, рис. 8; 2, с. 278–279]. Две скальные винодельни, расположенные в южной части городища, в работах исследователей только упоминаются [17, с. 47–48, с. 252, рис. 185; 18, с. 110–111; 19, л. 27].

Семь скальных виноградодавилен открыто в юго-западной части Гераклейского полуострова – две в Нижне-Юхариной балке (Рис. 1.5) и пять в балке Бермана (Рис. 1.6) [3, с. 108–111, 122, рис. 1].

Учитывая сходство конструктивных особенностей виноградодавилен, расположенных на перечисленных памятниках, их близкое [1, с. 216; 5, с. 12; 12, с. 83], а, скорее всего, синхронное функционирование в IX – X вв., мы можем суммировать возможные объемы производимого вина на них.

В научной литературе ранее предпринимались попытки подсчета производительности средневековых виноградодавилен для отдельных памятников – Мангупа [12, с. 82, 86], округа Сюйреньской крепости [14, с. 138] и Гераклейского полуострова [3, с. 115–116]. Тем не менее, проблема экономической направленности виноделия в масштабах всего Юго-Западного Крыма в этих работах не затрагивалась и поэтому осталась не решенной.

Отметим, что полученные в результате подсчетов данные о производительности виноградодавилен, с большей долей вероятности, не отражают реальные показатели, так как основаны на идеальной ситуации, при которой винодельни в границах одного памятника функционировали одновременно, при этом загрузка давяльных площадок была равномерной в течение всего сезона.

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

Следует думать, что количество виноградодавилен напрямую коррелируется с количеством обрабатываемых виноградников. В византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. «Геопоники» есть рекомендация для виноделов о том, что «...давальню нужно выстроить в соответствии с количеством винограда, который будет сюда свезен...» [11, VI.1.2]. В связи с этим представляется мало вероятным строительство виноградодавильни, на которой не осуществлялся процесс прессования винограда хотя бы один раз в течение сезона.

Для подсчетов производительности виноделен, как говорилось выше, необходимы их метрические показатели. Из-за активных процессов разрушения скальной поверхности, вызванных как естественными причинами, так и в результате более поздних по времени перестроек винодельческих комплексов, первоначальные размеры давальных площадок и суслоприемников виноделен до наших дней могли не сохраниться. Не следует забывать и о естественных потерях вина в процессе брожения, хранения или транспортировки.

Обратимся теперь непосредственно к полученным данным о производительности виноградодавилен, отобранных для исследования.

Для разовой загрузки давальных площадок шести виноградодавилен Кыз-Кермена¹ нужно 3 084 кг винограда. С этой массы винограда можно выдавить 2 005 л виноградного сока. Для заполнения виноградным соком семи суслоприемников необходимо 4 804 кг винограда.

Таблица 1.

Производительные мощности виноградодавилен городища Кыз-Кермен.

Виноградодавильня (индекс)	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки давальной площадки (кг)	Выход виноградного сока при разовой загрузке давальной площадки (л)	Масса винограда, необходимая для полного заполнения виноградным соком суслоприемника (кг)
ККВ-1	----	----	521
ККВ-2	487	317	536
ККВ-3	433	282	560
ККВ-4	499	324	734
ККВ-5	480	312	1001
ККВ-6	619	402	989
ККВ-7	566	368	463

¹ У давальной площадки виноградодавильни №1 (ККВ-1) утеряны борта [5, с. 12].

Для разовой загрузки давяльных площадок 19 суйренских виноградодавилен¹ потребовалось бы 3 840 кг винограда. С этой массы винограда можно получить 2 496 л виноградного сока. Для заполнения виноградным соком 31 суслоприемника необходимо 20 043 кг винограда.

Таблица 2.

Производительные мощности виноградодавилен округи Суйренской крепости.

Виноградодавиля (индекс)	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки давяльной площадки (кг)	Выход виноградного сока при разовой загрузке давяльной площадки (л)	Масса винограда, необходимая для заполнения виноградным соком суслоприемника (кг)
ТКВ-1	----	----	577
ТКВ-2	117(?) ²	76(?)	362
ДБВ-1	----	----	706
ДБВ-4	180	117	543
ДБВ-5	----	----	665
ДБВ-6	----	----	867
ДБВ-7	----	----	1093
ДБВ-8	130	85	420
ДБВ-9	132(?)	86(?)	625
ДБВ-10	214	139(?)	784
ДБВ-11	186(?)	121(?)	571
ДБВ-12	122(?)	79(?)	463
ДБВ-13	243(?)	158(?)	766
ДБВ-14	269	175	935
ДБВ-15	247	160	702
ДБВ-16	233	151	440
ДБВ-17	----	----	506
ДБВ-18	----	----	530
ДБВ-19	----	----	676(?)
ДБВ-20	200	130	624
ДБВ-21	300	195	574
КБсзВ-1	267	173	986

¹ Скальные борта давяльных площадок у ТКВ-1, ДБВ-5 – ДБВ-7, ДБВ-17 – ДБВ-19, КБсвВ-2 – КБсвВ-5 практически утеряны.

² Знак «?» указывает на то, что для подсчета производительности были использованы значение при реконструируемых размерах давяльной площадки и/или суслоприемника.

**ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ МОЩНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

КБсзВ-2	153	100	398
КБсзВ-3	211	137	521
КБсзВ-4	177	115	717
КБсзВ-5	107(?)	70(?)	1 212(?)
КБсвВ-1	352	229	999
КБсвВ-2	----	----	584
КБсвВ-3	----	----	274
КБсвВ-4	----	----	462
КБсвВ-5	----	----	461

Для разовой загрузки давяльных площадок двух виноградодавилен Эски-Кермена¹ требуется 471 кг винограда. С этой массы винограда могли получить 306 л виноградного сока. Для заполнения виноградным соком четырех сулоприемников необходимо 1 917 кг винограда.

Таблица 3.

Производительные мощности виноградодавилен городища Эски-Кермен.

Виноградодавильня (индекс)	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки давяльной площадки (кг)	Выход виноградного сока при разовой загрузке давяльной площадки (л)	Масса винограда, необходимая для полного заполнения виноградным соком сулоприемника (кг)
ЭКВ-1	----	----	295
ЭКВ-2	241	157	172
ЭКВ-3	230	149	498
ЭКВ-4	----	----	949

Для разовой загрузки давяльных площадок 12 мангупских виноградодавилен² потребовалось бы 5 900 кг винограда. С этой массы винограда получается 3 878 л виноградного сока. Для заполнения виноградным соком 12 сулоприемников нужно 13 087 кг винограда.

¹ У виноградодавильни №1 (ЭКВ-1) не сохранилась давяльная площадка [1, с. 216, 231].

² У виноградодавильни №9 (МКВ-9) не сохранилась давяльная площадка, она была стесана во время строительных работ на этой территории в XV в. У виноградодавильни №5 (МКВ-5) утерян сулоприемник.

Таблица 4.
Производительные мощности виноградодавилен Мангупского городища.

Виноградодавильня (индекс)	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки давильной площадки (кг)	Выход виноградного сока при разовой загрузке давильной площадки (л)	Масса винограда, необходимая для полного заполнения виноградным соком суслоприемника (кг)
МКВ-1	771	501	1055
МКВ-2	305	198	1376
МКВ-3	343	223	1501
МКВ-4	523	384	2772
МКВ-5	389	253	----
МКВ-6	153	99	594
МКВ-7	671	436	1151
МКВ-8	464	302	594
МКВ-9	----	----	542
МКВ-10	336	218	997
МКВ-13	962	625	1278
МКВ-14	401	261	655
МКВ-15	582(?)	378(?)	572

А. Ю. Аржановым для средневековых виноградодавилен Гераклейского полуострова была предпринята попытка определения их производительных мощностей [3, с. 115–116, табл. 1]. Тем не менее, наши подсчеты позволяют сказать, что для функционирования гераклейских виноградодавилен требовалось большее количество винограда. Исследователем, для подсчета массы винограда, необходимой для разовой загрузки давильной площадки использованы показатели сохранившейся высоты бортов [3, с. 116]. Нами для подсчета производительности использованы реконструируемые значения высоты бортов, метрические данные сняты с чертежей этих виноградодавилен [3, с. 123, рис. 2].

**ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ
СКАЛЬНЫХ ВИНОГРАДОДАВИЛЕН ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА**

Таблица 5.
Производительные мощности виноградодавилен Гераклеяского полуострова.

Виноградодавильня (индекс)	Масса винограда, необходимая для разовой загрузки давильной площадки (кг)	Выход виноградного сока при разовой загрузке давильной площадки (л)	Масса винограда, необходимая для полного заполнения виноградным соком суслоприемника (кг)
ГПВ-1	451(?)	293(?)	----
ГПВ-2	472(?)	307(?)	----
ГПВ-3	336(?)	219(?)	----
ГПВ-4	1417	921	4406
ГПВ-5	2474(?)	1608(?)	1464
ГПВ-6	562	366	796
ГПВ-7	319(?)	207	----

Для разовой загрузки давильных площадок виноградодавилен Кыз-Кермена, округи Сюреньской крепости, Мангупа, Эски-Кремена и Гераклеяского полуострова могло понадобиться 19 326 кг винограда. Из этого объема винограда можно выдавить 12 606 л сока. Учитывая, что на большинстве памятников первоначальные размеры высоты бортов давильных площадок не сохранились или нами использованы реконструируемые значения, первостепенное место для наших дальнейших подсчетов рентабельности средневекового виноделия имеют данные о количестве винограда необходимого для полного заполнения виноградным соком суслоприемников. Так для заполнения 57 суслоприемников понадобилось бы 44 836 кг винограда, выход сока при этом составляет 29 143 л.

По подсчетам В. Д. Блаватского [6, с. 160], для античного виноделия нормой считалось, что с 1 га виноградника получали 2 000–3 320 л вина. Если подобные нормы хотя бы отчасти сохранились в эпоху средневековья, то при выходе вина в 29 тыс. л под виноградники должна быть занята площадь минимум в 9–15 га.

Для бесперебойной работы одной винодельни необходимо как минимум 3 га виноградников [14, с. 138; 15, с. 17], получается, что для работы 62 виноделен понадобилось бы площадь, занятая под виноградники равная 186 га. В свою очередь с 186 га виноградников можно было получить от 372 000 до 617 520 л вина за один сезон.

Учитывая, что при полном, единоразовом заполнении суслоприемников виноградом, выход суслу составляет 29 тыс. л, а с 186 га можно получить 372–617 тыс. л вина, потребовалось бы каждый из 62 суслоприемников заполнить в среднем от 12 до 21 раза. Судя по этнографическим данным, за сезон загрузка и давка винограда на давильной площадке могла повторяться до 200 раз [9, с. 72],

поэтому наши показатели вполне приемлемы. Но установить точное количество загрузок одной средневековой крымской виноградодавильни за сезон не представляется возможным. Виноградодавильни использовали во время сбора урожая. Сроки, которого зависели от времени созревания винограда, площади виноградника и количества работников. Например, в Крымской Газарии в XV в. виноград собирали с 15 сентября по 15 октября [22, с. 727]. Можно лишь предполагать, что в течение этого срока, который длился около месяца, одна виноградодавильня точно использовалась несколько раз. При этом суслоприемник, многократно наполняемый виноградным соком, не мог служить емкостью для брожения суслу, что требовало сооружения специальных помещений – винохранилищ, которые на сегодняшний день археологически не зафиксированы.

Виноградарство и виноделие требуют проведения круглогодичных работ, что приводило закономерно к отрыву работников от иных сельскохозяйственных занятий. Для обработки 186 га виноградников потребовался бы труд, как минимум, 244 работников. Данный подсчет исходит из того, что в «Геопониках» сообщается о том, что «...самый хороший виноградарь не может обработать больше восьми плефров¹, и большего количества нельзя допускать» [11, П.46.6]. Вместе с семьями, численность которых составляла в среднем 4–5 человек, получается, что население, связанное с занятиями виноградарством и виноделием в регионе в это время, могло составлять 976 – 1 220 человек.

Прямых данных в источниках о размерах употребления вина в средневековом Крыму нет. Поэтому нам приходится привлекать количественные данные разных эпох и разных регионов Европы, имеющих свои собственные винодельческие традиции. Так для жителя античного города в римское время норма употребления вина составляла 0,68 л в день (247 л в год) [10, с. 379], для монаха византийского монастыря – 0,87 л/день (317 л/год) [4, с. 22]. Монаху раннесредневекового монастыря, жившего по Уставу св. Бенедикта, разрешалось выпивать 0,3 л/день (109 л/год) [25, р. 32]. В IX в. в богатейших монастырях Священной Римской империи (при условии обильного урожая) монахи могли получать до 2,5–3,5 л/день (912–1 277 л/год) [25, р. 33]. Житель Вальядолида середины XVI в. употреблял 0,27 л вина в день (100 л/год) [7, с. 255], житель Парижа в конце XVIII в. – 0,33 л/день (120 л/год) [7, с. 256]. Для человека, проживающего на Кавказе в последней четверти XIX в. считалось нормальным выпивать 0,77 л/день (281 л/год) [10, с. 379]. Как видим, в разные эпохи и в различных регионах употребление вина одним человеком в год количественно отличалось, в диапазоне от 0,27 до 0,87 л/день.

Если представить, что на Кыз-Кермене, Мангупе, Эски-Кермене, в округе Сюйренской крепости, и Гераклейском полуострове производили как минимум 372–617 тыс. л вина за сезон, а объем употребления одним человеком в год составляло не более 317 л вина, получается, что произведенной продукции хватило бы для 1 173 – 1 946 человек. У нас нет данных о количестве населения проживавшего в Юго-Западном Крыму в период IX – X вв. Вряд ли бы сельский

¹ 1 плефр = 0,095 га.

житель мог позволить себе пить вино каждый день, тем более в периоды многочисленных религиозных постов. Учитывая тот факт, что в нашем исследовании для подсчета использованы данные только о 62 виноградодавильнях, а их количество в Юго-Западном Крыму намного больше (только на Качи-Кальоне исследователями насчитывается около 120 тарапанов [8, с. 36]), предположительно при функционировании в средневизантийское время в Юго-Западном Крыму около 200 виноградодавилен общий объем такого рода продукции составлял около 2 млн. л. вина за один сезон. Эта цифра позволяет говорить о значительных излишках производимого в регионе вина, которые, безусловно, предназначались для экспорта. Наиболее вероятным рынком сбыта крымского вина служили донские и приазовские районы Хазарского каганата [12, с. 83; 16, с.43; 21, с. 28-29; 22, с. 165]. Основной тарой для его перевозки служили амфоры. Так, для транспортировки, например, 29 тыс. л вина, при объеме амфоры в 25–30 л [20, с. 477] необходимо 971–1 165 амфор. Это свидетельствует о том, что виноделие было неразрывно связано с производством местной тарной керамики.

Таким образом, несмотря на определенную степень условности полученных в результате исследования данных, мы можем предположить, что приведенные подсчеты в какой-то мере отражают достаточно близкие к реалиям показатели производительности средневековых скальных виноградодавилен Юго-Западного Крыма. Винопроизводство в этом регионе полуострова в средневизантийское время при таком количестве известных виноделен могло полностью удовлетворять как местный спрос, так и использовать излишки продукции в качестве экспорта.

Список использованных источников и литературы

1. Айбабин А. И. Городище на плато Эски-Кремен в период господства хазар в Крыму // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины; отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. – Симферополь, 2010. – Вып. 16. – С. 214–239.*
Aibabin A. I. Gorodishche na plato Eski-Kremen v period gospodstva khazar v Krymu // *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe otd. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy; отв. red. A. I. Aibabin, V. N. Zin'ko. – Simferopol', 2010. – Vyp. 16. – S. 214–239.*
2. Айбабин А. И. Раскопки усадьбы 2 в квартале I на плато Эски-Кермен // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского; отв. ред. А. И. Айбабин. – Симферополь: Соло-Рич, 2018. – Вып. 23. – С. 277–304.*
Aibabin A. I. Raskopki usad'by 2 v kvartale I na plato Eski-Kermen // *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskii federal'nyi un-t im. V. I. Vernadskogo; отв. red. A. I. Aibabin. – Simferopol': Solo-Rich, 2018. – Vyp. 23. – S. 277–304.*
3. Аржанов А. Ю. Виноделие в ближней округе раннесредневекового Херсона // *Херсонесский сборник / Гос. ист.-арх. музей «Херсонес Таврический»; отв. ред. А. В. Зайков. – Севастополь, 2020. – Вып. 21. – С. 108–133.*
Arzhanov A. Yu. Vinodelie v blizhnei okruge rannesrednevekovogo Khersona // *Khersonesskii sbornik / Gos. ist.-arkh. muzei «Khersones Tavricheskii»; отв. red. A. V. Zaikov. – Sevastopol', 2020. – Vyp. 21. – S. 108–133.*
4. Барабанов Н. Д. Вино и Византия. Религиозные аспекты восприятия и потребления // VIII-й Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис»: матер. науч.

конф. (Севастополь, 30 мая – 04 июня 2016 г.) / Гос. ист.-арх. музей «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2016. – С. 21–24.

Barabanov N. D. Vino i Vizantiya. Religioznye aspekty vospriyatiya i potrebleniya // VIII-i Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiya i polis»: mater. nauch. konf. (Sevastopol', 30 maya – 04 iyunya 2016 g.) / Gos. ist.-arkh. muzei «Khersones Tavricheskii». – Sevastopol', 2016. – S. 21–24.

5. Белый А. В. Виноградные давилни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник / Музей-заповедник «Судакская крепость»; сост. В. А. Захаров. – Симферополь: Н. Орианда, 2018. – Вып. 2. – С. 11–24.

Belyi A. V. Vinogradnye davil'ni gorodishcha Kyz-Kermen // Sudakskii sbornik / Muzei-zapovednik «Sudakskaya krepost'»; sost. V. A. Zakharov. – Simferopol': N. Orianda, 2018. – Вып. 2. – С. 11–24.

6. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Причерноморье в античную эпоху. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Вып. 5. – 208 с.

Blavatskii V. D. Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya / Prichernomor'e v antichnyuyu epokhu. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1953. – Вып. 5. – 208 s.

7. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. / Пер. с франц. Л. Е. Куббеля; вступ. ст., ред. Ю. Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 623 с.

Brodel' F. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe // Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv. / Per. s frants. L. E. Kubbelya; vstup. st. i red. Yu. N. Afanas'eva. – M.: Progress, 1986. – Т. 1. – 623 s.

8. Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче. – Симферополь: Таврия, 1976. – 88 с.

Veimarn E. V., Choref M. Ya. «Korabl'» na Kache. – Simferopol': Tavriya, 1976. – 88 s.

9. Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. – М., 1999. – 192 с.

Vinokurov N. I. Vinodelie antichnogo Bospora. – M., 1999. – 192 s.

10. Винокуров Н. И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья // Боспорские исследования. Supplementum 3. – Симферополь; Керчь, 2007. – 456 с.

Vinokurov N. I. Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya // Bosporskie issledovaniya. Supplementum 3. – Simferopol'; Kerch', 2007. – 456 s.

11. Геопоники: византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е. Э. Липшиц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 225 с.

Geoponiki: vizantiiskaya sel'skokhozyaistvennaya entsiklopediya X v. / Vved., per. s grech. i kom. E. E. Lipshits. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 225 s.

12. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Ганцев В. К. Скальные виноградодавилни Мангупа // XI Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис»: матер. науч. конф. (Севастополь – Балаклава, 3–7 июня 2019 г.) / Ин-т археологии Крыма РАН. – Симферополь, 2019. – С. 79–86.

Gertsen A. G., Naumenko V. E., Gantsev V. K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa // XI Mezhdunarodnyi vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Imperiya i polis»: mater. nauch. konf. (Sevastopol' – Balaklava, 3–7 iyunya 2019 g.) / In-t arkh. Kryma RAN. – Simferopol', 2019. – S. 79–86.

13. Домашнее виноделие. – Белгород, 1991. – 64 с. – Серия: «Б-ка садовода».

Domashnee vinodelie. – Belgorod, 1991. – 64 s. – Seriya: «B-ka sadovoda».

14. Даниленко В. Н. Монастырское хозяйство в Крыму // Проблемы истории и археологии Крыма / Бахчисарайский гос. ист.-культурный заповедник; ред.-сост. Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Таврия, 1994. – С. 127–145.

Danilenko V. N. Monastyrskoe khozyaistvo v Krymu // Problemy istorii i arkheologii Kryma / Bakhchisaraiskii gos. ist.-kul'turnyi zapovednik; red.-sost. Yu. M. Mogarichev. – Simferopol': Tavriya, 1994. – S. 127–145.

15. Маликов В. М. Виноградарство в средневековом Крыму: [рукопись] // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Рукописный фонд. Папка 214. Л. 1–21. [Без даты]

Malikov V. M. Vinogradarstvo v srednevekovom Krymu: [rukopis'] // Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Kryma RAN. Rukopisnyi fond. Papka 214. L. 1–21. [Bez daty]

16. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков: Вища школа, 1985. – 148 с.
Mikheev V. K. Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata. – Khar'kov: Vishcha shkola, 1985. – 148 s.
17. Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 384 с.
Mogarichev Yu. M. Peshchernye tserkvi Tavriki. – Simferopol': Tavriya, 1997. – 384 s.
18. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–29 гг. // Известия гос. акад. ист. матер. культуры. – Л., 1932. – Т. 12, вып. 1–8. – С. 107–152.
Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928–29 gg. // Izvestiya gos. akad. ist. mater. kul'tury. – L., 1932. – T. 12, vyp. 1–8. – S. 107–152.
19. Репников Н. И. К вопросу о виноградарстве и виноделии в северном предгорье Юго-Западного Крыма в до-русское время // РО НА ИИМК РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–31. [Без даты]
Repnikov N. I. K voprosu o vinogradarstve i vinodelii v severnom predgor'e Yugo-Zapadnogo Kryma v do-russkoe vremya // RO NA IIMK RAN. F. 10. Op. 1. D. 41. L. 1–31. [Bez daty]
20. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.): очерк истории и культуры. – Харьков: Майдан, 2005. – Ч. 1. – 1648 с.
Sorochan S. B. Vizantiiskii Kherson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.): ocherk istorii i kul'tury. – Khar'kov: Maidan, 2005. – Ch. 1. – 1648 s.
21. Суханов Е. В. Амфоры как источник для изучения торговых контактов населения салтово-маяцкой культуры Среднего и Нижнего Дона [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. В. Суханов. – М., 2018. – Т. 1. – 164 с.
Sukhanov E. V. Amfory kak istochnik dlya izucheniya torgovykh kontaktov naseleniya saltovomayatskoi kul'tury Srednego i Nizhnego Dona [Tekst]: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.06 / E. V. Sukhanov. – M., 2018. – T. 1. – 164 s.
22. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Латинский текст с переводом и примечаниями / Перевод и ком. В. Юргевича // Записки Одесского общества истории и древностей. – 1863. – Т. 5. – С. 629–837.
Ustav dlya genuezskikh kolonii v Chernom more, izdannyi v Genue v 1449 g. Latinskii tekst s perevodom i primechaniyami / Perevod i kom. V. Yurjevicha // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. – 1863. – T. 5. – S. 629–837.
23. Флёрв В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры, 2010. – 260 с.
Flerov V. S. «Goroda» i «zamki» Khazarskogo kaganata. Arkheologicheskaya real'nost'. – M.: Mosty kul'tury, 2010. – 260 s.
24. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // Материалы и исследования по археологии СССР. – Л.: Наука, 1970. – № 168. – 208 с.
Yakobson A. L. Rannesrednekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoi Tavriki // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. – L.: Nauka, 1970. – № 168. – 208 s.
25. Nagy B. Some remarks on the early mediaeval wine trade and wine consumption / Paola Subacchi (ed.). Recent doctoral research in economic history: Proceedings, Eleventh International Economic History Congress, Milan, September 1994. – Milan: Universita Bocconi, 1994. – P. 29–36.

V. Gantsev. K. Production capacities of the medieval rock-cut wine press in the South-Western Crimea

In the South-West Crimea there are about 200 specialized wine-making complexes that functioned in the Middle Ages. For a long time, these archaeological sites did not become the object of separate studies. The main purpose of this research is to calculate the productivity of grape pressures and to determine the economic orientation of winemaking in this region of Crimea in the 9–10th centuries. For the analysis, we used data on 62 rock-cut wine presses located in the district of the Syuren fortress, in the South-Western part of the Heracleian Peninsula, within the boundaries of the «cave cities» – Kyz-Kermen, Mangup, Eski-Kermen, directly under the control of the Byzantine administration. Taking into account the different degree of preservation of these objects, it was found that about 45 thousand kilograms of grapes are needed to fill 57 containers for collecting grape must. The number of grape pressures is directly related to the area of cultivated vineyards, therefore, for the smooth operation of 62 wineries, 186 hectares of vineyards are needed. From this

area, it is possible to get from 372 to 617 thousand liters of wine in one season. With the operation of almost all rock wineries simultaneously located in the South-West Crimea, the total volume of obtained wine products could reach two million liters. The calculations made allow us to speak about the satisfaction of domestic demand by the local population, when one person drinks 0,27–0,87 liters of wine per day. The existing surplus wine was exported to the Don and Azov regions of the Khazar Kaganate.

Keywords: Middle Byzantine period, winemaking, Southwest Crimea, «cave cities», rock-cut wine presses, tarapan.

УДК 902; 908

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-66-80

**«ПРОШУ ЗАЩИТИТЬ МЕНЯ, В КОНЦЕ КОНЦОВ,
ПРОСТО ОТ ФИЗИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ... »:
НОВЫЕ ФАКТЫ К БИОГРАФИИ Н. Ф. КАЛИНИНА**

Зоря Р. С.

*Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: romanzorya@bk.ru*

На основе архивных источников, хранящихся в Институте языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, освещены малоизвестные факты биографии выдающегося казанского историка, археолога, музейного деятеля, краеведа и педагога – Николая Филипповича Калинина (1888–1959). Эти источники демонстрируют, в каком тяжелом положении находился Центральный музей ТАССР в те годы и отчасти передают ту обстановку, которая царил в стенах учреждения. Подробно рассмотрены события, связанные с конфликтом исследователя с руководством Центрального музея ТАССР в 1934–1936 гг., приведшие к его увольнению. Привлечение материалов судебно-следственных мероприятий по делу Н. Ф. Калинина, а также использование делопроизводственной документации и эпистолярного наследия ученого, позволили пролить свет на непростые события, произошедшие в жизни исследователя в период 1936–1938 гг. Установлено, что один из главных создателей археологической школы Казани в 1937 г. короткое время работал на Крымском полуострове в Евпаторийском краеведческом музее.

Ключевые слова: археология, Н. Ф. Калинин, Татарстан, Евпаторийский музей, Центральный музей ТАССР, биография, краеведение.

Одним из приоритетных направлений современных исследований является изучение деятельности и наследия предшественников, а изучение личности ученых стало в последние десятилетия в отечественной историографии объектом специального исследования. Среди ученых, внесших весомый вклад в историческую науку советского периода, особое место занимает Николай Филиппович Калинин (1888–1959) (Рис. 1). Н. Ф. Калинин известен не одному поколению исследователей как профессиональный казанский археолог, историк, краевед, музейный работник, педагог, преподаватель [1, с. 2].

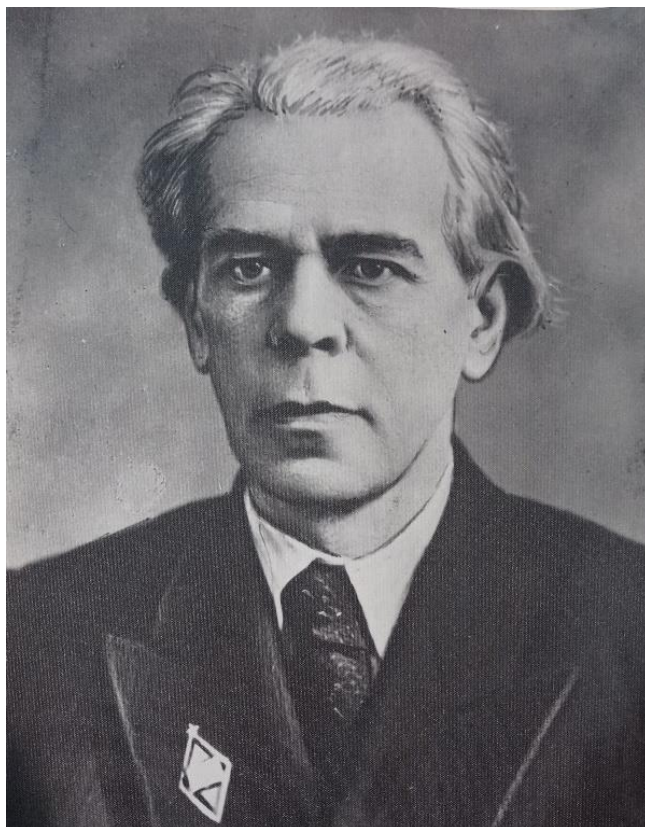
Высшее образование Николай Филиппович получил в Казанском университете в 1906–1910 гг. Из архивных данных известно, что его научным руководителем был М. М. Хвостов¹. Курс средневековой истории был зачитан В. К. Пискорским², а курс

¹ Михаил Михайлович Хвостов (1872–1920) – историк античности, проф. древней истории, председатель ОАИЭ 1914–1919. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1900 по 1918 гг.

² Владимир Константинович Пискорский (1867–1910) – основатель отечественной испанистики, проф. западно-европейской истории. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1906 по 1910 гг.

русской истории – Н. Н. Фирсовым¹ [2, с. 30] Одним из однокурсников Н. Ф. Калинина был Н. П. Грацианский – в последствии великий историк-медиевист.

После окончания университета молодой Калинин, в основном, занимался преподаванием истории и географии в школах, где он создавал краеведческие кружки. Однако основательная научно-исследовательская практика Н. Ф. Калинина начинается в 1920-х гг. Это было время расцвета краеведческого движения в СССР. В этот период Николай Филиппович преподает историю в школе № 3 г. Казани, вступает в местные научные сообщества и начинает работу в Центральном музее [3].

*Рисунок 1. Николай Филиппович Калинин (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.47 Л.4).
Фотобумага. 1950 г. (?).*

¹ Николай Николаевич Фирсов (1864–1934) – специалист по истории российского города, проф. русской истории. Преподавал в Казанском университете на историко-филологическом факультете с 1891 по 1914 гг. Председатель ОАИЭ в 1924–1930 гг., председатель НОТ в 1923–1929 гг.

После разгрома краеведческого движения и отъезда М. Г. Худякова и В. Ф. Смолина, в 1930-е гг. единственным профессиональным археологом в Казани остается Н. Ф. Калинин. В те годы работа ученого была сосредоточена в стенах Центрального музея, который, по сути, являлся местным центром историко-краеведческой и археологической деятельности [4, с. 299].

В историко-археологическом отделе Центрального музея республики Н. Ф. Калинин проработает до начала августа 1936 г. (Рис. 2) [5, л. 51]. Его непримиримость с разгильдяйством в музейной работе приводила к острым конфликтам с руководством. В архиве Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (далее – ИЯЛИ АН РТ) сохранились многочисленные акты, рапорты и обращения Н. Ф. Калинина в дирекцию музея [6].

Новое руководство видело в Николае Филипповиче последователя «прежнего курса», более грамотного и опытного специалиста с активной гражданской позицией, что вызывало раздражение. Конфликтная ситуация, длившаяся несколько лет, сопровождаемая политическими и личными обвинениями со стороны очередного руководства музея Г. И. Республиканца привела к увольнению Н. Ф. Калинина из Центрального музея [7, с. 370].

После неоднократных просьб ученого, в конце февраля 1936 г. приказ о снятии его с должности заведующего отделом был подписан, но с унижительной формулировкой¹: «За преступно-халатное отношение к учету и хранению экспонатов и за развал всей работы исторического отдела зав[едующий] и[сторическим] о[тделом] Калинин с работы снят... с 26.02 с.г. з[аведующим] и[сторическим] отд[елом] назначить т. Галимова» [8, л. 4]. Н. Ф. Калинин, отдавший много лет служению Центральному музею, не мог согласиться с такой постановкой вопроса. Он с горечью пишет: «Такая позорящая меня мотивировка расценивает всю мою многолетнюю и разнообразную широкого объема работу по музею как бесполезную и вредную. Я никогда не соглашусь с такой оценкой. Думаю, что при более внимательном ознакомлении с моей работой никак не может получиться подобного рода мотивировка» [9, л. 18].

В связи с увольнением и последующими обвинениями и попытками привлечь ученого к уголовной ответственности, представляют интерес некоторые документы, сохранившиеся в фондах архива ИЯЛИ АН РТ. В первую очередь это отдельная папка под названием «Судебно-следственные материалы по делу Н. Ф. Калинина в период его работы в Государственном музее Татарской АССР. Машинопись с подписями автора». Как указано в этом деле, состоящем из его нескольких объемных объяснительных записок следователю на 58 листах, оно было начато в 20 июля 1936 г. и окончено 24 августа того же года [10, л. 58]. Как справедливо указали А. Г. Ситдииков и П. Н. Старостин, которые первыми обратили внимание на данный документ, эти материалы дают возможность представить серьезность

¹ Увольнение опытных музейных работников в те годы не было уникальным явлением. Так, практически с аналогичной формулировкой был уволен Б. П. Денике (см. Алпаткина Т. Г., Голенищева-Кутузова В. Е. «Автобиографическая канва» Б. П. Денике // Российская Археология – 2002. – № 2. – С. 158).

душевного надлома Н. Ф. Калинина, который от сухого изложения фактов переходит к агрессивному политическому обвинению противников [11, с. 6].

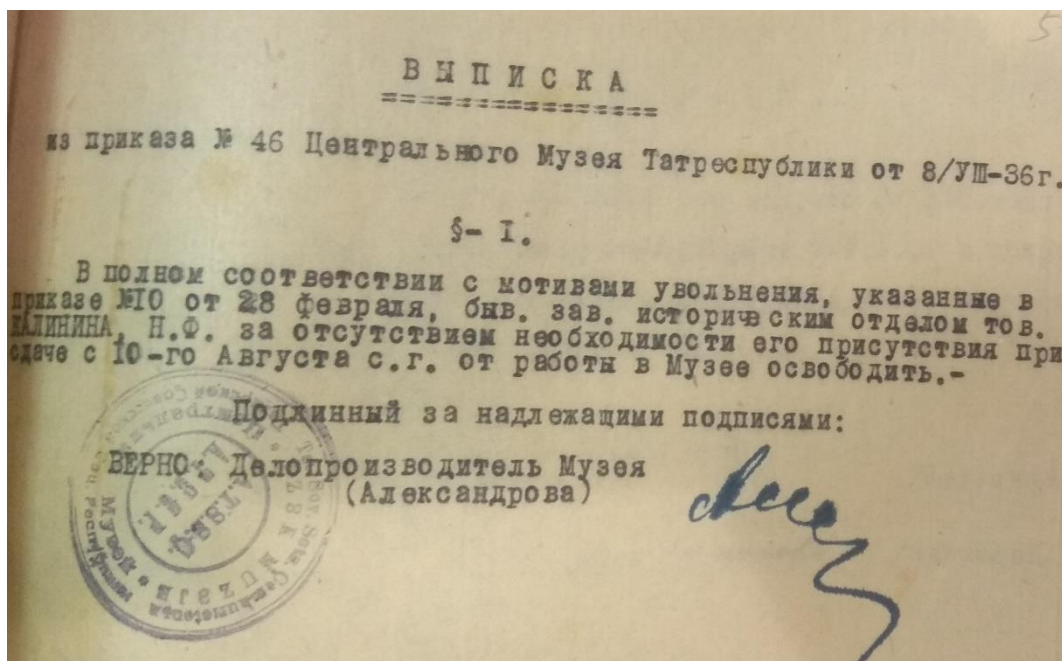

Рисунок 2. Выписка из приказа № 46 ЦМ ТАССР об увольнении Н.Ф.Калинина. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.7 Л.51). Бумага, машинопись. 08.08.1936 г.

Первое из трех объяснений в этом деле датируется апрелем 1936 года. Объяснительная записка Н. Ф. Калинина посвящена подробному отчету работы в музее, доказыванию несправедливости формулировки увольнения, отстаиванию своего честного имени. Объяснительная, состоящая из восьми машинописных страниц, и условно разделенная на пять разделов: учет музейных коллекций, экспозиционная работа, политико-просветительская работа, организационная и общественная работа. В конце своей записки Н. Ф. Калинин особое внимание уделяет выговорам, вынесенным ему руководством музея и демонстрирует не только очевидную несостоятельность, но и полную абсурдность обвинения в свой адрес [12, л. 18–23].

В отличие от последующих объяснительных записок, здесь складывается ощущение того, что Н. Ф. Калинин еще надеется на некоторую справедливость. Пытаясь объяснить истинную ситуацию в Центральном музее, ученый называет действительные причины тех недостатков в работе, которые ему хотят вменить, называет некоторые имена работников музея, которые причастны к этим

недоразумениям. Однако по тексту видно, что никаких других обстоятельств и имен он не называет, вся объяснительная записка выдержана в рамках обстоятельств, вытекающих из вынесенных в его адрес выговоров. Это особо заметно на фоне разворачивающихся в тот период событий в стране. Н. Ф. Калинин никоим образом не затрагивает политические проблемы и, тем более, не выдвигает политические обвинения в адрес своих обидчиков, что было бы в духе того времени. Речь идет сугубо об административно-хозяйственной деятельности учреждения и его сотрудников.

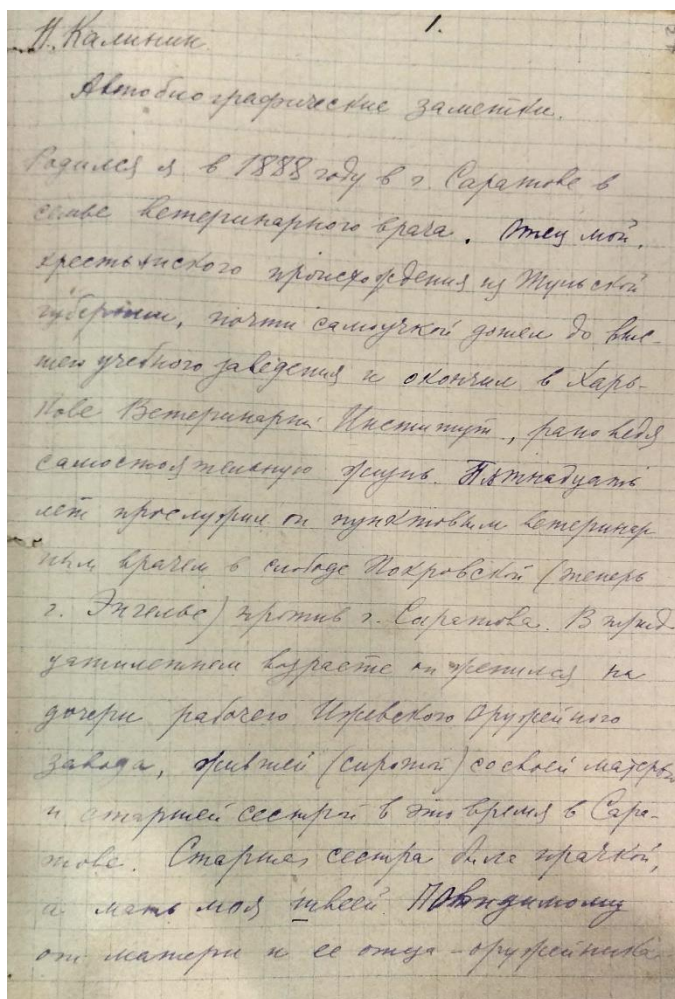

Рисунок 3. Автобиографические заметки, составленные Н. Ф. Калинин. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех. 9 Л. 7). Бумага, чернила. Июнь 1936 г.

Однако чувствуя нависшую угрозу, в июне месяце Н. Ф. Калинин составляет «Автобиографический очерк» (Рис. 3) [13, л. 7–14]. В нем автор указывает на отрицательное отношение к царскому правительству, руководству и педагогам гимназии, подробно описывает участие в протестных сходках и политических кружках, а время обучения в университете характеризует как «мрачные годы реакции» [14, л. 9–10]. Ученый неоднократно подчеркивает свою политическую лояльность к большевикам и стремление следовать «указаниям дорогого вождя И. В. Сталина» [15, л. 14].

В рамках «борьбы с контрреволюционными элементами» следствие пыталось предъявить обвинение в сопричастности ученого к «руководству троцкистов» в Центральном музее. Это были годы репрессий, свежи были воспоминания об «академическом деле», когда против представителей старой интеллигенции фабриковались уголовные дела [16]. Стремясь сохранить жизнь, Н. Ф. Калинин попытался таким образом обезопасить себя¹.

В июне месяце того же года противостояние Николая Филипповича и руководства музея вышло на новый виток. Так, в одной из записных книжек сохранилось следующее свидетельство об угрозах со стороны директора Г. И. Республиканца: «Как это так у вас все неладно выходит? Вы скрываете отчет, который послали в ГАИМК [речь идет про отчет об археологических работах в Казанском кремле в 1935 г. – Р. З.]. Имейте ввиду, что я затребую отчет из ГАИМК и скомпрометирую вас перед ГАИМК. Вы не желаете подавать проект работ на буд[ующий] год, так это не мешает работу проводить [имеется ввиду работу музея – Р. З.], работа будет, деньги есть, а вы не будете работать [подчеркнуто Н. К. – Р. З.]. Вы клочки какие-то в деле оставили, а отчет нет» (Рис.4) [17, л. 3].

Сам Н. Ф. Калинин отметил, что «А на самом деле я оставил весь отчет (он был напечатан в III-х экз.) – в канцелярии. Это дело полностью, я сам нумеровал даже листы, чтобы ничего не пропало. Почему директор говорит, что этих бумаг нет? Не Насыров²-ли взял его, не сам-ли?» [18].

Опасаясь за свою жизнь и репутацию, ученый 18.07.1936 г. отправляет спешной почтой письмо в ГАИМК на имя М. Г. Худякова³. Как можно судить из ответного письма от 27.07.1936, Н. Ф. Калинин изложил сложившуюся ситуацию в музее, поделился своими переживаниями и просил совета (Рис. 5). Михаил Георгиевич старался его успокоить: «Я не думаю, что музейная администрация станет возбуждать против Вас судебное дело. Это было бы величайшей глупостью с их

¹ Отметим, что в более поздних автобиографиях содержатся лишь упоминания об участии в протестных сходках в годы обучения, а какие-либо оскорбительные фразы и резкие политические высказывания в адрес своих прежних педагогов отсутствуют.

² К. Н. Насыров – заместитель директора Центрального музея ТАССР в 1933–1936 гг.

³ Михаил Георгиевич Худяков (1894–1936) – д.и.н., археолог. Ученик Н. Н. Фирсова и П. А. Пономарева. Член ОАИЭ. Возглавлял исторический отдел Центрального музея ТАССР до 1924 г. В 1925 г. переехал в Ленинград, с 1931 – сотрудник ГАИМКа. В сентябре 1936 арестован по обвинению в участии «в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации». Расстрелян 19 декабря того же года.

стороны, так как выплыло бы на свет все то, о чем Вы писали в письме ко мне, отношение администрации к Вам и т.д... С их стороны было бы просто глупо возбуждать такое дело... Вам лично бояться судебного дела (если оно, сверх ожидания, возникнет) нечего, так как совесть у Вас совершенно чиста, а за недостаточную охрану ответственны не столько Вы, сколько администрация музея. За время Вашего заведования отдел увеличился в несколько раз...» [19, л. 62–63]. Он также написал, что «директор музея ничего о Вас а ГАИИМК не писал» и посоветовал за поддержкой обратиться в Казанское бюро Секции научных работников [20, л. 65].

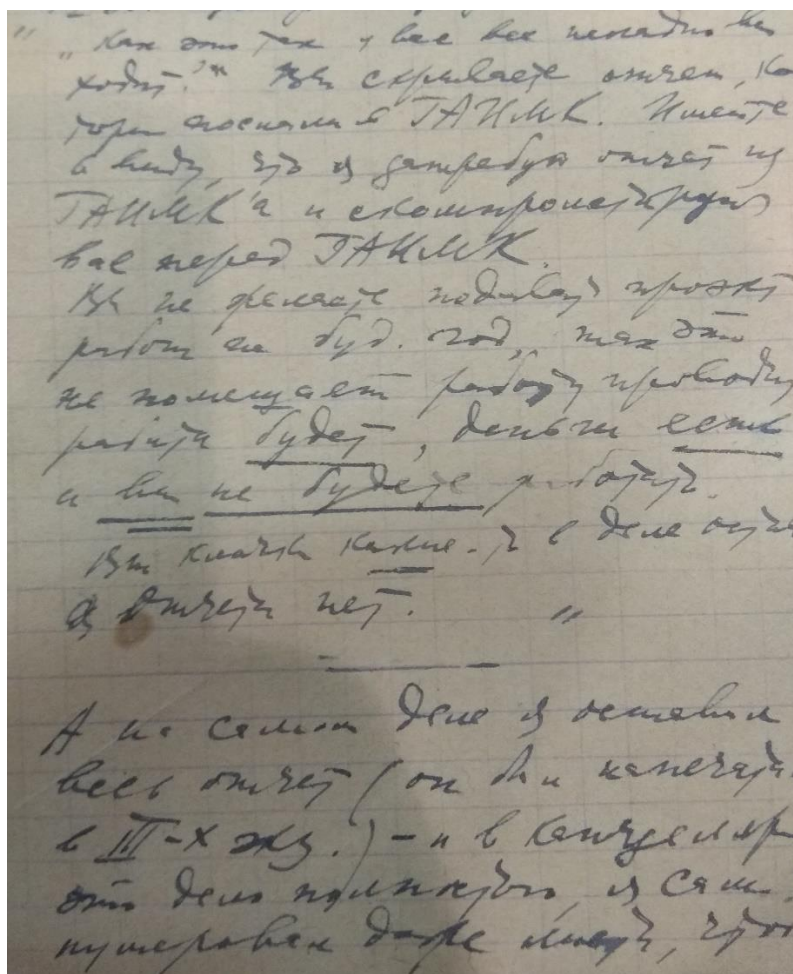

Рисунок 4. Запись разговора Н. Ф. Калинина с директором Центрального музея Г. И. Республиканцем. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50. Л.3). Бумага, чернила. Июнь 1936 г.

В начале августа 1936 г. Н. Ф. Калинин был составлен еще одна объяснительная записка. По содержанию она схожа с первой, но более подробна в деталях и уже затрагивает конкретных руководителей и служащих музея. Ученый жаловался на произвол со стороны нового директора Л. А. Ахметшина, его заместителя К. Н. Насырова и их окружение. Фактически он оправдывается от предъявленных несправедливых обвинений, вследствие чего вынужден назвать пороки и нарушения со стороны своих обидчиков, среди которых пьянство, корысть, пользование в личных целях музейным имуществом и т.д. Имеются и более серьезные претензии. Так, К. Н. Насыров окружил себя на работе родственниками и друзьями, которых обеспечил квартирами; в музее организована заведомо плохая охрана, что привело к неоднократным кражам, причинившим существенный ущерб и т.д. [21, л. 22–23].

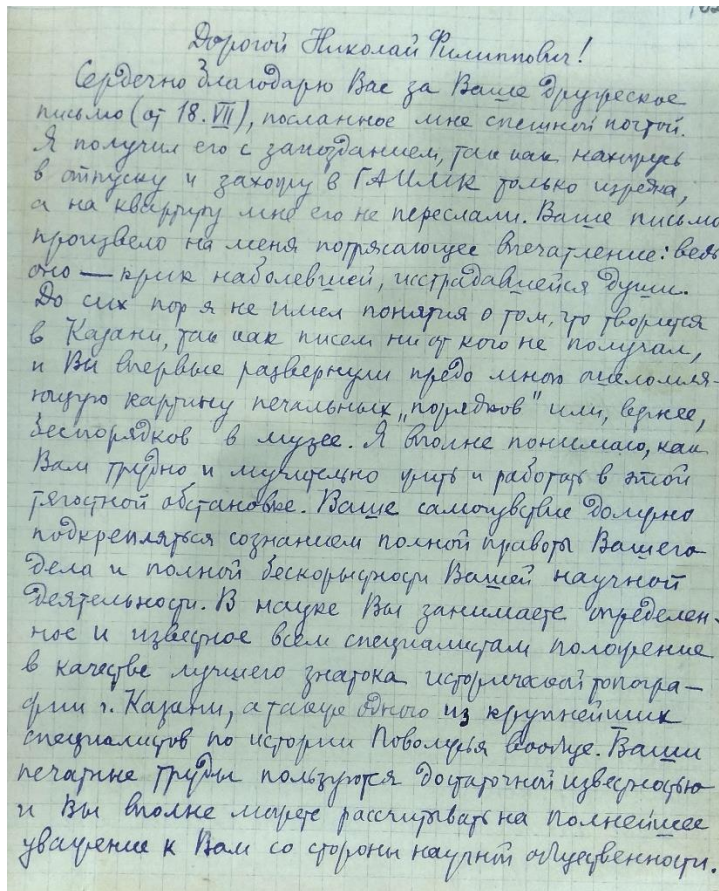

Рисунок 5. Письмо М. Г. Худякова Н. Ф. Калинин. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44. Л.62). Бумага, чернила. 27.07.1936 г.

Отдельно Н. Ф. Калинин пишет о финансах музея. «Денежные средства музея были скудные. Однако Ахметшин и Насыров тратили их бесхозяйственно и прямо преступно». Далее он приводит не только примеры нецелевого использования финансовых средств, но и конкретные случаи явной расточительности: неоправданные командировки, затраты на ремонт квартир руководства, принятие на работу заведомо неработающих сотрудников, «самовознаграждения» и пр.

«При таких обстоятельствах, – пишет Н. Ф. Калинин, – при фактах вопиющей безалаберности и прямой преступности я выступил на открытом партийном собрании в музее в октябре 1934 г. с большой речью, в которой указал на все то, что было отмечено выше, и на ряд других фактов. Я просил расследовать те факты, которые показались бы требующими проверки. В это время я информировал обо всем этом Общественно-политический совет музея» [22, л. 28].

В 1934 году несмотря на то, что не было никакого официального сокращения, Н.Ф. Калинина лишили всех сотрудников отдела. Это сокращение привело к тому, что $\frac{3}{4}$ года он работал один и лишь к концу года ему дали помощницу. В результате был сорван годовой план исторического отдела. Как пояснил ученый: «Затормозилась важнейшая работа по переучету коллекций (в чем теперь меня обвиняют). Не было времени на научно-техническую работу». Ситуация усугублялась тем, что отдел Н. Ф. Калинина всячески ущемляли в финансовых вопросах [23, л. 29–30].

Желание Н. Ф. Калинина исправить положение в музее в положительную сторону сильно отразилось на отношении к самому ученому, «...т.к. я подавал сигналы в стенной газете музея и отдельными репортажами, которые не нравились администрации, началась систематическая травля меня и издевательства [подчеркнуто Н. К. – Р. З.]». Под давлением дирекции Н. Ф. Калинин был отдален от общественной жизни музея, ущемлен в педагогической деятельности и лишен премиальных, что огорчило его меньше, чем то, как его представили как «дурной пример, как ничего не делающего работника».

Указанные обстоятельства сильно повлияли на самочувствие и здоровье Н. Ф. Калинина. Источником травли и издевательств по отношению к нему на протяжении почти двух лет Н. Ф. Калинин видит в руководителях музея в лице К. Н. Насырова, Л. А. Ахметшина, Г. И. Республиканца. Однако ученый ничего не может сделать против системы, и даже в собственную защиту против сплотившихся оппонентов. В отчаянии он констатирует: «При невнимательном отношении к моим жалобам, неоднократно подававшимся, названные лица почувствовали большую силу и теперь доводят меня до ответственности перед судом, сами оставаясь безнаказанными. Между тем, крайне истощен от этой травли. За последние полгода 3 месяца был болен и в настоящее время болен. Прошу защитить меня, в конце концов, просто от физической гибели. В довершение всех издевательств дирекция не дает мне очередного отпуска» [24, л. 30–32].

Сильно отличаются от предыдущих объяснительных записок показания данные в третий раз. После ознакомления с предъявленным постановлением старшего следователя Гурьянова от 20 июля 1936 г. и со всем объемом обширного дела, Н. Ф.

Калинин 24 августа представил свои возражения, объяснения и замечания по существу вопроса в Прокуратуру ТАССР. Судя по тексту, в этом случае мы имеем дело не с безобидным человеком, просто оправдывающимся от клеветы и претензий, а с человеком затравленным, переходящим от оправданий к серьезным обвинениям.

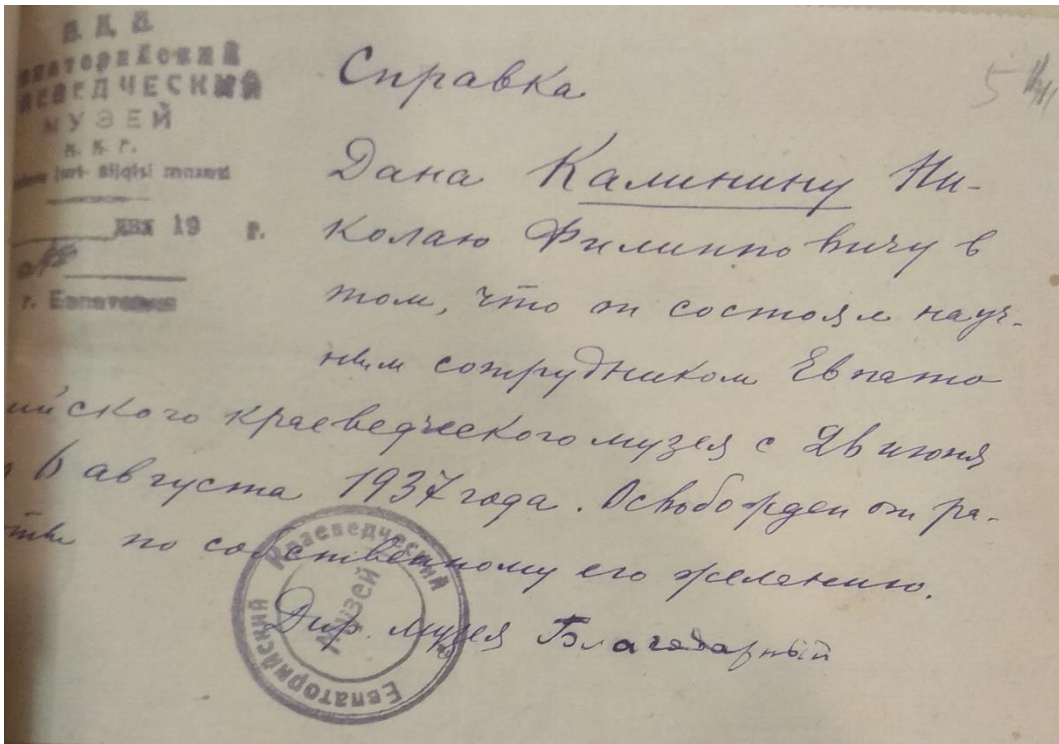

Рисунок 6. Справка из Евпаторийского краеведческого музея. Публикуется впервые. (АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.7 Л.54). Бумага, чернила. Август 1937 г.

С самого начала, текст Николая Филипповича приобретает политический характер, что и не удивительно. Фактически это был ответ тем людям, которые незаслуженно обвинили его не только в некомпетентности, но и в политических «отклонениях» и «непартийности», «не использовании указаний Энгельса–Ленина». Н. Ф. Калинин приписывались не только хозяйственные и организационные нарушения. Ему необоснованно вменялись и серьезные по тем временам обвинения, если напрямую и не связанные с политикой, то явно имеющие политическую окраску. По всей вероятности, именно эти обстоятельства вынудили его также выдвигать против своих оппонентов политические обвинения.

Свои возражения ученый начинает так: «Будто бы экспозиция была мной создана в 1933 г. под руководством троцкистов Эльвова и Медведева. Такое

припутывание меня к гадинам-контрреволюционерам способно с первых же слов скомпрометировать меня пред лицом общественности, партии и суда, между тем оно ни на чем не основано и голословно. Никакого руководства в деле построения исторического отдела эти двурушники и очковтиратели мне не давали... Вся роль Эльвова и Медведева сводилась к гонке в работе, штурмовщине, обещании в помощи, никогда не осуществлявшейся, и в хвастовстве музейными «достижениями» [25, л. 41].

По показаниям представителя комиссии следственного комитета Квицинской, «Калинин – бывший меньшевик...; Калинин и бывший директор музея Ахметшин протаскивали контрреволюционную контрабанду...» [26, л. 42]. Указывалось, что «Калинин очень активно занимался сбором коллекций фото военных, духовенства, купечества, царских чинов, членов царской фамилии, по всем правилам инструкции записывая их, тогда как не учитывал золота» и т.д. [27, л. 52]. Такие заключения Квицинской не могли не подтолкнуть Н. Ф. Калинина к ответным действиям, он требовал подтверждения этих слов или расценивать их как клевету.

Содержатся в объяснительной записке и напоминания о лояльности к партийным идеалам и обвинения руководства в «контрреволюционной деятельности». Применение резких выпадов против своих обвинителей, использование грубой, не свойственной для ученого лексики, дает нам основание полагать, что последние записки Н. Ф. Калинин писал, если не под диктовку, то под сильным давлением следователя.

Не характерные выражения ученому мог подсказать следователь, которому было выгодно получить как можно больше компромата на сотрудников музея. В пользу этого предположения следует также отметить и то, что в объяснениях часто встречаются ссылки на некие проверки, судебные и судебно-бухгалтерские экспертизы в музее, результаты допросов и показаний. Например, фигурируют показания бывшего директора Е. И. Медведева, в отношении которых было заведено дело, уволенного «за бездеятельность» бывшего директора Л. А. Ахметшина, а также показания действующих сотрудников музея о деятельности историко-археологического отдела и самого Н. Ф. Калинина.

Подробно и логично Николай Филиппович указывает на неточности, расхождения в датах и логические ошибки, допущенные комиссией под руководством Г. И. Республиканца, которая проверяла его музейную работу:

«О научности моей говорят такие «компетентные лица», как Республиканец, полуграмотный в историческом и музейном отношении, оказавшийся незнающим ничего о жизни В. И. Ленина в Казани и в апреле 1936 г. просивший меня написать побольше этих сведений (потом присвоивший эти материалы, выдавая их за свои). В июне 1936 г. во время пребывания в Музее музейного инспектора из Москвы т. Ермолаева, директор Республиканец спутал БУЛАВКИ с БУЛАВАМИ (древнее оружие). Глядя на редчайшие болгарские надгробья с единственными образцами письменности болгар XIII – XIV века, брался собрать «таких камней» ТЫСЯЧИ» [28, л. 44 об.].

Полную некомпетентность и безграмотность проверяющих работу ученого характеризует одно из замечаний, которое было отмечено комиссией. Как писал Николай Филиппович: «Некоторые требования... звучат анекдотично. Например – «нет хронологии показа политической истории Булгарского государства». Нельзя требовать того, что вообще неизвестно исторической науке. События внутренней истории Булгарского государства неизвестны почти вовсе, тем более нельзя представить хронологически последовательной его истории. Это не в силах сделать пока ни один историк» [29, л. 46 об.].

Учитывая обстановку в стране того времени, надо признать, что закончилась эта история для Н. Ф. Калинина вполне удачно. Это было время, когда в сталинских лагерях оказывались тысячи репрессированных по менее тяжким доносам и обвинениям. В итоге ученый все же не был арестован и дело завершилось только увольнением его из музея. В архиве ИЯЛИ, где хранятся его объяснительные записки следователю, не имеются даже постановления о возбуждении или в отказе о возбуждении уголовного дела, о мере пресечения и т.д. По архивным документам мы не можем точно определить, было ли вообще заведено уголовное дело, а если заведено, то по каким причинам оно прекращено. Однако, так или иначе, здоровье Н. Ф. Калинина, в связи с этим оказалось сильно подорванным, а моральный дух заметно ослаб. Описанные выше события сильно повлияли на характер ученого и на его отношение к коллегам. Он стал более циничным, мало кому доверял, часто перепроверял проводимые сотрудниками и его учениками работы.

После увольнения из музея Николай Филиппович продолжил работу в школе № 2 (до 1940 г.). Проливают свет на биографию исследователя в период 1937 г. имеющиеся в архиве ИЯЛИ удостоверения и записи. Сохраняя интерес и любовь к археологии, ученый весной обратился в ГАИМК с просьбой включить его в экспедиционные работы академии [30, л. 25]. Однако в виду того, что «ассигнования на отдельные экспедиции еще не уточнены, а также не уточнен еще и план новостроечных работ», Николаю Филипповичу было предложено место в Казахстанской экспедиции. Однако участие в данной экспедиции смутило его незнанием условий работы и сроками (июль-сентябрь), тогда как он имел возможность проработать с июня по август – во время летнего отпуска в школе [31, л. 24 об.].

По всей видимости, в экспедицию ученый не попал. Нами было установлено, что с 26 июня по 6 августа 1937 года Николай Филиппович работал в Евпаторийском краеведческом музее в должности научного сотрудника (Рис. 6) [32, л. 52 и 54]. Судя по личным заметкам, Н. Ф. Калинин принимал участие в организации экспозиций и составлял «этикетки» – текстовые исторические справки о народах и археологических культурах Крыма [33, л. 2–17].

Впрочем, в 1938 г. Н. Ф. Калинин смог восстановиться в Центральном музее ТАССР¹, но уже не заведующим, а старшим научным сотрудником исторического

¹ Возможно, его возвращение было связано с тем обстоятельством, что в 1937 г. органами НКВД был арестован Г. И. Республиканец и снят с поста директора Центрального музея ТАССР.

отдела. Тогда же были начаты систематические раскопки Болгарского городища под рук. А. П. Смирнова и активном участии Н. Ф. Калинина [34; 35, с. 353]. В 1939 г. в ТАССР был создан научно-исследовательский Институт языка и истории, а в Казанском университете возрожден историко-филологический факультет. С активной научной и преподавательской деятельностью ученого в этих учреждениях наступает новый этап в его жизни и творчестве.

Список использованных источников и литературы

1. Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888–1959).– Казань: КГУ, 2002.– 24 с.
Sitdikov A. G., Starostin P. N. Nikolay Filippovich Kalinin (1888–1959).– Kazan: KGU, 2002.– 24 s.
2. Зоря Р. С. К биографии ученого: деятельность Н. Ф. Калинина во 2-й половине 1930-х – конце 1940-х годов // Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х – конец 1940-х годов): матер. Международной научной конф. / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. И. А. Сорокина.– М., 2021.– С. 30–31.
Zorya R. S. K biografii uchenogo: deyatelnost N. F. Kalinina vo 2-yu polovine 1930-h – kontse 1940-h godov // Sovetskaya arheologiya do i posle Velikoy Otechestvennoy voyni (vtoraya polovina 1930-h – konets 1940-h godov). Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: Institut arheologii RAN, 2021.– S. 30–31.
3. В октябре 1923 г. Н. Ф. Калинин был принят в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С 1928 г. до прекращения деятельности Общества в 1931 г. он являлся научным секретарем секции археологии и искусства. Кроме того, ученый в 1925–1928 гг. состоял в Татарском бюро Краеведения, являлся одним из членов-учредителей Общества изучения Татарстана, в котором с 1928 по 1931 г. возглавлял бюро (секцию) школьного краеведения. См. АИЯЛИ АН РТ, Ф. 8. Оп. 2. Ех.7. Л. 14; Оп. 3. Ех.7. Л.1, Ех.17. Л. 10, Ех.25. Л.3.; НА РТ. Ф. 447, Оп. 1. Д. 16. Л. 3 и 6.
V oktyabre 1923 g. N. F. Kalinin byl prinyat v Obschestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. S 1928 g. do prekrascheniya deyatelnosti Obschestva v 1931 g. on yavlyalsya nauchnyim sekretarem sektsii arheologii i iskusstva. Krome togo, uchenyy v 1925–1928 gg. sostoyal v Tatarskom byuro Kraevedeniya, yavlyalsya odnim iz chlenov-uchrediteley Obschestva izucheniya Tatarstana, v kotorom s 1928 po 1931 g. vozglavlyal byuro (sektsiyu) shkolnogo kraevedeniya. Sm. AIYaLI AN RT, F. 8. Op. 2. Eh.7. L. 14; Op. 3. Eh.7. L.1, Eh.17. L. 10, Eh.25. L.3.; NA RT. F. 447, Op. 1. D. 16. L. 3 i 6.
4. Руденко К. А. Организации и учреждения археологического профиля в 1917 – начале 1930-х годов в Казанской губернии – ТАССР // Очерки истории отечественной археологии. / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: ИА РАН, 2019.– Вып. V.– С. 277–304.
Rudenko K. A. Organizatsii i uchrezhdeniya arheologicheskogo profilya v 1917 – nachale 1930-h godov v Kazanskoj gubernii – TASSR // Ocherki istorii otechestvennoy arheologii. / Отв. ред. И. А. Сорокина.– М.: IA RAN, 2019.– Vyip. V.– S. 277–304.
5. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.50.
6. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.48.
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.48.
7. Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.).– Казань: Республиканский центр мониторинга качества образования, 2014.– 767 с.
Rudenko K. A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Volzhskoy Bulgarii (X – nachalo XIII v.).– Kazan: Respublikanskiy tsentr monitoringa kachestva obrazovaniya, 2014.– 767 s.
8. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.50.
9. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
AIYaLI AN RT. F.8. Op. 2. Eh.52.
10. Там же.
Tam zhe.

11. Ситдииков А. Г., Старостин П. Н. Николай Филиппович Калинин (1888–1959).– Казань: КГУ, 2002.– 24 с.
Sitdikov A. G., Starostin P. N. Nikolay Filippovich Kalinin (1888–1959).– Kazan: KGU, 2002.– 24 s.
12. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
13. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.9. Л
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 3. Ех.9.
14. Там же.
Tam zhe.
15. Там же.
Tam zhe.
16. Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская Археология.– 1998. – № 3. – С. 191–206.
Formozov A. A. Russkie arheologi i politicheskie repressii 1920–1940-h gg. // Rossiyskay Arheologia.– 1998. – № 3. – С. 191–206.
17. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.50.
18. Там же.
Tam zhe.
19. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 4. Ех.44.
20. Там же.
Tam zhe.
21. АИЯЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф.8. Оп. 2. Ех.52.
22. Там же.
Tam zhe.
23. Там же.
Tam zhe.
24. Там же.
Tam zhe.
25. Там же.
Tam zhe.
26. Там же.
Tam zhe.
27. Там же.
Tam zhe.
28. Там же.
Tam zhe.
29. Там же.
Tam zhe.
30. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.156.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.156.
31. Там же.
Tam zhe.
32. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех.7.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 3. Ех.7.
33. АИЯЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.53.
АЙҮәЛИ АН РТ. Ф. 8. Оп. 2. Ех.53.
34. Хлебникова Т. А. История археологического изучения Болгарского городища, стратиграфия, топография // Город Болгар: очерки истории и культуры. / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов.– М.: Наука, 1987. – С. 34–89.

Hlebnikova T. A. Istoriya arheologicheskogo izucheniya Bolgarskogo gorodishcha, stratigrafiya, topografiya // Gorod Bolgar: ocherki istorii i kul'tury. / Otv. red. G.A. Fedorov-Davydov.– M.: Nauka, 1987. – S. 34–89.

35 Зоря Р. С., Ситдигов А. Г. Н. Ф. Калинин: изучение и сохранение историко-археологического наследия Болгарского городища // Археология Евразийских степей. – Казань, 2021. – № 2. – С. 347–361.

Zorya R. S., Sitdikov A. G. N. F. Kalinin: izuchenie i sohranenie istoriko-arheologicheskogo naslediya Bolgarskogo gorodishcha // Arheologiya Evraziyskih stepey. – Kazan, 2021. – № 2. – S. 347–361.

Zorya R. S. «Please protect me, after all, from physical death...»: new facts to biography of N. F. Kalinin

Based on archival sources at the Institute of language, literature and Arts of Tatarstan Republic Academy little-known facts are reported about the biography of an eminent Kazan historian, archeologist, a museum scientist and pedagogue Nikolay Filipovich Kalinin (1888–1959). These sources demonstrate the difficult circumstances in which TASSR Central Museum was in those years and partially convey the situation that reigned in the walls of the institution. The events related to the conflict between the researcher and the leaders of the TASSR Central Museum in 1934–1936, which led to his dismissal, are considered in detail. Involvement of materials of judicial and investigative measures in Kalinin case, as well as the use of the office documentation and the scientist's epistolary heritage gave the opportunity to shed light on difficult events in the life of the researcher in 1936–1938. It is established that one of the main founders of archeological school in Kazan in 1937 for a short period of time worked on the Crimean peninsula in Evpatoria Museum of local history.

Keywords: archaeology, N. F. Kalinin, Tatarstan, Evpatoria museum, TASSR Central Museum, biography, local history.

УДК 94(73)+930 "1610/1820"

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-81-93

ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ТЕМЫ, 1610–1820-Е ГОДЫ

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Исследование посвящено изучению зарождения историографии темы генезиса внешней политики США. Ключевой тезис работы оспаривает устоявшееся положение в научной литературе об основополагающей роли труда Т. Лаймена – младшего «Дипломатия Соединенных Штатов: будучи отчетом о внешних сношениях страны, от первого договора с Францией в 1778 году до Гентского договора в 1814 году с Великобританией», изданного в 1826 году. В статье выдвигается альтернативная гипотеза: возникновение историографии генезиса внешней политики Соединенных Штатов произошло до начала второй четверти XIX в. – в колониальный период и первые пятьдесят лет существования североамериканского государства. Изучение работ тридцати пяти авторов, творивших на протяжении 1610–1820-х гг., показало: историки-аматеры выражали единство мнения относительно принадлежности Северной Америки к европоцентрической системе международных отношений; они были уверены в том, что и колонисты, и отцы-основатели воспринимали международные процессы на основе *raison d'être*. Концептуализация интеллектуального наследия непрофессиональных историков позволила выделить три интерпретации зарождения внешней политики Соединенных Штатов: «автохтонная» – делала акцент на сугубо североамериканских причинах; «атлантическая» – постулировала заимствование европейской практики международных отношений по средству системы связей, сложившейся в Атлантике в XVII–XVIII вв.; «имперская» – констатировала адаптацию британского опыта. Полученные данные опровергают положения научной мысли XX–XXI вв. и создают новые ориентиры для дальнейшего изучения темы.

Ключевые слова: генезис внешней политики США; историография; колониальный период; «ранняя школа»; «автохтонная», «атлантическая», «имперская» интерпретация.

Вопрос о зарождении историографии внешней политики США или игнорируется исследователями [8; 16; 17; 46], или сводится к рассмотрению книги 1826 г. издания – «Дипломатия Соединенных Штатов: будучи отчетом о внешних сношениях страны, от первого договора с Францией в 1778 году до Гентского договора в 1814 году с Великобританией», написанной юристом, политиком Теодором Лайменом – младшим (1792–1849) [13, р. 6–8]. При таком подходе вне фокуса внимания находятся работы, изданные до 1820-х гг., что является упущением. Анализ этой группы источников формирует актуальность отдельного изыскания и его цель – исследование зарождения историографии темы генезиса внешней политики США в 1610–1820-е гг. Достижение целевой установки было построено на реализации трех задач: определить и систематизировать круг историков-аматеров колониального периода и «ранней школы» американской исторической литературы; выделить их ключевые позиции; концептуализировать

вклад авторов в историографию темы изыскания. Методология работы построена на основе принципа объективности, системного подхода, историко-сравнительного и историко-генетического методов.

1. Авторы колониального периода, 1610–1760-е гг.: предпосылки формирования «имперской» и «атлантической» интерпретаций

Зарождение историографии темы генезиса внешней политики США восходит своими истоками к колониальному периоду истории североамериканского государства. На протяжении 1600–1760-х гг. группа из двадцати шести историков, подавляющая часть которых не имела профессионального образования, создала интеллектуальное наследие, определившее понимание зарождения внешней политики североамериканского государства.

Историки-любители были распространены неравномерно по территории Британской Америки. Их наибольшее количество – 58% – сосредоточивалось в Новой Англии. Массачусетс – наиболее развитая колония – была центром интеллектуальной рефлексии международных процессов для 12 авторов. Здесь творили основатели Плимутской колонии Эдвард Уинслоу (1595–1655) и Уильям Брэдфорд (1590–1657) [6; 7; 47], губернаторы Джон Уинтроп (1588–1649) [48]¹ и Томас Хатчинсон (1711–1780) [21], автор первой истории Новой Англии Эдвард Джонсон (1599?–1672) [23], общественно-политический деятель Натаниэль Мортон (1616–1685) [31], президенты Гарвардского университета Уильям Хаббард (1621–1704) [19–20], Инкриз Мазер (1639–1723) [28–29], Коттон Мэзер (1663–1728) [27], политический деятель Томас Чёрч (1674–1746) [11], врач Уильям Дуглас (ок. 1700–1752) [14], священник Томас Принс (1687–1758) [35].

В остальных колониях Новой Англии исторические работы создавались усилиями единичных авторов. Свои замыслы реализовывал заместитель губернатора, капитан Колонии Коннектикут Джон Мейсон (1600–1672) [26], общественный и политический деятель колонии Нью-Хэмпшир Сэмюэл Пенхоллоу (1665–1726) [34], священник, написавший первый исторический труд по развитию Род-Айленда Джон Каллендер (1706–1748) [10].

В срединных колониях историописание, содержащее оценку международных процессов, было наименее развитым в Британской Америке. На долю этого региона пришлось 11% авторов, большая часть которых концентрировалась в Нью-Йорке, где творили: видный общественно-политический деятель Кадволладер Колден (1688–1776) [12], юрист Уильям Смит (1728–1793) [42]. За пределами этой колонии, только в Нью-Джерси вел работу квакер, общественный деятель Сэмюэл Смит (1720–1776) [40; 41].

19% историков-аматеров сосредоточивались на Юге, где ядром интеллектуальной жизни была Виргиния. В ней писали сочинения основатель Джеймстауна капитан Джон Смит (1580–1631) [37; 38; 39], англиканский священник Уильям Стит (1707–1755) [43], плантаторы Уильям Бэрд (1674–1744) [9]

¹ Степень влияния работы Дж. Уинтроп весьма примечательна: рукопись не публиковалась до начала XIX в., но с ней работали историки Новой Англии [24, р. 20–21].

и Роберт Беверли (ок. 1667–1722) [4]. В остальных колониях только в Южной Каролине исторические изыскания вел торговец Джеймс Адаэр (ок. 1709–1783) [1].

Вне Британской Америки, в метрополии свой вклад внесли писатель-путешественник Уильям Вуд (1580–1639) [49], историки Даниэль Нил (1678–1743) [32] и Джон Олдмиксон (1673–1742) [33].

Кроме метрополии, локусы исторической оценки находились преимущественно в Массачусетсе, Нью-Йорке и Виргинии, где формировались политические элиты и крупный капитал, функционировали университеты, поддерживались тесные связи с Европой.

Вне зависимости от региональной специфики, у авторов существовало общее понимание значения международных процессов для Британской Америки. В частности, они постулировали идею о принадлежности Северной Америки к европоцентрическому миру. Это состояние они обосновывали враждебностью голландцев, испанцев, французов, шведов, зависимостью от европейского баланса сил, влиянием англо-французского соперничества, интегрированностью континента в международно-правовое поле и экономику государств «Старого света» [1, р. 32, 73, 82, 91, 93, 113, 142, 162, 164, 152–155, 240–371, 388–389, 408–411; 4, р. 10, 49, 69–70, 149–150; 6, р. 77, 122–123, 163, 202, 235, 313, 332; 7, р. 98–99, 107, 119, 132, 134–135; 10, р. 126, 136–137; 11, р. 111, 114, 132–133, 136–158, 163, 166, 172, 181, 186, 191, 193; 12, р. 37–39, 43, 53, 55, 64, 93, 106, 126, 139, 144, 163, 165, 181, 183–184, 193, 195; 14, Vol. 1. р. 2, 3–15, 43, 52, 88–89, 93, 108, 140, 179, 183, 205, 278–279, 286, 289, 276, 306–308, 317, 327, 333–335, 346, 383, 566, Vol. 2, р. 228–229; 19, р. 170–173, 245, 322–324, 424–425, 432–444, 445–450, 456–457, 466, 478–480, 667–671; 20, Vo. 1. р. 17, 40–45, 53–55, 64–66, 77, 79, 91–93, 104, 136–137, 142, 159, 176–185, 199, 203, 215, 243, 248–249, Vol. 2. р. 7–9, 30–32, 79, 156, 210, 247, 251; 21, р. 110, 142, 172, 190, 225, 405, 414–415, 423–427, 429; 23, р. 98, 104–105, 108, 182–185, 191–195, 198; 26, р. 6, 8–9, 14, 16–17, 19–24, 36; 27, р. 167; 28, р. 10, 12, 15, 19, 29, 35, 38, 54, 59, 62, 67, 71, 74–75, 79–80, 83–88; 29, р. 2, 5, 10–11; 31, р. 42–44, 88–89, 121, 264, 293, 304, 320; 32, Vol. 1, р. 90–91, 156–157, 180, 201–214, Vol. 2, р. 342, 366, 376–426, 465–473, 542–562; 33, Vol. 1, р. 68, 78, 125–126, 170–171, 203, 318, Vol. 2. р. 19, 172, 216, 248, 259, 306, 357; 34, р. 16, 18, 20, 25–26, 30, 33, 36, 38, 46–47, 50–51, 54, 65, 71–77, 106–107, 121–122; 35, р. 234, 245, 392–393, 420; 37, р. 39, 72–73, 76; 38, р. 23–27; 39, Vol. 1, р. 162–163, 171, 174–176, 196–197, Vol. 2, р. 22, 38, 46, 52, 82; 40, р. 19–15, 27–39, 52–71, 136, 227–228, 248–251, 367–369, 448, 451, 461–462, 467–469, 494; 41, р. 49, 59, 84–85, 142–144; 42, р. 30, 54–60, 66–72, 78, 85–100, 111–114, 132, 150–151, 156, 196, 201, 220–222, 245, 258–259, 291–292, 343–334, 355–363, 429–430, 449–499; 43, р. 93–94, 132–133, 210, 217, 233, 285, 290, 309–310, 328; 47, р. 21, 26, 42, 61; 48, Vol. 1, р. 82, 97, 102–103, 109–110, 113, 128, 132, 139, 144, 188–189, 212–214, Vol. 2, р. 32–35, 55, 80, 94–96, 134, 138, 160–161, 164, 181–183, 202, 247, 276–278, 325–326, 328, 330–333; 49, р. 67, 75]. Подобного рода оценки представляли собой эмбрион формирования «имперской» и «атлантической» интерпретаций генезиса внешней политики США во второй половине XIX в., адепты которых рассматривали британский опыт и океаническую связанность в качестве ключевых

факторов в зарождении международного взаимодействия североамериканского государства.

Риторика пуританских авторов о «Новом свете» не имела сильного воздействия на восприятие международных процессов ни в середине XVII в., ни по мере приближения к Войне за независимость (1776–1783). На протяжении 200-х лет в литературе преобладал рациональный взгляд, а идея «Града на Холме» не имела серьезного воздействия на восприятие колонистами отношений между государствами¹. Сам Дж. Уинтроп мыслил в категориях *raison d'être* – баланса сил. Описывая события мая 1648 г., им была сделана запись: <...> губернатор получил два письма от голландского главы администрации, в которых содержались большие заверения в его искренней привязанности к прочному миру и добрососедскому согласию со всеми англичанами, и на этих основаниях: 1. наше единство в истинной религии, 2. древняя лига между двумя народами, 3. община в опасности, в отношении общего врага, как испанцев, так и индейцев, 4. примирение прежних разногласий и предотвращение будущих, 5. выгода взаимного Союза, как наступательного, так и оборонительного, против общего врага <...> Такова была некоторая причина, по которой дух голландского губернатора должен был начать падать, как в отношении слабости, в которую впало государство Голландия (особенно Вест-Индская компания), (что не было ни малейшим поводом для их позднего мира с Испанией), так и в отношении сомнений, в которые он впал в это время, как от своего собственного непокорного народа, так и от всех их соседних индейцев, ибо ни один его народ не был бы удержан от того, чтобы снабжать индейцев ружьями, порохом и т. д., и индейцы не выдержали бы без этой торговли; а большие потери, понесенные компанией в результате крушения трех кораблей, а также старого губернатора и многих других важных людей с ним, заставили его усомниться в том, что из Голландии поступят большие поставки» [48, Vol. 2, p. 342–343]. Вместо религиозной риторики отмечался британский опыт ведения внешней политики.

Авторы, особенно XVIII в., не противопоставляли Америку Европе, рассматривали ее частью европоцентрического мира, связанной узами материального мира и Христианской веры. Проповедник, директор Гарвардского университета, действительный член Королевского научного общества Коттон Мэзер (1663–1728) в книге «*Magnalia Christi americana*, или церковная история Новой Англии, начиная с ее первого посева в 1620 году и до 1698 года от Рождества Христова в семи книгах ...» (1702) отмечал: «Благочестивый отец нашего Ионафана обнаружил, что Америка, так же как и Европа, Новая Англия, так же как и Старая Англия, были частью Ветхозаветного мира Адама, и повсюду ее окружали тернии мирских забот и досад; и что дикая Земля была местом, где искушение должно было быть встречено с радостью» [27, p. 167]. Спустя тридцать лет, священник, пионер

¹ Концепт – «Град на Холме» – представлял собой государственную пропаганду переселения в Америку, по аналогии с которой в середине XIX в. возникнет концепт «предопределения судьбы», рекламировавший освоение территорий Запада в североамериканском континенте. Переносит ее в плоскость восприятия международных отношений является опрометчивостью.

научного написания истории в Массачусетсе Томас Принс (1687–1758) в работе «Хронологическая история Новой Англии в форме анналов ...» (1735) писал: «С тех пор, как Новый Свет стал известен старому, прошло уже 110 лет, но ни французы, ни голландцы, ни англичане, ни кто-либо другой, кроме испанцев, не сделали никакого эффективного поселения в этих новых здоровых областях, и так как золотые и серебряные рудники привлекли испанцев в южные и западные части, я не могу найти в настоящее время ни одной европейской семьи на всем обширном побережье от Флориды до Гренландии» [35, р. 97]. Оба автора показывали связанность двух полушарий, не изолированных Атлантикой, через которую шел процесс европейского освоения Нового света.

Еще до начала Войны за независимость, в литературе XVII–XVIII вв. сформировалось представление о ключевом положении Северной Америки в европоцентрических международных отношениях и экономике. Рефлексируя британский опыт, авторы показывали прагматичный подход колонистов к анализу дипломатии и балансу сил, а также способность применять их в своих интересах. Писатели колониального периода, *a posteriori*, обусловили образ мысли непрофессиональных историков «ранней школы», став предтечей эволюции американской исторической науки.

2. «Ранняя школа» историографии, 1770–1820-е гг.:

развитие «имперской» интерпретации и зарождение «автохтонной» трактовки

В течении пяти десятилетий, суверенного существования Соединенных Штатов, история зарождения их внешней политики¹ пребывала на периферии интересов историков, которые, как и в предшествовавший период, оставались аматерами.

Плеяду девяти авторов объединяла литературная сфера деятельности. Системной причиной, по которой у писателей «ранней школы» было ограниченное представление о генезисе внешней политики являлось отсутствие этой темы в общественно-политическом дискурсе США, что не создавало конъюнктуры для ее актуализации. Также их методология исследования не выстраивалась на принципе научного метода, привлечения архивных документов. Эти обстоятельства компенсировались использованием трудов авторов колониального периода, заимствованием наработок друг у друга, привлечением личных источников – преимущественно газетные публикации².

¹ Следует уточнить: в этот период авторы не использовали термины «внешняя политика», «дипломатия», «дипломат». Для них все американские посланники были «уполномоченными» («commissioners». – Д. Д.), а Соединенные Штаты обладали только «связями» и «отношениями» с иностранными державами [2, р. 400–402, 469, 477; 30, р. 366; 36, Vol. 1, р. 1–348; 45, Vol. 2, р. 130].

² Состояние американской историографии не носило уникальный характер. В государствах Европы также сказывался дефицит источников, и тема внешней политике США была периферийной. На рубеже XVIII–XIX вв. исследованием США занимались два ученых. Кристоф Даниэль Эбелинг (1741–1817) – географ, историк, исследователь Северной Америки, профессор греческого языка и истории в Гамбургском университете – написавший 7-ый труд «Описание земли и история Америки. Соединенные Штаты Северной Америки» (1796–1816). А также Карло Джузеппе

За исключением отсутствия работ в срединных штатах, тенденции колониальных лет продолжали развиваться уже в США на протяжении 1770–1820-х гг. В частности, Новая Англия, где сосредоточилось 78% историков, по-прежнему доминировала в качестве интеллектуального локуса историописания, ядром которого все еще был Массачусетс. В этом штате творили Исаак Бэкус (1724–1806) – ведущий баптистский проповедник, автор книги «История Новой Англии с особым упоминанием о деноминации христиан, называемых баптистами» (1777) [3]; Уильям Гордон (1728–1807) – политик, ветеран Войны за независимость, перу которому принадлежит монография «История возникновения, прогресса и становления независимости Соединенных Штатов Америки» (1789) [15]; Ханна Адамс (1756–1831) – первая профессиональная женщина-писатель, написавшая труд «Краткая история Новой Англии, от первого поселения в Плимуте до принятия федеральной конституции: осмысление общего очерка Американской войны» (1799) [2]; Абиэль Холмс (1763–1837) – священник-конгрегационалист, историк, создавший трактат «Американские анналы, или хронологическая история Америки, от ее открытия в MCCCXCII до MDCCCVI» (1805) [18]; Мерси Отис Уоррен (1728–1814) – писательница, первая женщина книгоиздатель, кому принадлежит авторство труда «История возникновения, развития и прекращения Американской революции: перемежается с биографическими, политическими и моральными наблюдениями ...» (1805) [45].

Коннектикут в Новой Англии продолжал оставаться одним из источников формирования взгляда на ранний период внешней политики США. Над этой проблематикой вели работу Бенджамин Трамбулл (1735–1820) – историк, подготовивший монографию «Общая история Соединенных Штатов Америки от открытия в 1492 году до 1792 года, или наброски божественной силы ...» (1810) [44]; Джедидая Морзе (1761–1826) – «отец американской географии», священник, автор труда «Анналы американской революции, или летопись причин и событий, приведших к созданию и независимости Американской республики, к которой прилагается краткий отчет о первом заселении страны и некоторых главных войнах с индейцами; к которому добавляется приложение, содержащее биографию главных военных офицеров, сыгравших важную роль в достижении нашей независимости» (1824) [30].

Историки-любители из южных штатов, как и в колониальный период, были малочисленны, составив 22% от общего количества писателей рассматриваемой группы. Дэвид Рэмси (1749–1815) – политический деятель Южной Каролины, ветеран Войны за независимость, был творцом книги «История американской революции» (1789) [36]; Джон Маршалл (1755–1835) – политик и юрист,

Ботта (1766–1837) – итальянский историк, политический деятель – ставший автором двухтомного издания «История войны за независимость Соединенных Штатов Америки» (1809). Их оценка внешней политики мало чем отличалась от позиции историков «ранней школы». К. Д. Эбелинг и К. Д. Ботта идентично описывали международные процессы XVII–XVIII вв., связанные с отношениями европейских держав, делали акцент на англо-французском противостоянии [5, Vol. 1, P. 29–33, 37–39, 79–80, 107, 116, 151, 163; 24, p. 103–104].

написавший издание «Жизнь Джорджа Вашингтона: главнокомандующий американскими войсками, во время войны установивший независимость своей страны, и первый президент США» (1804–1807) [25].

Историки разных регионов придерживались одинаковых позиций, что было следствием из использования наработок предшественников колониального периода. Например, вслед за своими предтечами, А. Холмс и Б. Трамбулл повторяли их выводы: в составе Великобритании колонии были участниками международных процессов, европейский баланс оказывал воздействие на их положение в Северной Америке, особенно это проявила Семилетняя война и Парижский мирный договор 1763 г., державы «Старого света» были враждебны как по отношению к метрополии, так и ее североамериканским колониям [2, p. 320, 321; 44, Vol. 1, p. 455–467]. Дипломатия Войны за независимость побуждала, в частности, Д. Рэмси уделять внимание на взаимоотношения США с иностранными государствами, особенно, выделяя переговорный процесс 1778–1783 гг.¹. Примечательно, но только в работах У. Гордона и М. О. Уоррена был рассмотрен факт создания комитета тайной корреспонденции 29 ноября 1775 г., который они не связывали с внешней политикой [15, Vol. 1, p. 272–283]. Остальные – проигнорировали этот факт [18, p. 287; 36, Vol. 1, p. 348].

В целом, историки относились без интереса к освещению внешнеполитических процессов и не давали оценочных суждений. Наглядно поверхностный уровень анализа демонстрирует взгляд А. Холмс: «До провозглашения независимости конгресс подготовил план договора, который должен был быть предложен иностранным державам (sic! – Д. Д.), и вскоре после этого направил в Париж своих уполномоченных, чтобы добиться его принятия христианнейшим Величеством; но с момента их прибытия в декабре 1776 года по декабрь 1777 года они находились в состоянии неопределенности» [18, Vol. 2, p. 325].

Несмотря на ограниченное внимание к внешней политике, историки «ранней школы» выдвинули два объяснения её генезиса. Еще за 80–90 лет до возникновения «националистической школы дипломатической истории» и «имперской школы колониальной истории» в XIX в., за 120–150 лет до образования школы политического реализма в XX в., Х. Адамс, Дж. Маршалл, Д. Рэмси. М. О. Уоррен на рубеже XVIII–XIX вв. интерпретировали зарождение внешней политики из имперского опыта – осмысление отцами-основателями европейского баланса сил, как британского навыка. Это выразилось в утверждении: делегаты Континентального Конгресса, из-за конфликта с метрополией, обратились к иностранным державам – противникам Великобритании – за помощью и для этого приняли Декларацию независимости, совершили дальнейшие шаги по развитию отношений с европейскими державами, уравновешивавшие британскую

¹ На пример, Д. Рэмси выделял такие подразделы, как «Иностранные дела, связанные с американской революцией 1780, 1781 гг.», «Кампания 1782 года. Зарубежные мероприятия и переговоры. Мир 1782 года» [36, Vol. 1, p. 348].

империю [2, p. 349; 15, Vol. 1. p. 152–155, 185; 25, Vol. 1, p. 79–80; 45, Vol. 1. p. 310–311].

Альтернативную интерпретацию предложили историки, отстаивавшие автохтонные, т. е. североамериканские причины генезиса. Это отмечал Дж. Морзе: «Эмбрион революции, который проявился в установлении независимости британских колоний, возник в самом зарождении их поселений. Составными частями этого зародыша были эгоизм, «политическая и меркантильная» зависть, незнание состояния колоний и политики, к которой они должны были относиться, и, следовательно, законы и меры, принятые парламентом для их регулирования. Зародыш во всех своих ответвлениях рос вместе с развитием колоний, пока не стал непосредственной причиной восьмилетней войны, которая закончилась нашей независимостью и дала нам место среди народов Земли» [30, p. 60]. В свою очередь, И. Бэкус один из первых выделил влияние религиозных общин Новой Англии на формирование дипломатии в период Войны за независимость. Согласно его представлению, эти группы-интересов, пытались предотвратить посягательства Англиканской церкви на их религиозные свободы [3, Vol. 2, p. 513]. Однако наработки Дж. Морзе и И. Бэкуса не оставили следа в историографии рассматриваемой темы: их взгляды не были выделены последующими поколениями историков.

Несмотря на отсутствие интереса к теме генезиса внешней политики США, авторы «ранней школы» внесли принципиальный вклад в ее изучение. Развиваясь в рамках концепта своих предшественников – историков-аматоров колониального периода – ими была перенесена их интерпретация в интеллектуальную среду североамериканского государства. Не ставя перед собой цель и не поняв этого, авторы «ранней школы», выделили две интерпретации генезиса внешней политики: «имперская» (Х. Адамс, Дж. Маршалл, М. О. Уоррен) и «автохтонная» (Дж. Морзе, И. Бэкус). Обратить внимание следует на отсутствие у историков «ранней школы» развития «атлантической» интерпретации, возникшей в трудах писателей колониального периода. Объяснение этого проистекает из преобладания в общественно-политическом дискурсе США идей изоляционизма, которые подчеркивали уникальность страны и не актуализировали постулат колониального периода о рассмотрении Северной Америки в качестве элемента европоцентрического мира.

* * *

В целом, на протяжении двух столетий до публикации труда Т. Лаймена – младшего, тридцать пять историков-аматоров заложили три интерпретации генезиса внешней политики Соединенных Штатов: «автохтонную», «атлантическую», «имперскую».

Авторы выражали единство мнения относительно принадлежности Северной Америки к европоцентрической системе международных отношений, для них регион и его акторы (колонии, США) были частью баланса сил «Старого света», отношение к которому колонисты и отцы-основатели североамериканского

государства формировали на основе прагматичного понимания *raison d'être*. В этом процессе ими особенно уделялось внимание британскому опыту: авторы и колониального периода, и «ранней школы» были уверены в том, что отношение в колониях / США к международным процессам, как и проведение внешней политики были результатом применения британского опыта («имперская» интерпретация). Так же историки-аматеры колониального периода выделили связанность Северной Америки с Европой, настаивая на том, что Атлантический океан был не препятствием, а связующей нитью между пространствами, по которой из «Старого света» в новый поступал европейский опыт международных отношений («атлантическая» интерпретация).

Из-за преобладания изоляционизма в общественно-политическом дискурсе США в 1770–1820-х гг., внешняя политика, как предмет анализа, не приобрела широкое распространение в исторической литературе. Как следствие этого состояния тема генезиса осталась не выделенной. Тем не менее, рассматриваемая специфика привела к появлению локальных причин для зарождения внешнеполитического курса североамериканского государства («автохтонная» интерпретации).

Вклад непрофессиональных историков колониального периода и «ранней школы» в рассмотрение темы генезиса внешней политики США оказался недооцененным по причине состояния развития американской исторической науки, которая не достигла научного уровня к 1820-ым гг.

Список использованных источников и литературы

1. Adair, J. The history of the American Indians; particularly those nations adjoining to the Mississippi (sic) East and West Florida, Georgia, South and North Carolina, and Virginia: Containing an account of their origin, language, manners, religious and civil customs, laws, form of government, punishments, conduct in war and domestic life, their habits, diet, agriculture, manufactures, diseases and method of cure ... With observations on former historians, the conduct of our colony governors, superintendents, missionaries, (etc.) Also an appendix, containing a description of the Floridas, and the Mississippi (sic) lands, with their productions – the benefits of colonizing Georgiana, and civilizing the Indians – and the way to make all the colonies more valuable to the mother country ... / James Adair. – London: E. and C. Dilly, 1775. – 464 p.
2. Adams, H. A summary history of New-England, from the first settlement at Plymouth, to the acceptance of the federal constitution: comprehending a general sketch of the American war / Hannah Adams. – Dedham: Printed for the author, by H. Mann and J.H. Adams, 1799. – 513 p.
3. Backus, I. A history of New England with particular reference to the denomination of Christians called Baptists: in 3 vols. / Isaac Backus. – Newton: Backus Historical Society, 1871. – 3 vols.
4. Beverley, R. The history of Virginia, in four parts / Robert Beverley. – Richmond: J. W. Randolph, 1855. – 284 p.
5. Botta, C. History of the war of independence of the United States of America: 2 vols. / Charles Botta. – New Haven: N. Whiting, 1837. – 2 vols.
6. Bradford, W. History of Plymouth Plantation / William Bradford. – Little, Brown and company 1856. – 476 p.
7. Bradford, W. Mourt's relation, or, Journal of the plantation at Plymouth / William Bradford, Edward Winslow. – Boston: J.K. Wiggin, 1865. – 176 p.
8. Brauer, K. The great American desert revisited: recent literature and prospects for the study of American foreign relations / Kinley Brauer // Paths to Power: The Historiography of American Foreign Relations to 1941 / ed. by Michael J. Hogan. – New York: Cambridge University Press, 2000. – P. 44–78.

9. Byrd, W. William Byrd's histories of the dividing line betwixt Virginia and North Carolina / William Byrd. – Raleigh: North Carolina Historical Commission, 1929. – 341 p.
10. Callender, J. An historical discourse, on the civil and religious affairs of the colony of Rhode-Island / John Callender. – Boston: Thomas H. Webb & Company; New-York: Bartlett & Welford; Leeds, England: John Heaton, Providence (R.I.): Printed by Knowles and Vose, 1843. – 270 p.
11. Church, T. Entertaining Passages Relating to Philip's War which Began in the Month of June, 1675. As Also of Expeditions More lately made Against the Common Enemy, and Indian Rebels, in the Eastern Parts of New-England: With Some Account of the Divine Providence Towards Benj. Church Esqr. / Thomas Church. – Boston: B. Green, 1716. – 199 p.
12. Colden, C. The history of the Five Indian nations of Canada, which are dependent on the province of New-York in America, and are the barrier between the English and French in that part of the world: with accounts of their religion, manners, customs, laws, and forms of government ... / Cadwallader Colden. – London: Printed for T. Osborne ..., 1747. – 283 p.
13. Combs J. A. American diplomatic history: two centuries of changing interpretations / Jerald A. Combs. – Berkeley: University of California Press, 1986. – 413 p.
14. Douglass, W. A summary, historical and political, of the first planting, progressive improvements, and present state of the British settlements in North-America: in 2 vols. / William Douglass. – Boston, New-England; London: R. Baldwin, re-printed for 1755. – 2 vols.
15. Gordon, W. The history of the rise, progress, and establishment, of the independence of the United States of America: in 4 vols. / William Gordon. – New York: Printed by Hodge, Allen, and Campbell, and sold at their respective book-stores, 1789. – 4 vols.
16. Hill P. P. The Early National Period, 1775–1815 / Peter P. Hill // A companion to American Foreign Relations / ed. by Robert D. Schulzinger. –Malden: Blackwell Pub., 2008. – P. 48–63.
17. Hogan, M. J. The historiography of pre-1941 American foreign relations: an introduction / Michael J. Hogan // Paths to Power: The Historiography of American Foreign Relations to 1941 / ed. by Michael J. Hogan. – New York: Cambridge University Press, 2000. – P. 1–7.
18. Holmes, A. American annals, or, A chronological history of America, from its discovery in MCCCCXCII to MDCCCVI: in 2 vols. / Abiel Holmes. – Cambridge: Printed and sold by W. Hilliard, 1805. – 2 vols.
19. Hubbard, W. A general history of New England: from the discovery to MDCLXXX / William Hubbard. – Boston, Charles C. Little and James Brown, 1848. – 768 p.
20. Hubbard, W. The history of the Indian wars in New England: from the first settlement to the termination of the war with King Philip in 1677 / William Hubbard. – Roxbury: Printed for W. E. Woodward, 1865.
21. Hutchinson, T. The History of the Colony of Massachusetts's Bay: From the First Settlement Thereof in 1628, until its Incorporation with the Colony of Plimouth Province, Province of Main etc., by the Charter of King William and Queen Mary in 1691 / Thomas Hutchinson. – Boston: Thomas and John Fleet, 1764. – 556 p.
22. Hutchinson, T. The History of the Province of Massachusetts-Bay: From the Charter of King William and Queen Mary in 1691, Until the Year 1750 / Thomas Hutchinson. – Boston: Thomas and John Fleet, 1767. – 539 p.
23. Johnson, E. Wonder-working providence of Sions Saviour in New England / Edward Johnson. – Andover: W.F. Draper, 1867. – 265 p.
24. Kraus, M. The writing of American history / Michael Kraus, Davis D. Joyce. – Norman: University of Oklahoma Press, 1990. – 445 p.
25. Marshall, J. The life of George Washington: commander in chief of the American forces, during the war which established the independence of his country, and first president of the United States: in 2 vols. / John Marshall. – Philadelphia: J. Crissy, 1836. – 2 vols.
26. Mason, J. A brief history of the Pequot War: especially of the memorable taking of their fort at Mistick in Connecticut in 1637 / John Mason. – Boston: Printed et sold by. S. Kneeland et T. Green in Queen-Street, 1736. – 46 p.

27. Mather, C. *Magnalia Christi americana: or, The ecclesiastical history of New-England, from its first planting in the year 1620. unto the year of Our Lord, 1698 In seven books ...* / Cotton Mather. – London: Printed for Thomas Parkhurst, at the Bible and three crowns in Cheapside, 1702. – 798 p.

28. Mather, I. *A brief history of the warr with the Indians in New-England: (from June 24, 1675. when the first English-man was murdered by the Indians, to August 12. 1676. when Philip aliàs Metacomet, the principal author and beginner of the warr, was slain.) Wherein the grounds, beginning, and progress of the warr, is summarily expressed.: Together with a serious exhortation to the inhabitants of that land / Increase Mather.* – Boston: Printed and sold by John Foster over against the Sign of the Dove., 1676. – 89 p.

29. Mather, I. *Relation of the Troubles Which Have Happened in New-England, by Reason of the Indians There from the Year 1614 to the Year 1675 / Increase Mather.* – Boston: Printed and sold by John Foster, 1677. – 19 p.

30. Morse, J. *Annals of the American Revolution: or, A record of the causes and events which produced, and terminated in the establishment and independence of the American Republic: to which is prefixed a summary account of the first settlement of the country, and some of the principal Indian Wars; to which is added an appendix, containing a biography of the principal military officers, who were instrumental in achieving our independence / Jedidiah Morse.* – Hartford: [n.d.], 1824. – 450 p.

31. Morton, N. *New England's memorial: Also Governor Bradford's History of Plymouth colony: portions of Prince's Chronology: Governor Bradford's Dialogue: Gov. Winslow's Visits to Massasoit: with numerous marginal notes and an appendix / Nathaniel Morton.* – Boston: Congregational Board of Publication, 1855. – 515 p.

32. Neal, D. *The history of New-England containing an impartial account of the civil and ecclesiastical affairs of the country to the year of Our Lord, 1700. To which is added the present state of New-England. With a new and accurate map of the country. And an appendix containing their present charter, their ecclesiastical discipline, and their municipal laws: in 2 vols. / Daniel Neal.* – London: Printed for J. Clark, R. Ford, and R. Cruttenden, 1720. – 2 vols.

33. Oldmixon, J. *The British empire in America: containing the history of the discovery, settlement, progress and present state of all the British colonies on the continent and islands of America: with curious maps of the several places, done from the newest surveys: in 2 vols. / John Oldmixon.* – London: Printed for John Nicholson, 1708. – 2 vols.

34. Penhallow, S. *The history of the wars of New-England with the eastern Indians, or, A narrative of their continued perfidy and cruelty, from the 10th of August, 1703, to the peace renewed 13th of July, 1713, and from the 25th of July, 1722, to their submission 15th December, 1725, which was ratified August 5th, 1726 / Samuel Penhallow.* – Cincinnati: Re-printed from the Boston edition of 1726 ... for W. Dodge, by J. Harpel ..., 1859. – 129 p.

35. Prince, P. *A chronological history of New-England in the form of annals: being a summary and exact account of the most material transactions and occurrences relating to this country in the order of time wherein they happened, from the discovery of Capt. Gosnold, in 1602, to the arrival of Governor Belcher, in 1730: with an introduction containing a brief epitome of the most considerable transactions and events abroad, from the Creation: including the connected line of time, the succession of patriarchs and sovereigns of the most famous kingdoms and empires, the gradual discoveries of America, and the progress of the Reformation to the discovery of New-England / Thomas Prince.* – Boston: Cummings, Hilliard, 1826. – 439 p.

36. Ramsay, D. *The history of the American Revolution: in 2 vols. / David Ramsay.* – Philadelphia: Printed and sold by R. Aitken & Son., M. DCC. LXXXIX. (1789). – 2 vols.

37. Smith, J. *A description of New England, or, Observations and discoveries in the north of America in the year of Our Lord 1614: with the success of six ships that went the next year 1615 ...: with a fac-simile of the original map / John Smith.* – Boston: W. Veazie, 1865. – 89 p.

38. Smith, J. *A true relation of such occurrences and accidents of noate as hath hapned in Virginia since the first planting of that Collony: which is now resident in the south part thereof, till the last returne from thence / John Smith.* – London: Printed for Iohn Tappe, and are to bee solde at the Greyhound in Paules-Church-yard, by W.W., 1608. – 44 p.

39. Smith, J. The generall historie of Virginia, New England & the Summer Isles; together with The true travels, adventures and observations, and A sea grammar: in 2 vols. / John Smith. – Glasgow: J. MacLehose, 1907. – 2 vols.
40. Smith, S. History of the province of Pennsylvania / Samuel Smith. – Philadelphia: Printed by J. B. Lippincott Company, 1913. – 231 p.
41. Smith, S. The colonial history of New Jersey / Samuel Smith. – Trenton: W. S. Sharp, 1890. – 613 p.
42. Smith, W. The history of the province of New-York from the first discovery to the year M. DCC. XXXII. To which is annexed, a description of the country, with a short account of the inhabitants, their trade, religious and political state, and the constitution of the courts of justice in that colony ... / William Smith. – London: Printed for T. Wilcox, 1757. – 255 p.
43. Stith, W. The history of the first discovery and settlement of Virginia / William Stith. – New York: Reprinted for Joseph Sabin, 1865. – 386 p.
44. Trumbull, B. A general history of the United States of America from the discovery in 1492, to 1792, or, Sketches of the divine agency, in their settlement, growth, and protection; and especially in the late memorable Revolution ... exhibiting a general view of the principal events, from the discovery of North America, to the year 1765 ...: in 3 vols. / Benjamin Trumbull. – Boston: Farrand, Mallory, and Co., 1810. – 3 vols.
45. Warren, M. O. History of the rise, progress and termination of the American revolution: interspersed with biographical, political and moral observations ...: in 2 vols. / Mercy Otis Warren. – Boston: Printed by Manning and Loring, for E. Larkin, No. 47, Cornhill ..., 1805. – 2 vols.
46. Weeks, W. E. New directions in the study of early American foreign relations / William Earl Weeks // Paths to Power: The Historiography of American Foreign Relations to 1941 / ed. by Michael J. Hogan. – New York: Cambridge University Press, 2000. – P. 8–43.
47. Winslow, E. Good newes from New-England: or, A true relation of things very remarkable at the plantation of Plimoth in New-England ... Together with a relation of such religious and civill lawes and customes, as are in practise amongst the Indians ... / Edward Winslow. – London: Printed by I. D (awson and Eliot's Court Press) for William Bladen and John Bellamie, and are to be sold at their shops, at the Bible in Pauls-Church-yard, and at the three Golden Lyons in Corn-hill, neere the Royall Exchange, 1624. – 67 p.
48. Winthrop, J. Winthrop's journal «history of New England»: in 2 vols. / John Winthrop. – New York: Scribner, 1908. – 2 vols.
49. Wood, W. Wood's New-England's prospect / William Wood. – Boston: Printed for the Society, by John Wilson and Son, 1865. – 131 p.

Dorofeev D. V. The genesis of the US foreign policy: the origin of the historiography of the topic, 1610–1820s

The research is devoted to the study of the origin of the historiography of the topic of the genesis of the US foreign policy. The key thesis of the work challenges the established position in the scientific literature about the fundamental role of the work of T. Lyman, Jr. «The diplomacy of the United States: being an account of the foreign relations of the country, from the first treaty with France, in 1778, to the Treaty of Ghent in 1814, with Great Britain», published in 1826. The article puts forward an alternative hypothesis: the emergence of the historiography of the genesis of the foreign policy of the United States occurred before the beginning of the second quarter of the XIX century – during the colonial period and the first fifty years of the North American state. A study of the works of thirty-five authors who worked during the 1610s and 1820s showed that amateur historians expressed a common opinion about North America's belonging to the Eurocentric system of international relations; they were sure that both the colonists and the founding fathers perceived international processes on the basis of *raison d'être*. The conceptualization of the intellectual heritage of non-professional historians allowed us to distinguish three interpretations of the origin of the

United States foreign policy: «Autochthonous» – focused on purely North American reasons; «Atlantic» – postulated the borrowing of European practice of international relations by means of the system of relations that developed in the Atlantic in the XVII–XVIII centuries; «Imperial» – stated the adaptation of the British experience. The obtained data refute the provisions of scientific thought of the XX–XXI centuries and create new guidelines for further study of the topic.

Keywords: the genesis of the US foreign policy; historiography; colonial period; «early school»; «Autochthonous», «Atlantic», «Imperial» interpretations.

УДК: 378(47)КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-94-111

**«СТАНЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ – СИМФЕРОПОЛЬ»:
ПЕРВЫЙ ПОСЛЕВОЕННЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД
В КРЫМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
ИНСТИТУТЕ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ**

Ломакин Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: LomakinDA@mail.ru*

На основе обширного архивного материала из фонда Народного комиссариата просвещения РСФСР (ф. А-2306 «Народный комиссариат просвещения РСФСР: 1917–1945, Министерство просвещения РСФСР: 1946–1988») Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), который впервые вводится в научный оборот, восстановлена история Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе после его возвращения в Симферополь в 1944 году. Широко использованы различные группы документов: переписка директора института В. М. Боровского с многочисленными органами власти по вопросам функционирования вуза; директивы, постановления государственных учреждений, отразившиеся на деятельности пединститута; отчетно-плановая документация вуза; материалы проверок контролирующими органами учебного заведения на предмет его готовности к проведению учебных занятий в рассматриваемый период. Детально рассмотрен начальный этап восстановления деятельности вуза после его эвакуации в Симферополь, восстановлены проводимые мероприятия по подготовке к началу первого учебного года в Крыму. Проанализирован нереализованный проект восстановления университета на полуострове на базе КГПИ им. М. В. Фрунзе.

Ключевые слова: Симферополь, Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе, послевоенное восстановление, история изучения.

Весной 1944 г. Крымская наступательная операция Красной Армии, целью которой являлось освобождение Крымского полуострова, близилась к успешному завершению, что сделало возможным возвращение симферопольских высших учебных заведений из вынужденной эвакуации [3, с. 114–132; 7]. Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе вскоре после начала Великой Отечественной войны был эвакуирован в Махачкалу, где был временно объединен с местным педагогическим институтом. Осенью 1942 г., с приближением фронта к Северному Кавказу, было принято решение об эвакуации объединенного вуза в районный центр Дагестана – село Касумкент, расположенное в труднодоступной горной местности близ границы с Азербайджаном, в 185 км от Махачкалы [5, с. 70–71; 6]. Несмотря на отсутствие элементарных бытовых условий, учебный процесс не был прерван. Занятия проводились в здании местной школы после окончания школьных уроков. Детальную информацию о

функционировании объединенного высшего учебного заведения в с. Касумкент выявить не удалось, документальные свидетельства в рассматриваемых фондах архивохранилищ за данный период отсутствуют. Детально восстановлена деятельность пединститута начиная с весны 1944 г.

28 апреля 1944 г. в НКП РСФСР поступил запрос председателя СНК Крымской АССР И. С. Сейфуллаева: «Прошу Ваших указаний о реэвакуации Крымпединститута, находящегося в Махачкале» [11, л. 4]. 19 мая 1944 г. заместителем наркома просвещения РСФСР С. П. Котляровым в махачкалинский пединститут отправлена телеграмма с распоряжением о назначении В. М. Боровского «уполномоченным Наркомпроса по восстановлению крымского пединститута» [3, с. 134; 11, л. 1]. Последнему предписывалось срочно прибыть в Симферополь и совместно с наркомом просвещения Крымской АССР Г. Б. Гавриленко разработать план мероприятий по восстановлению вуза [11, л. 1]. Во избежание недоразумений С. П. Котляров о назначении В. М. Боровского уведомил Крымский СНК [11, л. 2, 3].

Через неделю, 26 мая в Махачкалу был отправлен повторный запрос с настоятельным требованием «немедленно командировать Боровского в Симферополь» [11, л. 5]. С отъездом последнего в Крым возник ряд трудностей. Профессор вынужден был телеграфировать в Москву: «Несмотря на повторные телеграфные вызовы меня в Крым <...> для организации восстановления крымпединститута в Симферополе меня не отпускают – не закончил выполнение программы моим курсом в дагпединституте. Прошу надлежащих распоряжений» [11, л. 6–7].

После отъезда В. М. Боровского в Крым ответственным за реэвакуацию вуза был назначен доцент Н. А. Лебедев, которому 21 июня был оставлен ряд поручений: «Забота о находящемся в Махачкале коллективе работников КПИ и об эвакуированном имуществе. По получении вызова, как персонал, так и имущество должны быть перевезены в Симферополь» [11, л. 11]. Распоряжением заместителя наркома просвещения РСФСР Г. И. Иваненко от 7 июля 1944 г. Н. А. Лебедев официально назначался уполномоченным по реэвакуации вуза [11, л. 10].

До прибытия В. М. Боровского в Крым сотрудниками Крымского Наркомпроса было произведено обследование корпусов вуза на предмет возможности возобновления занятий. 10 мая Г. Б. Гавриленко сообщил в Москву: «Главный корпус и ряд других помещений сохранились, требуется небольшой ремонт, имеется полная возможность начала работы в пединституте» [11, л. 8]. Несмотря на оптимистические донесения в центр, положение на месте требовало решительных действий. Значительные трудности были связаны с нехваткой учебных помещений. Большинство корпусов университета после его эвакуации были заняты различными городскими структурами и военными учреждениями. 18 июня заместитель наркома просвещения РСФСР П. В. Золотухин телеграфировал в Крымсовнарком: «Подготовка к новому учебному году в Крымском пединституте срывается из-за отсутствия помещений. Наркомпрос РСФСР просит принять меры к скорейшему освобождению учебных и жилых зданий института» [11, л. 12]. Данная просьба

осталась без должного внимания. Об этом свидетельствует телеграмма В. М. Боровского в Москву от 5 июля: «Все здания крымского пединститута застал захваченными госпиталями или воинскими частями.хлопоты без результата. Распоряжения об освобождении игнорируются. Настоятельно прошу внушения от вышестоящих инстанций» [11, л. 13].

12 июля в Управление высшей школы НКП РСФСР В. М. Боровским были предоставлены сведения, необходимые для возобновления работы вуза: расчет учебных часов, штатный список профессорско-преподавательского состава, административно-хозяйственного аппарата и др. [11, л. 47]. 5 августа Н. А. Лебедев сообщил в НКП РСФСР и В. М. Боровскому в Симферополь о том, что «оборудование крымского пединститута готово к отправке» [11, л. 17]. Оставалось лишь получить списки сотрудников и студентов вуза, подлежащих эвакуации. 9 августа последовало распоряжение № 3604 о предоставлении «четырех крытых товарных вагонов, станция назначения – Симферополь» [11, л. 18].

23 августа заместитель начальника УВШ НКП РСФСР С. Г. Литвинцев просил В. М. Боровского предоставить информацию о запланированных к возобновлению кафедрах, кандидатах на их замещение. Также сообщалось, что «предполагаемые обслуживающие учреждения института (библиотека, подсобное хозяйство, биологическая станция, производственные мастерские, гараж, баня, склад, амбулатория, дезинфекционная камера) целесообразны и против организации их возражений со стороны УВШ НКП не встречается» [11, л. 25]. Согласно документу на ремонт и оборудование Крымскому пединституту переведено 85 тысяч рублей. Дополнительные средства предполагалось выделить после получения технической сметы [11, л. 25]. К началу сентября из отдела педвузов Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в Симферополь отправлено для утверждения штатное расписание Крымского педагогического института на 22-х листах [11, л. 29].

До прибытия вуза в Симферополь предпринимались попытки организовать снабжение его сотрудников и студентов продуктами и товарами первой необходимости. 15 августа В. М. Боровский телеграфировал в Москву: «Просьба устроить через Наркомторг включение на плановое снабжение 350 студентов с первого сентября до конца года, также 200 человек преподавателей и технических работников» [11, л. 27]. В ответ на обращение сообщалось, что «снабжение вузов, не имеющих ОРСов, производится на общих основаниях через местные органы Наркомторга за счет их продтоварных фондов» [11, л. 26].

К началу нового учебного года остро стоял вопрос с обеспечением студентов общежитиями. В. М. Боровский вынужден был обратиться к председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанову: «Убедительно прошу помощи. Распоряжения об освобождении общежитий студентов не выполняются. Здания общежития заняты воинской частью. Студенты съезжаются, положение безвыходное. Необходимы решительные срочные предписания» [11, л. 36]. 28 сентября начальник отдела педвузов ВКВШ при СНК СССР П. И. Попов в своем обращении к начальнику УВШ НКП РСФСР

М. Н. Орлову требовал «принять срочные меры по обеспечению студентов Крымского педагогического института общежитиями» [11, л. 35]. К концу 1944 г. Крымскому педагогическому институту им. М. В. Фрунзе не удалось получить в свое распоряжение все здания и учебные корпуса, принадлежавшие ему до начала Великой Отечественной войны. Подтверждением этому является обращение В. М. Боровского от 28 ноября 1944 г. к М. Н. Орлову: «Крымпединституту необходимо получить вновь ранее принадлежавшее ему здание по улице Студенческой 13/11. На втором этаже здания, где ранее помещался студенческий клуб, имеется единственная большая аудитория, которой может располагать институт. Это единственное помещение, где можно собрать всех студентов, где можно устраивать для них какие-либо развлечения. На нижнем этаже здания необходимо оборудовать студенческую столовую, для которой другого помещения абсолютно не имеется. Сейчас наши студенты питаются в одной из столовых города, что связано с большими неудобствами и вызывает со стороны студентов справедливые нарекания. Здание, повторяем, нам совершенно необходимо. Однако, несмотря на постановление СНК СССР, оно до сих пор не освобождено, его занимает отделение одного из городских госпиталей. Настоятельно просим Вас принять возможные меры для содействия Крымпединституту в деле возвращения означенного здания» [11, л. 53, 54].

Несмотря на ряд нерешенных первостепенных задач, неготовность института к возобновлению занятий, первый послевоенный учебный год был начат 2 октября 1944 г. В. М. Боровский рапортовал в Москву: «Зачислено на первые курсы 297 студентов, явилось 203. На старшие курсы зачислено 220, явилось 130, продолжают приезжать. Учебный корпус в нашем распоряжении, общежитие обещано освободить к первому ноября. Топливо заготавливаем» [11, л. 37]. Перед началом занятий была организована проверка крымских вузов на предмет их готовности к полноценному возобновлению работы. О результатах председатель СНК Крымской АССР А. Ф. Кабанов докладывал заместителю председателя СНК РСФСР Г. В. Перову 4 октября (исх. № К-30/6); «Проверка показала, что, несмотря на трудности работы этих институтов [медицинский, педагогический, учительский – авт.], связанные с недавней оккупацией Крыма, все же институтами проведена большая работа, давшая возможность 1 октября начать учебный год. План набора студентов <...> выполнен. <...> Помещениями для учебных занятий институты обеспечены, ремонт их произведен частично Трестом гражданского строительства, а главным образом черкассовскими бригадами. <...> Заготовка дров институтами ведется своими силами на выделенных им делянках леса. В связи с чрезвычайно большим напряжением с транспортом и отсутствием лимитов на горючее к завозу топлива институты не приступили. Отсутствует мебель (учебные столы, стулья, шкафы и т. д.), изготовить мебель для институтов мы не можем в связи с отсутствием лесоматериалов» [11, л. 44]. Для обеспечения нормальной работы институтов в наступившем учебном году СНК КрАССР просил оказать помощь в получении для вузов следующих материалов: «1. Для изготовления столов, стульев, шкафов и др. инвентаря – лесоматериалов 2 вагона; 2. Стекла для остекления окон в

учебных корпусах и общежитиях – 100 ящиков; 3. Выделить в 4 квартале 1944 г. институтам для вывозки дров 4 тонны горючего» [11, л. 45].

Срочного решения требовал вопрос об организации подсобного хозяйства педагогического института, жизненно необходимого для стабильного обеспечения продовольствием сотрудников и студентов вуза. 10 октября П. В. Золотухин просил Крымский СНК «ускорить закрепление за институтом выделенного ему подсобного хозяйства» [11, л. 33].

После возвращения вуза в послевоенный полуразрушенный Крым вопрос о снабжении вуза стоял как никогда остро. Ощущалась нехватка буквально всего: от учебных пособий и мебели до гигиенического мыла и постельных принадлежностей. Задачи приходилось решать в экстренном порядке, «на ходу», по мере возможностей региона и страны в целом. В ответ на запрос № К-30/6 сообщалось, что «Народный комиссариат просвещения РСФСР не имеет возможности в ближайшее время укреплять материальную базу крымпединститута, как того требует положение вуза. Потребность Крымского педагогического института в оборудовании и материалах НКП РСФСР учтено и будет удовлетворяться по мере возможности» [11, л. 43]. 17 октября из УВШ НКП РСФСР «дано телеграфное указание Наркомпросу Крымской АССР об отпуске Крымскому пединституту 500 м стекла из отпущенных ему фондов на IV квартал. Наряд на бензин главснабпромом будет дан в первой декаде ноября» [11, л. 38].

Для оперативного решения различных вопросов вузу требовалось как можно скорее получить в собственное распоряжение любые доступные к тому моменту транспортные средства. В октябре в УВШ Наркомпроса РСФСР поступил запрос от В. М. Боровского с просьбой «ходатайства перед соответствующими инстанциями о выделении пединституту одной полутонной машины советского производства» [11, л. 42]. В документе уточнялось, что «запросы к транспорту стали много больше, чем до войны, так как институту приходится возить из районов мебель, сено, солому, дрова и продукты. Между тем СНК Крымской АССР выделил для института две трофейных трехтонных машины, настолько истрепанные, что они все время находятся в ремонте. Даже если бы они работали – все же требовалась бы машина меньшего тоннажа во избежание излишнего расхода бензина. Ремонт трофейных машин и покупка запасных частей затрудняются и дорого стоят» [11, л. 42].

К концу 1944 г. не был решен вопрос с электрификацией корпусов вуза, о чем свидетельствует обращение В. М. Боровского в УВШ НКП РСФСР от 26 декабря (исх. № 1152): «Несмотря на неоднократные просьбы, обращенные к Горсвету и СНК Крыма, Институт до сих пор не может добиться электрического освещения. Отсутствие вечернего света срывает подготовку студентов к занятиям и зачетам, не дает возможности устраивать заседания кружков и конференций и т. д. Убедительно просим Вашего ходатайства перед СНК РСФСР о надлежащем предписании крымским органам» [13, л. 4]. Реагируя на неоднократные обращения из КГПИ им М. В. Фрунзе, заместитель народного комиссара просвещения РСФСР С. А. Новиков 2 февраля 1945 г. просил оказать содействие в решении проблемы

А. Ф. Кабанова: «Несмотря на постановление СНК Крымской АССР от 23.12.1944 г. № 20/3, обязывающее Симферопольский трест электроснабжения не позднее 15.12.1944 г. включить в электросеть учебный корпус и общежитие института и установить в педагогическом институте не менее 20 электроточек, Крымский педагогический институт до настоящего времени остается без электрического освещения. Из-за отсутствия света в институте срываются учебные занятия и подготовка к зачетной сессии. Имея в виду изложенное, НКП РСФСР просит СНК Крымской АССР обязать Симферопольский трест электроснабжения обеспечить педагогический институт освещением» [13, л. 5].

В конце декабря 1944 г. в СНК Крымской АССР был заслушан доклад В. М. Боровского «О материально-хозяйственном состоянии Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе». На его основе был сделан вывод о том, что «институт начал учебный год совершенно неподготовленным к занятиям: ремонт здания не закончен, мебель отсутствует, заготовка топлива в установленные правительством сроки сорвана. Институт до сего времени не укомплектован профессорско-преподавательским и административно-управленческим персоналом. В институте совершенно отсутствует своя продовольственная база, подсобное хозяйство не организовано, столовая для студентов не открыта» [13, л. 7]. Вся вина в сложившейся ситуации была возложена на директора вуза, т. к. «Боровский не уделяет хозяйственным делам института должного внимания, передоверяет этот важнейший участок работы разным лицам, не контролирует работу хозяйственного аппарата» [13, л. 7]. Фактически, данное заключение предопределило судьбу В. М. Боровского на должности директора института. Ему вменялось в кратчайшие сроки, не смотря на отсутствие реальных материальных возможностей вуза: «1. К 25 января 1945 г. укомплектовать административно-управленческий аппарат; 2. Немедленно организовать заготовку и вывозку дров и до 20.01.1945 г. обеспечить Институт дровами на весь отопительный сезон; 3. Организовать ремонт общежитий и подсобных помещений методами черкассовских бригад, закончив его не позднее 15 января 1945 г.; 4. Открыть не позднее 15.01.1945 г. на территории студенческого городка столовую для студентов; 5. К 10 января 1945 г. привести в порядок книжный фонд библиотеки Института; 6. Через ВКВШ и НКП РСФСР добиться немедленно укомплектования института профессорско-преподавательскими кадрами» [13, л. 7]. Тресту «Гражданстрой» до 10 января предписывалось закончить ремонт учебного корпуса института по ул. Ленина, 15 (ремонт кровли, остекление) и произвести ремонт системы центрального отопления в учебном корпусе по ул. Ленина, 17. Ряд задач были поставлены перед Госпланом Крымской АССР: «1. Выделить институту дополнительно 500 кубометров дров заготовки прошлых лет; 2. Выделить из первого поступления 20 кг бумаги; 3. Отпустить пединституту 25 кубометров строительного леса для изготовления мебели <...>; 4. Выделить институту для вывозки дров 500 кг бензина» [13, л. 7]. Крымскому автоуправлению предписывалось выделить на 15 дней один автомобиль для работы в пединституте. Наркомторгу вменялось немедленно обеспечить студенческую прачечную

института мылом, Крымзаготживконторе – продать пединституту в январе 1945 г. три рабочих лошади [13, л. 7].

Исходя их текста докладной записки В. М. Боровского «О состоянии института на 1 февраля 1945 г.» есть основания говорить о первых успехах и неудачах в восстановлении вуза после его возвращения в Симферополь, поэтому считаем целесообразным привести объемные выдержки из документа: **«Помещения института.** Из пяти зданий, ранее принадлежавших институту, возвращены только три. Настоятельно необходимо вернуть институту в ближайшее время здание бывшего клуба (Студенческая, 11). В этом здании институт имел единственную аудиторию, в которой можно объединить всех студентов для сводных лекций и собраний. В нижнем этаже необходимо открыть столовую для студентов, для этой цели он специально приспособлен. Здание нового общежития (Студенческая, 10) надо освободить для института не позже апреля, чтобы успеть отремонтировать его к новому учебному году. Учебный корпус нуждается в капитальном ремонте и частичной пристройке, чтобы восполнить три полностью разрушенных здания. Имеющаяся площадь недостаточна. <...>.

Ремонт помещений. В здании администрации и библиотеки требуется закончить остекление, провести побелку, ремонт крыши полов. <...> В учебном корпусе кроме вышеупомянутого капитального ремонта, требуются в других частях здания штукатурочные и побелочные работы, остекление, исправление центрального отопления, установка водопровода и электросети. В старом общежитии оборудовать прачечную и душевую, умывальные и кипятильник. Ремонт окон и дверей, побелка, оборудование гаража и ремонт конюшен <...>.

Оборудование хозяйственное и учебное. Самый острый недостаток в мебели. Нужны столы, стулья и табуретки, шкафы и полки для книг, приборов и реактивов. Нужен хозяйственный инвентарь. Ввиду того, что все оставшееся в Симферополе учебное оборудование, т. е. 9/10 того, чем владел институт, разрушено фашистскими вандалами, институт крайне нуждается в физических, химических и биологических приборах, посуде, реактивах, коллекциях и моделях и т. п.

Книжный фонд. Фашистами уничтожена вся социально-экономическая и военная литература, художественная литература советского периода и многие другие книги из библиотеки института.

Транспорт. Большинство пробелов института имеет основной причиной отсутствие транспорта. Две переданные институту трофейные автомашины оказались настолько разбитыми, что принесли очень мало пользы. <...> Между тем, потребность в транспорте очень велика, особенно еще в связи с тем, что подсобное хозяйство, отведенное институту, находится в 51 километре от города. Две старые лошади, которыми располагает институт, никак не могут обеспечить даже внутригородских перевозок.

Нефтепродукты и спирт. Выделяемые НКП ежемесячные наряды на 100 литров бензина здесь не отовариваются. Кроме того, количество явно недостаточно. Далее институт вовсе не получает керосина, что, при отсутствии электроосвещения, делает невозможными вечерние занятия, а так как купить керосина в городе

невозможно, то не имеют освещения ни научные работники, ни студенческое общежитие. Наряд на спирт не был отоварен до 1-го января и теперь зачеркнут.

Подсобное хозяйство. Лишь недавно состоялось решение о выделении институту подсобного хозяйства. Для того, чтобы начать весенние работы, необходимо на участке возвести самые примитивные постройки, получить мертвый и живой инвентарь, семена, две автомашины, регулярное снабжение горючими и смазочными материалами.

Бытовые условия. Плохо поставлено снабжение всех работников института. Институт не имеет своего ОРС. Магазины, к которым прикреплены работники института недоотovarивают по установленным нормам или снабжают недоброкачественными продуктами. Это относится даже к научным работникам первой категории. Служащие института при крайне низких ставках, не обеспечивающих прожиточного минимума, вовсе не имеют продуктовых карточек. Это не дает возможности институту создать работоспособный аппарат. <...> Студенты получают обед в одной из столовых города. Питание неудовлетворительно и сопряжено с большой потерей времени. Открыть столовую при институте не удалось, т. к. нет надлежащего помещения и оборудования, а главное, нет топлива. Институт очень нуждается в квартирах для размещения своих педагогов. Ряд профессоров и доцентов размещен в учебном корпусе в комнатах, совершенно не приспособленных для жилья. Несмотря на неоднократные настойчивые просьбы и не состоявшееся постановление ОК ВКП(б) горисполком Симферополя до сих пор не предоставил институту ни одной квартиры. Даже резвакуированным профессорам не возвращают квартир, ранее ими занимавшихся» [13, л. 25–26].

В 1944/45 учебном году обучение велось на шести факультетах: историческом (всего 71 чел.), языка и литературы (106 чел.), физико-математическом (74 чел.), естествознания (50 чел.), географическом (35 чел.), иностранных языков (66 чел.). В вузе обучалось 402 студента, из них: 1-й курс – 229, 2-й – 66, 3-й – 94, 4-й – 13. Основу профессорско-преподавательского состава составили возвращенные из эвакуации кадры (профессора В. М. Боровский, Е. Ф. Скворцов, П. Т. Данильченко, Е. В. Петухов, доценты А. И. Германович, Ф. С. Загородских, Н. А. Лебедев и др.). Всего 41 чел., т. е. 61,2% от общего количества [14, л. 1 об.]. В институте трудилось 8 профессоров, из них 7 докторов наук, 20 доцентов, из них 8 кандидатов наук, 16 ассистентов и 8 лаборантов [14, л. 105]. К моменту начала учебного года ряд основных кафедр (марксизма-ленинизма, военного дела и физической подготовки, педагогики, языка и литературы, ботаники, экономической географии и др.) не был полностью укомплектован. Вопрос удалось закрыть только к концу первого семестра [8, с. 154–155].

При вузе имелась научная библиотека, химические лаборатории, кабинеты при всех кафедрах [13, л. 103]. В 1945/46 учебном году планировалось организовать ботанический сад, биологическую станцию, физкультурный зал, тир и астрономическую башню. К обслуживающим учреждениям вуза были отнесены:

студенческое общежитие, амбулатория, хлебный «ларек», подсобное хозяйство, производственные мастерские (столярная, слесарная) [13, л. 103].

Успеваемость за первое полугодие составила 94 %. Академическая задолженность на всех факультетах была ликвидирована к концу года. Отмечалось, что члены экзаменационной комиссии 1944 г., «по указанию дирекции, подошли к оценке знаний поступающих в институт без всякого снижения программных требований и либерализма. В результате студенты первого курса оказались достаточно подготовленными к вузовской учебе» [14, л. 2]. Успеваемость студентов первого курса за год составила по всем факультетам 80 %. Количество отличников за 1-й семестр достигло 66 % от общего числа студентов, за 2-й семестр – 45 %. 87,4 % общего числа студентов первого курса переведено на следующий курс [14, л. 2]. Высокий показатель отчислений из института (15 %) объяснялся «чрезмерной текучестью населения Крыма, а также в связи с материальной необеспеченностью, заставляющей часть молодежи бросать начатое образование и переходить на работу» [14, л. 2 об.]. План выпуска по институту был выполнен на 90 %. Все окончившие институт трудоустроены согласно указанию НКП РСФСР в пределах Крыма [14, л. 2 об.].

Несмотря на стремление руководства вуза организовать его бесперебойную работу, в первый послевоенный год этого достичь было невозможно по ряду объективных причин. Учебные корпуса еще не были должным образом приспособлены, что особо сказалось с наступлением холодов: «В зимние месяцы, в особенно холодные дни, когда учебно-вспомогательный персонал не мог выполнять работу в абсолютно неотапливаемых помещениях, приходилось сокращать рабочий день. Пропуски студентами занятий по уважительным причинам – болезнь, отсутствие теплой одежды и обуви, невозможность вернуться в срок из поездки за продуктами из-за отсутствия транспорта и т. д. Эти показатели достигали в зимние месяцы довольно высокой цифры. Дирекция не решилась отказывать студентам в просьбах о разрешении съездить домой за продуктами, т. к. в течение всего года студенты пользовались одноразовым питанием» [14, л. 5].

Директор института сетовал на катастрофическую нехватку учебных пособий: «Приходилось пользоваться случайно сохранившимися экземплярами программ и учебников. <...> Имеющиеся единичные экземпляры учебников и учебных пособий использовались студентами нарасхват в течение всего учебного периода» [14, л. 3]. Согласно акту Комиссии по определению убытков, причиненных немецкими захватчиками, потери библиотечного фонда в денежном эквиваленте составили 800 тысяч рублей. К 1945 г. библиотека располагала книжным фондом в размере порядка 120 тысяч томов. Книжный фонд требовал срочного обновления и пополнения изданиями по различным специальностям. Читальный зал при библиотеке начал бесперебойно функционировать со второго полугодия (сказалось отсутствие отопления и электричества), доведя рабочий день до 13 часов в сутки [14, л. 6].

В рамках контроля соблюдения идеологической политики государства организация и качество преподавания марксизма-ленинизма, исторических и ряда

естественных дисциплин были подвергнуты тщательному изучению специальной комиссии, в состав которой входили работники КрымОбкома ВКБ(б). Выводы работы группы были заслушаны и обсуждены на специальном заседании при отделе культуры и пропаганды Крымобкома ВКП(б). Особых нареканий не последовало [14, л. 4].

Первым послевоенным значимым научным общеузовским мероприятием стала методическая конференция, организованная учебной частью и кафедрой педагогики в начале второго семестра, о сущности формализма в обучении и воспитании и борьбе с ним. Конференция была приурочена ко времени педагогической практики студентов [14, л. 4]. В мае 1945 г. проведена теоретическая конференция «Морально-политическое и экономическое превосходство СССР в войне с фашистской Германией» [14, л. 7].

Благодаря энтузиазму и подвижничеству отдельных профессоров и преподавателей были организованы различные научные студенческие кружки и общества: «регулярно работал студенческий кружок при кафедре языка. Довольно усердно работал небольшой психологический кружок, собираясь на квартире профессора Войтониса. Во втором полугодии начал работу исторический кружок и провел научно-теоретическую конференцию на тему «Выдающиеся русские флотоводцы XVIII – XIX вв.». Хорошо работали спортивные и физкультурные кружки. Выступлениям кружковцев и обязанностей, главным образом, Институт своими успехами в вузовских и городских состязаниях» [14, л. 4 об.]. Действовали спортивные секции: волейбольная, баскетбольная, легкоатлетическая, что обеспечило первые места команде института на городских соревнованиях. Институт успешно участвовал в комсомольско-профсоюзном кроссе [4, с. 111; 14, л. 8].

В первый послевоенный год удалось организовать педагогическую практику для студентов третьего и четвертого курсов. В качестве баз было использовано шесть школ Симферополя по предварительной договоренности с ГорОНО [14, л. 11]. Практика была признана методистами-руководителями «прошедшей удовлетворительно. <...> К числу крупных недостатков пробных уроков отнесены орфографические ошибки студентов, неправильное построение предложений в устной и письменной речи, однообразие видов и методов учебных занятий» [14, л. 12].

До эвакуации при семи кафедрах института работала аспирантура (обучалось 25 чел.). В начале 1944/1945 учебного года было подано прошение о ее восстановлении [9, с. 285]. К концу учебного года было разрешено восстановить обучение в аспирантуре для пяти человек. С начала 1945/1946 учебного года аспиранты, прервавшие свою работу из-за войны, смогли закончить подготовку по избранным специальностям [14, л. 12 об.].

Отмечалось, что «в связи с новым приемом институт будет испытывать большое затруднение в помещениях для учебных занятий и для общежитий, т. к. два корпуса, принадлежащих институту, до сих пор заняты госпиталем» [13, л. 105]. Таким образом, из шести учебных корпусов и трех зданий общежитий, которыми располагал университет до эвакуации, к 1945 г. в ведении вуза находились два

учебных корпуса (ул. Ленина, 15, 17) и одно здание общежития. Учебный корпус (Студенческая, 11) и здание общежития (Студенческая, 10) оставались занятыми госпиталем № 5411 Наркомздрава несмотря на распоряжение об освобождении помещений СНК СССР от 12 июня 1944 г. № 12656-р. [13, л. 107].

В «Справке о состоянии Крымского педагогического института на 25 мая 1945 г.» указывалось, что «в виду позднего ассигнования средств на капитальное строительство НКП РСФСР, институт не был включен в государственный план восстановительных работ и оказался в весьма тяжелом положении. <...> По договоренности с Приморской Армией вуз получил помощь строительными рабочими, транспортом» [13, л. 106]. В распоряжение института было выделено два автомобиля. Сообщалось, что для оборудования учебных помещений и общежития требовалось 800 стульев, 200 столов, 50 шкафов. Для «нормальной учебной и научно-исследовательской работы института необходимо на приобретение учебного оборудования <...> дополнительное ассигнование в сумме 350 тыс. руб.» [13, л. 107].

Приказом по Наркомпросу РСФСР № 958 от 13 марта 1945 г. профессор В. М. Боровский был освобожден от исполнения обязанностей директора Крымского педагогического института. Ему предписывалось сдать дела института и к 1 апреля предоставить акт сдачи в Наркомпрос. Исполняющим обязанности директора вуза назначался кандидат исторических наук Я. А. Чубуков [12, л. 19]. Через три недели после своего назначения последний сообщал М. Н. Орлову: «Институт находится в крайне тяжелом положении и по сути дела проходит организационный период. <...> Убедительно прошу оказать всю возможную помощь в разрешении ряда жизненных вопросов для Института» [13, л. 34].

Учитывая сложное материальное положение вуза, уже в апреле 1945 г. была начата подготовка к новому учебному году. Среди первоочередных задач, реализация которых была намечена на следующий 1945/1946 учебный год, значились следующие: 1. Добиться освобождения всех корпусов и общежитий института. Обеспечить расширение учебных помещений с таким расчетом, чтобы получить возможность проведения занятий в одну смену; 2. Продолжить восстановительную работу силами профессорско-преподавательского состава и студентов. Оборудовать аудитории, кабинеты и лаборатории путем приобретения имеющихся в продаже учебных пособий и изготовления схем, таблиц, карт, моделей, силами студентов под руководством преподавательского персонала; 3. Обеспечить все кафедры к началу учебного года высококвалифицированными кадрами (в первую очередь – марксизма-ленинизма, языка и литературы, математики); 4. Бороться за трудовую и учебную дисциплину, «пресекая всякие проявления расхлябанности, налагая на нарушителей суровые взыскания» [14, л. 26].

Я. А. Чубуков в обращении к М. Н. Орлову от 19 апреля (исх. № 1495) сообщал: «В текущем учебном году учебные корпуса крымпединститута и общежития студентов не были обеспечены необходимой мебелью. Студенты занимались сидя на камнях, без столов. В аудиториях, кабинетах и библиотеках не было шкафов,

стеллажей и т. д. Учебный процесс в текущем 1944/45 уч. году протекал в исключительно трудных условиях. В связи с подготовкой к новому 1945/46 уч. году нам необходимо: столов 400 шт., стульев 500 шт., табуреток 400 шт., шкафов 300 шт., тумбочек 300 шт., Для изготовления этой мебели и стеллажей просим выделить наряды на 200 м стройлеса, а так же оказать помощь в размещении заказов на изготовление мебели» [13, л. 37]. В связи с планируемым размещением в общежитиях в новом учебном году до 400 студентов была оформлена заявка на постельное белье, которое практически отсутствовало или имелось в явно недостаточном количестве [13, л. 36]. Я. А. Чубуков 11 апреля сообщал народному комиссару просвещения РСФСР В. П. Потемкину, что для продолжения продуктивной работы вуза «крайне необходимо учебное оборудование для лабораторий химической, зоологической, ботанической; для кабинетов – исторического, географического, для кабинетов методики по всем специальностям. Фундаментальная библиотека нуждается в срочном пополнении книгами советского издания по разным специальностям и советской периодикой. Для восстановления имеющихся учебных помещений, изготовления мебели нужны строительные материалы. <...> Отсутствие автотранспорта в текущем учебном году не позволило произвести заготовку топлива. Что привело к массовому заболеванию студентов и профессорско-преподавательского состава, а также к плохой посещаемости учебных занятий студентами. Мы убедительно просим снабдить нас двумя автомашинами. Ибо без наличия транспорта отсутствует какая-либо возможность создать твердую материальную базу, обеспечить институт топливом и провести ремонт зданий» [13, л. 180].

В рамках подготовки к новому учебному году педагогическому институту в мае 1945 г. была выписана доверенность на получение автомобиля на Горьковском автозаводе. Кроме того, выдано 985,5 м хлопчатобумажных тканей, 400 м кв. оконного стекла, 300 кг гвоздей, 5000 м провода, госфондом литературы направлено в вуз 1200 книг. На закупку учебного оборудования выделено 300 тыс. рублей, на капитальный ремонт дополнительно к основной смете – 160 тыс. рублей [13, л. 40 об.]. В честь Победы в Великой Отечественной войне коллектив института присоединился к Всесоюзному социалистическому соревнованию и обязался половину отпуска отработать на ремонтных работах. 85 человек профессорско-преподавательского состава, студентов и сотрудников приняли участие в восстановительных работах первой очереди [14, л. 8].

К весне 1945 г. нерешенным оставался вопрос с корпусами вуза по улице Студенческой 10 и 11. В обращении П. В. Золотухина к заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину подчеркивалось, что «в новом учебном году контингент студентов возрастет до 800 человек и положение с размещением студентов еще более ухудшится. Наркомпрос РСФСР просит СНК СССР еще раз подтвердить свое распоряжение об освобождении зданий Крымского педагогического института» [13, л. 41]. Подобное прошение поступило А. Н. Косыгину и от В. П. Потемкина от 4 июля 1945 г. В документе речь шла о зданиях на ул. Чкалова, 11 и Битакской, 5, которые принадлежали вузу с 1925 г. до эвакуации института из Симферополя и

использовались в качестве жилья для профессорско-преподавательского состава. После освобождения Крыма первое из них было занято Наркомземом КрАССР. Второе было заселено работниками различных учреждений города. Сообщалось, что преподаватели пединститута после его реэвакуации были вынуждены разместиться в учебных корпусах вуза, «что ставит институт в чрезвычайно тяжелое положение в виду крайней тесноты учебных помещений» [13, л. 56]. В соответствии с изложенным Народный комиссариат просвещения просил дать указание СНК КрАССР о немедленном освобождении указанных зданий. С этой же просьбой 27 июля обращался С. А. Новиков к заместителю председателя СНК РСФСР В. П. Пронину [13, л. 92]. Следует учитывать, что к этому моменту прошло более года с момента выхода распоряжения Крымского СНК № 358 от 24 июня 1944 г. «О восстановлении Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе», второй пункт которого обязывал «освободить помещения, принадлежавшие КПИ: новое и старое общежития на студенческой площади и здание физического института на Студенческой, 11; учебные корпуса на ул. Ленина. 15, 17 и жилой дом профессоров на ул. Битакской, 5» [13, л. 94].

В июле 1945 г. В. П. Потемкиным был предоставлен к рассмотрению А. Н. Косыгину проект постановления «О мероприятиях по восстановлению и укреплению Крымского государственного педагогического и учительского института» [13, л. 175–176]. Документ обязывал Крымский облисполком: 1. Выполнить распоряжение СНК СССР № 12656-р о возвращении КГПИ учебного здания по ул. Госпитальной, 29 и студенческого общежития по ул. Студенческой, 1; 2. Произвести ремонт до 1 сентября 1945 г. учебных зданий по ул. Ленина, 15 и 17, по ул. Госпитальной, 29 и общежития по ул. Студенческой, 10; 3. Изготовить до 1 сентября 1945 г. для института в системе местной промышленности и промкооперации 1000 стульев, 500 классных столов и 200 шкафов; 4. Обязать Госплан СССР выделить КГПИ для ремонтно-восстановительных работ необходимые строительные материалы; 5. Обязать Наркомат среднего машиностроения предоставить КГПИ в 3-м квартале 1945 г. две грузовые трехтонные автомашины, одну легковую и один гусеничный трактор с прицепными сельскохозяйственными машинами; 6. Обязать Госплан СССР выделить, а Главнефтеснаб поставить КГПИ три тонны бензина; 7. Обязать Наркомлегпром СССР поставить институту в 3-м квартале 1945 г. постель для оборудования студенческих общежитий; 8. Разрешить Крымской Заготживконторе продать институту 5 лошадей и 10 коров, НКП РСФСР выдать необходимые средства на их приобретение; 9. Обязать Наркомбумпром СССР поставить институту для издания «Ученых записок» 1 тонну бумаги; 10. Обязать Наркомместпром РСФСР поставить институту оборудование для студенческой столовой; 11. Установить должностные оклады административно-хозяйственного и учебно-вспомогательного персонала КГПИ в соответствии с распоряжением СНК СССР от 5 декабря 1944 г. № 22308-р для первой группы вузов Наркомфина СССР [13, л. 175–176].

29 августа С. А. Новиков вынужден был сообщить В. П. Пронину, что «Исполнительный комитет Крымского областного совета депутатов трудящихся не

принимает мер к выполнению постановления СНК РСФСР от 9 июля № 402 о помощи Крымскому педагогическому институту в подготовке к новому учебному году. Решение его, принятое 10 августа, не обязывает местные организации оказать помощь в ремонте, в выделении строительных материалов, предоставлении квартир профессорско-преподавательскому составу» [13, л. 185]. В связи с этим НКП РСФСР просил «обязать Крымский облисполком принять меры к выполнению постановления СНК РСФСР № 402 от 9 июля и оказать Крымскому педагогическому институту реальную помощь в подготовке к новому учебному году» [13, л. 175–185].

К началу нового учебного года на момент 15 сентября 1945 г. количество студентов КГПИ составило 825 человек (до 1941 г. – 714 чел.) [13, л. 200]. В новом 1945/46 учебном году возникла необходимость кардинального пересмотра штатного расписания. Предусматривалось 97 ставок профессорско-преподавательского состава (в 1944/45 г. – 58 ставок). Необходимость изменений была продиктована рядом факторов: 1. Увеличение студентов на 160 человек; 2. Появление новых учебных групп старших курсов на факультетах и специальностях, открытых в новом году: географический, иностранных языков, исторический, естествознания, физической специальности; 3. Восстановление отделения заочного обучения (536 чел.) [13, л. 235].

Несмотря на необустроенность вуза, его тяжелейшее материально-техническое состояние, менее чем через год после возвращения в Симферополь, весной 1945 г., сотрудники вуза во главе с его директором начали борьбу за возвращение вузу прежнего университетского статуса. В мае был разработан проект «О восстановлении Крымского государственного университета им. М. В. Фрунзе» [13, л. 74–77]. Подчеркивалось, что «богатая история Крыма, огромное количество исторических памятников, развитие археологической работы в Крыму, богатые музеи, архивы, огромное богатство краеведческой литературы в Крыму представляет широкое поле для научно-исследовательской работы и требуют подготовки высококвалифицированных кадров» [13, л. 76]. Авторы документа обращали внимание на то, что вуз, как и ранее, способен обеспечить высокий уровень преподавания [13, л. 77].

Предполагалось возобновить работу университета на основе пяти факультетов: географического, биологического, химического, физико-математического, историко-филологического [13, л. 78]. К рассмотрению была предложена детальная структура каждого из них. Планировалось, что географический факультет будет состоять из трех отделений: геологического (кафедры минералогии и петрографии, геологии динамической и исторической с палеонтологией, при ней – геологический музей, гидрогеологии и инженерной геологии со специальной лабораторией), географического (кафедры общего землеведения и почвоведения, физической географии СССР и других стран мира с картоведением, экономической географии СССР и капиталистических стран), гидрографического отделений. Геологическое отделение подразумевало наличие полевой исследовательской работы и полевой

практики [13, л. 78 об.]. Базой отделения должен был стать геологический краеведческий музей.

В составе химического факультета было намечено четыре отделения: неорганической, аналитической, органической, физической химии. Исследовательской базой факультета должна была стать хорошо оборудованная химическая лаборатория. Академическую практику студентов предполагалось проводить на различных предприятиях полуострова активно развивающейся химической промышленности.

Биологический факультет университета предполагалось организовать на основе десяти кафедр: дарвинизма, низших растений, высших растений, геоботаники и фитоценологии, физиологии растений и микробиологии, зоологии, анатомии человека и гистологии, физиологии животных, энтомологии, биологической химии. Для успешной организации занятий и практики было намечено создание ряда вспомогательных учреждений при университете: ботанического сада, кабинета низших растений, кабинета морфологии и систематики высших растений, кабинета геоботаники и фитоценологии, лаборатории физиологии растений, лаборатории микробиологии, кабинета зоологии беспозвоночных, кабинета зоологии позвоночных, лаборатории физиологии животных, кабинета гистологии, лаборатории биохимии, анатомического музея, музея дарвинизма, вивария, биологической станции [13, л. 85].

Физико-математический факультет подразумевал обучение по пяти специальностям: математический анализ, высшая геометрия, физика, геофизика, астрономия. В составе историко-филологического факультета планировалось открытие историко-археологического отделения, кафедр истории народов СССР, древнего мира, средних веков, нового времени. При этом отмечалось, что «открытие кафедр истории южных славян и славяноведения также было бы весьма желательным» [13, л. 89]. Предполагалась полевая археологическая практика в течение 7-8 месяцев в год. Проект со структурой университета был представлен на рассмотрение заместителю Председателя СНК СССР В. М. Молотову.

Летом 1945 г. В. П. Потемкин посетил симферопольский пединститут «и сочувственно отнесся к вопросу о восстановлении университета на его базе» [13, л. 240]. Заместителем начальника ГУВУЗ НКП РСФСР Н. П. Суворовым в конце 1945 г. была подготовлена «Справка по вопросу об организации Крымского университета», которая, вероятно, в значительной степени предопределила судьбу главного крымского вуза. В документе отмечалась значительная нехватка лабораторного оборудования в институте: «По биологическим наукам оборудование есть, но по химии и в особенности по физике положение очень тяжелое. По химии институт получил часть трофейного оборудования, перевезенного в Крым сотрудниками Никитского ботанического сада. По физике имеющееся оборудование совершенно недостаточно даже для педагогического вуза. Поэтому до получения основного физического оборудования университет не сможет развернуть физико-математический факультет, а без физмата едва ли целесообразно организовывать факультет» [1, л. 240]. Автором документа был сделан неутешительный вывод: «Все

указанные трудности не позволяют ставить вопрос о реорганизации в ближайшее время» [13, л. 240].

Первый послевоенный учебный год Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе стал серьезным испытанием для его сотрудников и студентов. Персоналу вуза удалось в кратчайшие сроки после возвращения учебного заведения в полуразрушенный Крым наладить его работу. При этом приходилось проводить занятия в совершенно непригодных и не готовых еще для этого корпусах. Практически отсутствовала мебель, учебные пособия. Долгое время в зданиях вуза не были восстановлены электричество, канализация, отопление, что особо сказывалось в зимний период, когда полуголодные студенты и преподаватели, у многих из которых не хватало теплой одежды и обуви, вынуждены были заниматься в холодных аудиториях сидя на камнях за самодельной мебелью. Несмотря на тяжелейшие условия был полностью выполнен учебный план и план по научной работе, были определены основные векторы дальнейшего развития учебного заведения. В первый же год дирекцией вуза была поставлена амбициозная задача – возродить на полуострове университет. Возможно, ставка была сделана на то, что на фоне общегосударственного восстановления, возрождения экономики, фактически нового строительства края, борьба будет идти не за восстановление педагогического института, а вуза с более высоким и престижным статусом, каковым он являлся до 1925 года. Организаторами масштабного проекта был допущен явный просчет: ресурсов полуострова, как экономических, что сказалось в первую очередь, так и научно-кадровых, было явно недостаточно для его реализации. После очевидного провала, к данному вопросу не возвращались более двух десятилетий. Лишь после качественного прорыва в развитии вуза, существенного расширения его материальной базы и полного технического переоснащения, что позволило качеству преподавания и научно-технических разработок выйти на новый уровень, а институту войти в число лучших педагогических вузов страны, появились предпосылки для принципиального изменения статуса вуза, что и произошло в 1972 г., когда Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе был переименован в Симферопольский государственный университет.

Список использованных источников и литературы

1. В. И. Вернадский и Таврический университет: движение сквозь время: фотоальбом / авт.-сост. Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов.– Симферополь: Ариал, 2013.– 48 с.
V. I. Vernadskii i Tavricheskii universitet: dvizhenie skvoz' vremena: fotoal'bom / avt.-sost. N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov.– Simferopol': Arial, 2013.– 48 s.
2. Загородских Ф. С., Зайцев В. Л., Секиринский С. А. История Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе: 1918–1959.– Симферополь: Крымиздат, 1960.– 124 с.
Zagorodskikh F. S., Zaitsev V. L., Sekirinskii S. A. Istoriya Krymskogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze: 1918–1959.– Simferopol': Krymizdat, 1960.– 124 s.
3. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiyakh / Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo; avt.-sost. A. A. Nepomnyashchii, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.

4. История Таврического университета / под ред. Н. В. Багрова.– Киев: Лыбидь, 2003.– 243 с.
Istoriya Tavricheskogo universiteta / pod red. N. V. Bagrova.– Kiev: Lybid', 2003.– 243 s.

5. На пороге столетия. От Таврического университета – до Крымского федерального: история в документах и фотографиях / сост. Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов.– Симферополь: Ариал, 2014.– 360 с.

Na poroge stoletiya. Ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo: istoriya v dokumentakh i fotografiyakh / sost. N. V. Bagrov, E. N. Chuyan, V. V. Orekhov.– Simferopol': Arial, 2014.– 360 s.

6. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А., Бебешко Е. В. «Работали несмотря ни на что»: Крымский государственный педагогический институт имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны: по материалам фондов Государственного архива Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2018.– Т. 4(70), № 3.– С. 84–105.

Nepomnyashchii A. A., Lomakin D. A., Bebeshko E. V. «Rabotali nesmotrya ni na chto»: Krymskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M. V. Frunze v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: po materialam fondov Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2018.– Т. 4(70), № 3.– С. 84–105.

7. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения».– 2020.– Т. 25, № 2.– С. 103–127.

Nepomnyashchii A. A., Lomakin D. A. «Preodolevaya nechelovecheskie trudnosti»: Krymskii gosudarstvennyi meditsinskii institut imeni I. V. Stalina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (po dokumentam iz Gosudarstvennogo arkhiva Rossiiskoi Federatsii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: «Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya».– 2020.– Т. 25, № 2.– С. 103–127.

8. Очерки истории Симферопольского государственного университета, 1918–1993 / Ред. колл. Сидякин В. Г., Шарapa В. Ф., Гарчев П. И.– Симферополь: Таврида, 1993.– 414 с.

Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 1918–1993 / Sidiyakin V. G., Sharapa V. F.– Simferopol': Tavrida, 1993.– 414 s.

9. Таврический университет: времена и люди. 90 лет служения науки / авт.-сост. Н. В. Бержанский, В. Ф. Шарapa, Г. Ю. Богданович.– Киев: Лыбидь, 2008.– 294 с.

Tavricheskii universitet: vremena i lyudi. 90 let sluzheniya nauki / avt.-sost. N. V. Berzhanskii, V. F. Sharapa, G. Yu. Bogdanovich.– Kiev: Lybid', 2008.– 294 s.

10. Таврический университет: документы и материалы / авт.-сост. Н. В. Багров, В. Ф. Шарapa, Г. Ю. Богданович.– Киев: Либидь, 2008.– 288 с.

Tavricheskii universitet: dokumenty i materialy / avt.-sost. N. V. Bagrov, V. F. Sharapa, G. Yu. Bogdanovich.– Kiev: Libid', 2008.– 288 s.

11. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. А–2306: Народный комиссариат просвещения РСФСР: 1917–1945, Министерство просвещения РСФСР: 1946–1988, оп. 70, д. 4565: Переписка с Крымским пединститутом об организации факультета иностранных языков, подготовке к уч. г. и по др. вопросам, 19 мая – 10 ноября 1944, л. 1–78.

GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii), f. A–2306: Narodnyi komissariat prosveshcheniya RSFSR: 1917–1945, Ministerstvo prosveshcheniya RSFSR: 1946–1988, op. 70, d. 4565: Perepiska s Krymskim pedinstitutom ob organizatsii fakul'teta inostrannykh yazykov, podgotovke k uch. g. i po dr. voprosam, 19 maya – 10 noyabrya 1944, l. 1–78.

12. ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4637: Штатные расписания Красноярского, Курского педагогических, Крымского педагогического и учительского институтов на 1945/1946 учебный год, л. 1–36.

GARF, f. A-2306, op. 70, d. 4637: Shtatnye raspisaniya Krasnoyarskogo, Kurskogo pedagogicheskikh, Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo institutov na 1945/1946 uch. g., l. 1–36.

13. ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 4784: Переписка с Крымским пединститутом о восстановлении и работе института, утверждении экзаменационных комиссий, контингенте учащихся и по др. вопросам, 3 января – 31 декабря 1945, л. 1–251.

GARF, f. A-2306, op. 70, d. 4784: Perepiska s Krymskim pedinstitutom o vosstanovlenii i rabote instituta, utverzhdenii ekzamenatsionnykh komissii, kontingente uchashchikhsya i po dr. voprosam, 3 yanvarya – 31 dekabrya 1945, l. 1–251.

14. ГАРФ, ф. 8080, оп. 1, д. 1770: Отчет о работе Крымского педагогического и учительского института им. М.В. Фрунзе за 1944-45 учебный год, 1945 г., л. 1–26.

GARF, f. 8080, op. 1, d. 1770: Otchet o rabote Krymskogo pedagogicheskogo i uchitel'skogo instituta im. M.V. Frunze za 1944-45 uchebnyi god, 1945 g., l. 1–26.

Lomakin D. A. «The station of destination is Simferopol»: the first post-war academic year at the M. V. Frunze Crimean teacher training institute

On the basis of extensive archival material from the fund of People's Commissariat of Education of the RSFSR (file A-2306 «People's Commissariat of Education of the RSFSR: 1917–1945, Ministry of Education of the RSFSR: 1946–1988») of the State Archives of the Russian Federation (SARF, Moscow), the history of M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute after its return to Simferopol in 1944 has been restored. Various groups of documents have been widely used: correspondence of the director of the institute V. M. Borovsky with numerous authorities on the functioning of the university; directives, decisions of state institutions, reflected in the activities of the CSPI; reporting and planning documentation of the Institute; materials of inspections of the educational institution by the supervising bodies for its readiness to conduct training sessions during the period under review. The stage of restoration of the activity of the university after its re-evacuation to Simferopol has been examined in detail; the measures for preparing for the beginning of the first academic year in the Crimea have been examined. The unrealized project on restoration of the university on the peninsula on the basis of M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute is analyzed.

Keywords: Simferopol, M. V. Frunze Crimean State Pedagogical Institute, post-war restoration, studying history.

УДК 94(94)"1901/1945"

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-112-129

ТАК СОЗДАВАЛАСЬ ЛЕГЕНДА АНЗАК: УТРО 25 АПРЕЛЯ 1915 ГОДА

Михайлов В. В.

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Проанализированы первые боевые действия Австралийско-Новозеландского армейского корпуса. Показаны мероприятия по обеспечению внезапности десанта, отвлекающий маневр флота в бухте Сарос, высадка утром 25 апреля 1915 года трех эшелонов десанта на пляжах Анзак Коув и Норт Бич, причины быстрых успехов и последующих неудач десантников. Анализируются причины слабого взаимодействия соединений десанта, отсутствия артиллерийской поддержки, задержки в высадке третьего эшелона и прибытии подкрепления на передние участки продвижения войск. Также показаны действия турецкого офицера, отвечавшего за оборону участка высадки АНЗАК – полковника Мустафы Кемалья, проявившего решительность и не позволившего отступить защитникам Галлиполи под ударами превосходящих сил австралийских и новозеландских войск. В статье использованы архивные материалы Австралийского Военного Мемориала и английских архивов, дневниковые записи и письма австралийцев и новозеландцев, российские и зарубежные исследования, посвященные начальному этапу Галлиполийской операции.

Ключевые слова: Австралийские Имперские Силы (АИС), Австралийско-Новозеландский армейский корпус (АНЗАК), Первая мировая война, Галлиполийская операция, Мустафа Кемаль, Австралийский Военный Мемориал, День АНЗАК.

В результате «действий одним только флотом англо-французские войска потерпели первое крупное поражение в Дарданелльской операции» [1, с. 199]. Английский генерал Ян Гамильтон, командующий десантом, прибывший на восточный флот 17 марта 1915 г., сообщил 19 марта военному министру фельдмаршалу лорду Г. Китченеру, что он склоняется к заключению, что «Дарданеллы гораздо сложнее преодолеть морскими силами, чем всё это время казалось» [2, р. 164]. Адмирал де Робек, отвечавший за морскую часть десанта, в отчете дарданелльской комиссии говорил: «Все были за то, чтобы проводить совместную операцию [войсками и флотом], но нам приказали бомбардировать форты, что мы и делали» [3, р. 36-37]. Китченер незамедлительно отвечал: «Если армия необходима, чтобы очистить путь [флоту], она будет» [4, р. 12]. «Турки довольно скоро узнали о намечающейся переброске войск. Уже к 25 марта главная турецкая квартира имела сведения, что британо-французские войска предпримут совместную операцию армии и флота» [5, с. 157].

В начале 1915 года в составе Австралийско-Новозеландского армейского корпуса (АНЗАК), составлявшего половину войск галлиполийского десанта, было

немного офицеров и солдат, которые хоть что-то знали о турецких войнах, тем более, кому случалось видеть их живьем. Тем не менее, один из таких людей заслуживает упоминания. Командующий медицинской службой 1-й Австралийской дивизии, военный хирург, подполковник Чарльз Райн, родился в штате Виктория в 1853 году. В 1915 ему было 62 года. Однако у этого медика была бурная молодость: в годы русско-турецкой войны 1877–78 гг. он служил в войсках Османской империи и участвовал в знаменитой обороне Плевны. Русские войска взяли Плевну, но такой ценой, что турки заставили себя уважать даже врагов. Австралийцы звали хирурга «Чарли-турок», и у него было множество османских наград и знаков отличий, некоторые из которых он носил и на австралийском мундире. Подполковник, когда его вызвали для дачи показаний в Дарданелльскую комиссию в 1917 году, так выразил свое отношение к турецким солдатам: «У меня сложились очень высокое мнение о боевых возможностях турецких солдат, особенно в окопной войне» [6]. Накануне десанта Райн сказал другу, что армия Гамильтона ввязывается в самое опасное предприятие в истории войн [7, р. 63].

Однако в целом среди штабных офицеров британского десанта царило воодушевление, которое портили лишь неприглядные условия быта. К апрелю было известно, что турецкая Кавказская армия потерпела зимой сокрушительное поражение от русской армии и лишилась более двух третей личного состава. Попытки захватить крупными силами Суэц были отбиты довольно легко и с малыми потерями. Это расхолаживало как штабных офицеров, так и некоторых солдат Гамильтона и Бёрдвуда, заставляя предполагать, что десанту предстоит лишь веселая прогулка в Константинополь. 11 апреля капитан Х. Дж. Картер, инженер 1-го батальона АНЗАК, прошел на вдоль берега на тральщике «Минневаска», наметив начало маршрута на Константинополь. «Это будет трудно, но занимательно», – записал он себе в блокнот [8].

Однако не все были заражены оптимизмом. Капитан Джон Корбин офицер медслужбы 1-го Австралийского стационарного госпиталя, узнав о месте высадки АНЗАКа, воскликнул: «Но ведь мы будем под артиллерийским огнем весь путь от лодок до пляжа... Это чрезвычайно опасная работенка, и вовсе не то, что мы ожидали» [9]. «Я молюсь Богу, – писал сигнальщик Эллис Лючиано Силас, – что не понадобится Ему, когда мы будем под огнем» [10]. Томас Блэйми писал своей матери: «удручает то, что турки всегда любили англичан, и, если говорить в целом, они нам тоже всегда нравились... и все же мы выбьем их из Европы» [11].

Командование австралийско-новозеландского корпуса тоже не очень оптимистично смотрело на перспективы планируемой операции. Генерал Бёрдвуд с самого начала кампании говорил, что запереть десант на полуострове с узким перешейком – дело малоперспективное. Он полагал, что большего успеха можно было бы добиться, высадившись на азиатском берегу или на самом перешейке, заперев в Галлиполи находящихся там турок. «Планом же Гамильтона Бёрдвуду предписывалось высадиться с группой АНЗАК выше примерно в четырнадцати милях между Габа-Тепе и Фишемен-Хат. Наноса удар поперек полуострова через высоты Сари Баир, он должен был дойти до Мал-Тепе – горы, на которой согласно

легенде сидел Ксеркс, наблюдая за своим флотом в Геллеспонте – и далее идти на встречу с 29-й дивизией и французами в южном направлении» [12, с. 191].

Получив 21 апреля боевые задания, Бёрдвуд сразу же отметил уязвимость своей позиции. Она хорошо просматривалась и могла обстреливаться артиллерией как с северных высот Сари Баира и трех примыкающим к ним протяженных хребтов, так и с юга – с Габа Тепе. Поэтому он полагал, что для того, чтобы обезопасить свой левый фланг, требуется очистить эти пересеченные территории от турок как можно скорее. Но это, несомненно, затянуло бы наступление по главному направлению. По этой причине Генеральный штаб не считал нужным ознакомить Бёрдвуда с отчетом штабного офицера Эспиналь-Огландера, который как раз делал акцент на необходимости овладения Сари Баиром и высотами севернее этого хребта.

Некоторые штабные офицеры Бёрдвуда разделяли опасения своего командира. Бригадный генерал Канлифф-Оуэн, командующий артиллерией АНЗАК, 15 апреля уже знал, что турки имеют большое количество орудий в районах будущей высадки, а также, что ими оборудованы позиции размещения артиллерии в нескольких линиях. Он сообщил данные разведок Бёрдвуду, что еще более обеспокоило генерала артиллерийской проблемой. Бёрдвуд полагал, что только с помощью флота подавить сопротивление артиллерии турок не удастся, и что необходимо как можно скорее осуществить выгрузку артиллерии корпуса и пустить ее в дело. Пессимистически был настроен и командир 2-й пехотной бригады Джеймс МакКей, а командир 3-й бригады Синклер МакЛэган, давая приказ к началу высадки, предупреждал солдат, что возможно придется высаживаться под огнем вражеской артиллерии, но воодушевил свои войска словами, что потери не должны их останавливать, и следует, ступив «на твердую землю, биться за нее до последнего человека» [13, р. 67].

Другая проблема состояла в том, что морские и армейские штабы использовали разные карты, причем и те, и другие, были не точными. Флотское руководство и лично адмирал де Робек пытались решить эту проблему, но отсутствие общего штаба делало это невозможным. Только через неделю после высадки десанта, когда все возможные ошибки были совершены и путаница, как с местом высадки, так и с невозможностью ориентироваться на местности по упрощенным картам, испортила все, что можно было испортить, де Робек сообщал в Адмиралтейство Черчиллю: «Наши морские карты не дают должного представления о территории севернее этой позиции (АНЗАК), к тому же профиль местности указан неадекватно... полагаем, что необходимо запросить по этому вопросу Военный Совет, пока же я не имею необходимой связи со штаб-квартирой Армии, а диспозиции, которые я посылаю и принимаю, не всегда можно скоординировать» [13, р. 68].

Тем временем на Мудросе продолжались учения, еще более упорные, чем в Египте. Марши прекратились, но многочасовые тренировки высадок и окапывания по-настоящему изнуляли анзаковцев. На Лемнос подходили все новые транспорты с войсками из Египта. Их встречали криками приветствия те, кто находились здесь уже неделю или две. С берега новичкам кричали: «Вы трусите?!», в ответ на что с бортов им отвечали «Нет!». «Мы победим?!» – снова спрашивали с берега. «Да!» –

слышался клич с кораблей. При виде такого множества кораблей всем, кроме немногих скептиков, казалось, что этот флот и эта армия не могут не победить. Все будущие десантники были в восторге, когда матросы писали каракулями на бортах своих транспортов: «Турецкое сладкое мясо!», «На Константинополь и на гаремы!» [12, с. 200].

22 апреля Гамильтон встретился с представителями Греции и российским военным атташе в Афинах Макалинским. Макалинский сообщил генералу, что русские войска в полной готовности и хорошем боевом состоянии готовы к десантированию, как только Галлиполи будет взят, и Флот пройдет Проливы. «Эта задержка нервирует меня» – записал в дневнике Гамильтон. Тем не менее, капитан Коддан был назначен связным офицером между штабом экспедиции и «русскими генерала Истомина» [14, р. 121]. В тот же день главнокомандующий получил послание от Его Величества короля Британской империи: «Король желает Вам и Армии успехов, Его Величество не устает думать о вас и молиться за вас» [14, pp. 121–122]. Утром 23 апреля свое послание руководству десанта с уверенностью в том, что «мужество и мастерство приведет к триумфу союзных армий» прислал Китченер. Гамильтон льстиво отметил в дневнике: «Мы думаем о Лорде К[итченере] Хорошо бы его тень пала на германцев и наполнила страхом смерти их сердца!» [14, р. 123].

И вот час решающий настал.

24 апреля солдаты заняли свои места на кораблях, где капелланы провели впечатляющие службы, оставившие воспоминания в сердцах многих анзаковцев. Потом солдатам дали горячий ужин с вином. Как пишет официальный военный корреспондент, приписанный к десанту, Эшмед-Бартлетт, «все были необыкновенно дружелюбны, вино ходило по кругу, никто не решался сказать ни слова о том, что принесет им рассвет. Казалось, над войсками пролетел темный ангел смерти. После этого предвестия трагедии наши друзья из Доминионов смогли немного поспать» [15, р. 45].

Поздно ночью 24 апреля генерал Гамильтон не спал.

В эту ночь он записал в дневник свою молитву, последнюю перед началом десанта:

«Господь Всемогущий, Страж Млечного Пути и Пастырь Золотых Звезд, помилуй нас... Да исполнится Воля Твоя. Вперед, любой ценой – Вперед!» [14, р. 125].

Турки тоже готовились к решающим битвам. 17 апреля за 7 дней до своей смерти в районе высадки АНЗАК солдат 57-го полка 19-й дивизии Хасан Этем написал письмо родным, которое сохранила его мать:

«Аллах! Все, чего хотят наши преданные Тебе солдаты, это, чтобы англичане и французы слышали Твое имя. Прошу, прими это желание и сделай наши штыки острее, чтобы мы смогли уничтожить врага!.. Ты уже поверг в прах многих врагов, сделай это еще раз». Так я молился, после чего встал с колен. Не было никого в мире счастливее, чем я, в этот момент» [16, р. 6].

Однако прежде, чем начать описание высадки АНЗАКа на не предназначенный для этого мыс Ари Бурну (Анзак Коув), с выдающейся в море скалой, получившей название Адский выступ, не дающей возможности двигаться вдоль берега на юг, следует описать эпизод в бухте Бесика, на линии Булаира, к которому имеет прямое отношение один выдающийся представитель новозеландского народа.

Удивительно, но Галлиполийская экспедиция, столь фатально неудачная, обескураживающая поистине титаническими ошибками в планировании и проведении операции столь крупного масштаба, оказалась столь же богата на факты индивидуального героизма, мужества, свершений сверхчеловеческого масштаба. Можно привести в пример турецкого сержанта Сейита, зарядившего вручную и в одиночку 275-килограммовый снаряд берегового орудия, потопивший 18 марта 1915 г. британский дредноут [17, pp. 51–52]. История новозеландского пловца Фрейберга – из того же ряда явлений, которые заставляют вспомнить времена, когда героев считали сынами богов.

В ночь перед высадкой был произведен отвлекающий артиллерийский обстрел Булаирской линии. Обстрел производили корабли «Дартмур» и «Дорис». Далее произошло событие, надолго оставшееся в памяти очевидцев. Было решено высадить небольшую десантную группу на виду турецких позиций на Булаире и произвести впечатление массовой высадки. Однако два добровольца вызвались сделать это в одиночку, чтобы не подвергать опасности жизни своих товарищей. Первым был Артур Асквит, сын премьер-министра Англии и будущий режиссер фильма, посвященного Галлиполи. Однако жребий выпал второму добровольцу – Бернарду Фрейбергу, чья судьба не менее достойна описания, чем жизнь сына британского премьера.

Уроженец далеких южных островов, в 1906 и 1910 году Фрейберг был чемпионом Новой Зеландии по плаванию. Во время Мексиканской революции он служил наемником у вождя крестьянского восстания и защитника бедных Панчо Вильи, прототипа знаменитого киногероя Зорро. В Мексике Фрейберг узнал о начале Мировой войны. Он дезертировал из армии Вильи и, пройдя триста миль по выжженной пустыне, добрался на судне до Лондона. Здесь он поступил добровольцем в армию и был отправлен в Египет. В экспедиционном корпусе Фрейберг вошел в состав Морской дивизии генерала Пэриса, где встретился и подружился с другой легендой Галлиполи – поэтом Рупертом Бруком, чью смерть 23 апреля он тяжело переживал, вместе со всей Англией.

Хотя для целей демонстрации был подготовлен специальный плот, Фрейберг решил добраться до берега вплавь, чтобы свести риск быть обнаруженным к минимуму. Его обмазали темным жиром, в целях предохранения от переохлаждения и маскировки, он взял связку зажигательных снарядов, сигнальные лампы, нож и револьвер. Эсминец стоял на якоре в пяти километрах от берега, а катер с командой приблизился к берегу на две мили, когда Фрейберг начал свой небывалый заплыв. Через час с небольшим на корабле увидели первую вспышку огня. Это Фрейберг, выйдя на берег, обнаружил за пляжем турецкую траншею с пикетом, в которой

турки курили и переговаривались. Он отполз к берегу и зажег первую ракету, которая должна была обозначать начало обстрела [18, р. 66].

Обнаружив, что турки находятся в состоянии шока и беспорядочно стреляют, не вылезая из окопов, Фрейберг «проплыл еще триста метров на восток. Снова выйдя на берег, он послал еще одну ракету и пополз в кусты, чтобы подождать развития событий. Но ничего не произошло. Он проник в турецкие окопы, но, не найдя там никого, вернулся на берег и зажег третью ракету. У Фрейберга были самые мизерные шансы на то, что его подберут свои в необъятном просторе черной воды, и к тому же его сводило судорогой. Но еще более он содрогался от мысли попасть в плен, и он вернулся назад в море, и он поплыл в темноту. Он не утонул. Когда пловец был в полумиле от берега, команда катера разглядела в волнах смазанное маслом коричневое тело. Его подняли на борт и вернули к жизни» [12, сс. 213–214]. Тем временем, с миноносца открыли огонь по обнаружившим себя турецким прибрежным постам. Ночная перестрелка продолжалась около часа, пока катер с пловцом не вернулись обратно. За этот подвиг Фрейберг был удостоен второй по значимости после Креста Виктории военного ордена [18, р. 66].

Фрейберг выжил в Галлиполийской мясорубке. Он сделал головокружительную карьеру, став в 1917 году самым молодым генералом Британской империи в Первой мировой войне. Позже Фрейберг занимал должность генерал-губернатора Новой Зеландии, а также внес свой вклад в победу над Германией и Японией во второй мировой войне, участвуя в качестве командира Второй Новозеландской дивизии в боях за Грецию, и в Африке, в битве при Эль Аламейне. В 1952 году юная королева Великобритании возвела Бернарда Фрейберга в рыцарское звание.

Неповторимый заплыв новозеландца смутил не только убежавших от испуга турецких солдат в траншеях. Лимана фон Сандерса подняли ночью с постели и сообщили об атаке на Булаир. Он немедленно дал приказ своим войскам выступить на север, и утром сам командующий был на высотах около бухты Сарос, когда увидел своими глазами корабли британцев, бомбардирующие берег. Так десанты на АНЗАКе и Хеллесе избавились от необходимости противостоять двум дивизиям, которые Сандерс держал в этом районе. Он направил их к местам настоящих высадок только спустя три дня. Факт удивительный, но один человек смог на три дня удержать от боя двадцать пять тысяч!

Пока Фрейберг устраивал фейерверки ввиду Булаира и пугал Лимана фон Сандерса, из Мудроса вышли транспорты, везущие к Габа Тепе первую группу десанта. Эта группа, основу которой составляла 3-я бригада АНЗАК под командованием полковника Синклера МакЛэгана, должна была захватить высоты хребтов на левом фланге и обеспечить безопасность высадки основных сил корпуса и их продвижение к Мэйдосу.

МакЛэган был опытным и умелым офицером, специалистом, назначенным Бриджесом в военном училище в Дантруне на должность «профессора военных искусств» [19, р. 109]. Незадолго до высадки МакЛэган осмотрел береговую линию с борта военного корабля, а также у него были данные воздушной разведки. Однако карты, имеющиеся в его распоряжении и которыми он мог снабдить батальонных и

ротных офицеров, были очень не точными и не давали указания даже на самые принципиальные топографические объекты района. МакЛэган понимал, что холмистая, изрезанная ущельями и хребтами и покрытая кустами и невысокими лесами местность создает трудности как десанту, так и его защитникам, поэтому успех его группы десанта зависел, в первую очередь, от точного и быстрого, организованного и согласованного действия всех сил.

Генерал Бриджес, который должен был с остальными соединениями 1-й австралийской дивизии последовать за МакЛэганом и организовать наступление на Мэйдос, приказал ему как можно быстрее занять третий от моря хребет, известный как Ган Ридж, где, по сообщениям разведки турки установили неизвестное количество артиллерии. Это был правильный приказ, если бы войска имели возможность организовать охват хребта, причем с юга этот охват можно было бы совершить, хоть и под огнем, но предельно быстро по пересеченной территории. Тем временем, пока равнинная группа отвлекала бы на себя внимание противника, вторая группа могла бы осуществить неожиданное нападение на Ган Ридж через прибрежные хребты – Болтон Ридж и Пайн Ридж. Несмотря на пессимизм командиров и возможные потери, идеи Бриджеса были вполне реализуемы, если бы все прошло по заранее намеченному плану...

Высадка первого эшелона производилась в два этапа. В 3.30 три транспорта высаживали на 48 лодках, которые вели 12 буксиров, партию в 1500 человек, по половине первых трех батальонов 3-й бригады. Через полчаса с 7 миноносцев осуществлялась посадка в лодки остальной части 3-й бригады. Каждая лодка вмещала примерно 35 человек. Транспорты под прикрытием темноты прошли к западному берегу Галлиполи. Здесь, в пяти милях от берега стоял на якоре дредноут «Триумф», который сигнализировал десанту в сторону от берега. На борту кораблей австралийцы совершили последние приготовления к предстоящей битве, подготовили и собрали амуницию. Общий вес снаряжения рядовых составлял около сорока килограммов и включал в себя 200 патронов, рассчитанных на три дня, три пустых мешка для песка, фляги с водой, паек. «Приказ был после высадки скинуть вещмешки и составить вместе поротно, чтобы можно было найти их после. Стрелять во время высадки запрещалось или разрешалось только по приказу командира, поэтому винтовки не были заряжены, чтобы не допустить случайного выстрела. Запрещались разговоры, и нам приказали примкнуть штыки», – вспоминал рядовой Фред Фокс [19, р. 111]. В целях обеспечения внезапности, десанту не предшествовала артиллерийская подготовка. Правда за двадцать минут до начала десанта корабли Флота должны были обстрелять турецкие артиллерийские укрепления на Габа Тепе, в качестве отвлекающего маневра.

Турецкая оборона в районе предполагаемой высадки состояла из 2-го батальона 27 полка 19-й дивизии, отдельные подразделения которого были распределены по значительной территории (примерно 5 км от Габа Тепе к массиву Сари Баир). Укрепления и траншеи были созданы на второй-третьей линии хребтов, где были подготовлены также несколько артиллерийских и пулеметных позиций. Самая сильная артиллерийская позиция находилась в районе Габа Тепе и была известна

командованию десанта. Основные силы 19-й дивизии находились на берегу Дарданелл, в районе Мейдос, откуда могли быть посланы в качестве подкреплений в любую часть полуострова Галлиполи. Патрулирование береговой линии от Габа Тепе до Булаира осуществляли части двух батальонов жандармерии. В целом, Лиман фон Сандерс полагал, что высадка в районе Габа Тепе маловероятна из-за сложного рельефа местности и отсутствия пространства для маневра и использования артиллерии кораблей.

В 2 часа ночи десантники первой партии погрузились в лодки, и пароходы на малом ходу двинулись к берегу, таща за собой каждый по четыре лодки.

Однако лодки прибыли вовсе не в назначенное место. Были ли причиной этому турецкий маневр с бумом, или течение, не учтенное моряками (а пароходы вели мичманы, некоторым из которых едва исполнилось пятнадцать лет), или оба фактора сыграли вместе, но в предрассветном тумане мыс Габа Тепе остался далеко на юге, а лодки пришли к берегу к северу от Адской скалы. Кроме того, произошла путаница в порядке десантных групп. 12 пароходов, каждый из которых вел в четырех лодках около 140 человек, не выдержали курс на берег. «В темноте шлюпки начали путаться, одни буксиры пересекали курс другим, рулевые паровых катеров теряли направление» [20, с. 379]. Батальоны десанта оказались разрознены и перемешаны, еще не высадившись на берег.

Старший морской офицер, впрочем, увидел ошибку молодых мичманов, однако то самое, что позволило увидеть, не позволило ошибку исправить: начался рассвет. Артиллерия кораблей стала производить обстрел в Габа Тепе, который, по идее, должен был скрыть шум от приближающейся высадки в Брайтон-бич. Но десант севернее и дальше намеченного был обнаружен турками визуально, когда последний находился в 40 метрах от берега.

На прибрежных скалах Ари Бурну патрулировали несколько отделений турецкой пехоты, осуществлявших наблюдение за береговой линией. В непосредственной близости оказалось еще несколько рот, в том числе те, которые Мустафа послал тренировать марши по хребтам и ущельям в район Сари Баир. Чуть дальше вглубь располагалась первая линия турецкой обороны: траншеи, пулеметные и орудийные гнезда на высотах хребтов, однако эту линию держало небольшое количество войск - второй батальон 27-го пехотного полка 9-й дивизии и несколько отделений других частей. Всего турок в районе высадки АНЗАК было от 500 до 1000 человек, распределенных по обширной территории. События первых минут высадки с турецкой стороны описал в 80-х годах прошлого века ветеран Адиль Сахин, тогда 16-летний призывник из близлежащей деревушки Бюйюк Анафорта. «Часовой разбудил нас и указал на воду внизу. Он сказал, что видит там тени на воде. Мы выглянули, стали приглядываться в полутьме, и тут же услышали плеск и разглядели лодки и солдат, сходящих на берег. Командир приказал нам стрелять. Несколько человек упало на берег, но я, но я не знаю, были ли они застрелены или просто легли, чтобы укрыться от пуль. Потом они стали перебегать к склону обрыва и карабкаться вверх. Нас было так мало, что мы стали отступать... Это было совершенно неожиданно для нас. Мы ничего не знали о вторжении, и мы

были очень напуганы... Да, я был очень напуган. Враги сошли на берег и стали лезть по обрыву вверх. Их было так много, и мы стали отступать к нашим траншеям, стреляя на ходу» [21, р. 63]. Здесь Адиль встретился с товарищами и они организовали отпор наступающим австралийцам. Турецкий ветеран не упомянул одну любопытную деталь. Австралийцы бросились к берегу с кличем «Имши Алла!» – фразой, которую они подхватили в свои беззаботные дни в Каире». Турецкие патрули отступали изрядно обескураженные поведением врага [12, с. 212]. Испуг Адила мог быть инспирирован еще одним обстоятельством: немецкие офицеры то ли в шутку, то ли с другим умыслом сообщили неграмотным турецким солдатам, что австралийцы и новозеландцы - каннибалы. Это изрядно повеселило Эллиса Силаса, который, будучи связным, присутствовал при допросах первых пленных турок [22].

Началась высадка под пока что слабым оружейным обстрелом. Но группа МакЛэгана сразу же оказалась разбита на две части мысом Ари Бурну (АНЗАК Коув), кроме того, были перемешаны все батальоны. На обоих участках за узкой полосой пляжа шел резкий подъем к территории, на которой располагались ущелья и хребты, холмы и высоты, сухие русла ручьев, овраги и редкие плато. Это было совсем не то, что предполагал план Бриджеса. Австралийцы и новозеландцы скинули багаж, и стали карабкаться по обрыву. Десант разбился на маленькие группы, и все подразделения сразу же перепутались. Более того, неприветливая и неожиданная местность привела к тому, что многие полевые командиры оказались вне связи со своими солдатами или с большей их частью. Ничего подобного не предполагалось, поэтому координация действий между отдельными группами карабкающихся солдат нарушилась, а мер, чтобы ее восстановить заранее продумано не было. Историк Трэверс пишет: «Необъяснимо, но в этой маневренной и скоростной битве система коммуникаций была отдана на откуп чистой импровизации» [13, р. 73].

В целом, высадка прошла быстро и довольно успешно. 15-летний мичман Эрик Буш писал, что несколько солдат были застрелены еще в воде, но большинство достигли берега целыми. До 6 часов утра 4000 анзаковцев высадились на берег. Второй эшелон тоже не встретил сильного сопротивления и еще 4000 новозеландцев десантировались к 8 часам утра. Английский журналист, высаживавшийся вместе с новозеландскими войсками, записал историю матроса одной из шлюпок, одежду которого трижды за день разрывала турецкая пуля, не оставив на теле ни одной царапины. «Каждый раз я вспоминал о своем маленьком невзрачном домике на Западе»: шутил матрос [23, р. 80].

Один из австралийцев, десантировавшийся в числе первых, вспоминал: «Мой батальон первым достиг берега, мы рассредоточились вдоль берега, примкнули штыки и стали карабкаться на холмы, окружавшие берег, на вершине которых укрепились турки. Парни все время кричали, и это, в самом деле заставило сердца турок дрогнуть, потому что, когда мы взобрались на холм, они выскочили из окопа и побежали врассыпную назад, как кролики... Отдохнув на вершине, мы собрали остатки войск и сделали попытку захватить следующую линию обороны турок, но

не очень удачно...» [24]. Как подсчитал журналист Эшмед-Бартлетт, первый турок принял своим телом австралийский штык в пять часов пять минут утра 25 апреля 1915 года [15, р. 47].

Все это происходило в пятидесяти метрах от берега. Обе бригады стали похожи на рассыпающийся из пакета горох. Холмы, ответвления хребтов, густые заросли кустарников совершенно разделили части соединений, солдат, офицеров, вспомогательные силы, связистов. Артиллерия запаздывала с высадкой. А небольшие группы турок, стрелявших сверху в анзаковцев, еще больше расплывали соединения десантников. Австралийцы старались рассредоточиться, чтобы не представлять своей массой удобную цель для турецких стрелков.

МакЛэган, тем не менее, попытался организовать наступление, однако уже через час турки стали прибывать отовсюду для отражения нападения. Их позиции, наверху хребтов и холмов, а также в створе небольших равнинных участков были очень сильны. АНЗАК стал нести потери. Возникли и локальные очаги паники. Так, подполковник Розенталь, командующий 3-й австралийской артиллерийской бригадой, встретил командира 9-го батальона, 3-й бригады, который сообщил, что его батальон практически выкошен. Розенталь пишет, что этот офицер «был в ужасном состоянии» [25, р. 43]. Были и курьезные случаи. Командир новозеландской бригады, которая высаживалась на берег спустя час после австралийцев, бригадный генерал Ф. Джонсон, как сообщалось, «временно выбыл из строя» до начала высадки. Из дальнейших туманных отчетов по этому делу становится понятно, что генерал был вдрабадан пьян, однако лишь глубокой ночью Джонсон был заменен другим офицером, начальником штаба Австралийско-Новозеландской дивизии Уолкером. Весь день бригада, действующая на левом фланге высадки, действовала «обезглавленной» [13, р. 71].

К шести часам утра АНЗАК овладел первой линией хребтов и в яростном штыковом бою согнав турок, занял плато, позже названное плато Плюгге, в честь полковника Э. Плюгге, командира Окленского батальона новозеландской бригады. Еще через час несколько отдельных отрядов австралийцев и новозеландцев заняли Плато 400.

Утром 25 апреля новозеландская пулеметная команда захватила удобную позицию в центре на второй линии высот по центру от пляжа. Вокруг этого пулеметного гнезда стала концентрироваться оборона всего десанта. 29 апреля этот пост был усилен капитаном Хью Куинном из 15-го австралийского батальона с 225 солдатами и офицерами. Это был знаменитый Куиннс пост, который стал одним из центром обороны АНЗАК на следующие полгода. Капитан Куинн был убит здесь 29 мая [17, р. 52–53].

К восьми утра АНЗАК превосходил противника по численности практически десятикратно. Но командиры ничего об этом не знали и предполагали наличие глубокой обороны, которую потребует взломать. На берегу началась выгрузка артиллерии, штабные бригадные офицеры нашли для нее несколько удобных позиций. На берег постоянно прибывали новые лодки с войсками.

Однако на переднем крае начинались серьезные проблемы. Прежде всего, отдельные отряды, совершившие захват важных позиций и точек, оставались без связи с остальными войсками. Кроме того, войска были рассередоточены по очень большой территории. В третьих, у солдат заканчивались боеприпасы, а надежды на их получение не было. Наконец, поскольку никто не знал, где останавливаться и начать окапываться, вскоре авангарды десанта пришли к передней линии турецкой обороны и стали нести большие потери без всякой надежды на получение подкрепления. Турецкие солдаты и их командиры, осознавшие за день, что в штыковом бою анзаковцы их превосходят по всем статьям, прекратили свои попытки силой сбить десант в море, но начали вести снайперский ружейный огонь везде, где это позволяли условия [18, р. 69]. А условия на хребтах Сари Баир это позволяли.

Штаб МакЛэгана, высадившийся на пляж, оказался в полной изоляции от своих наиболее оперативных и успешных соединений. Впереди была столь пересеченная местность, что визуальное наблюдение не могло установить линию наступления. Более того, встающее на востоке солнце препятствовало наблюдению за событиями и с кораблей. Очаги турецкой обороны наносили десанту ощутимые удары. Было ясно, что встречи с более крупными силами повлекут за собой совершенно непредсказуемые последствия. МакЛэган, грамотный тактик, понимая, что высадка произошла севернее намеченного участка, решил прорываться к линии первоначально намечаемой атаки – на юг, поэтому сосредоточил силы десанта на правом фланге. Это было вполне объяснимое решение. Командующие высоты, намеченные к занятию исходным планом, были, в основном, заняты АНЗАКом, оставались лишь внутренние хребты Сари Баира, которые не выглядели неприступными, особенно ввиду помощи морской артиллерии и организации поддержки артиллерией бригады. Сложнее было реорганизовать войска. Но и это была, казалось бы, выполнимая задача. Несмотря на потерю связи с командирами, австралийцы проявили себя как удивительно упорные, умелые и самоорганизующиеся солдаты. Там, где английский солдат остановился бы и стал ожидать приказа, австралийцы шли вперед, теснили врага, совершенно не думая о том, что их командир отсутствует. Хуже было с командирами. Так, в 3-й бригаде совершенно потерявшей связь между отдельными отрядами, большинство батальонных командиров совершенно растерялись. Как писал подполковник Мэлоне командир Веллингтонского батальона, «штабные офицеры бригады хороши, но полевые - не имеют никакой идеи, как организовать порядок, какими методами, и т.д. Они... пустили все на самотек, И так вся армия». Но хотя и не редки были случаи растерянности офицеров средних рангов, утраты ими самообладания, были и примеры чрезвычайно доблестного поведения и грамотного управления подразделениями. В 3-й бригаде, писал бригадный майор 3-й бригады, «ни один батальонный командир, кроме старика Вейра не принял на себя действительное управление своими войсками – а ведь именно от Вейра этого ждали менее всего» [13, р. 71].

Вейру удалось собрать практически весь свой батальон, как и все остальные, раздробленный в ходе высадки, и обеспечить круговую оборону пляжа Анзак Коув. Это стало одной из причин, почему ни одна из контратак турок не привела к решающему прорыву на пляж, на котором производились все основные десантные операции.

Часть батальона под командованием лейтенанта Н. Лютита организовала разведывательный рейд по левому флангу десанта. Дойдя до Плато 400, Лютит встретил бригадного майора Бранда, который приказал ему вытеснить группу турок с Плато и найти места расположения турецких орудий на дальних хребтах. Лютит прошел брошенный турецкий лагерь, достиг второго от моря хребта, но на третьем - Ган Ридж увидел значительные турецкие силы, которые осыпали наступающих градом оружейного и пулеметного огня. Лютит с двумя солдатами взобрался на высоту Скраби Нол, откуда смог увидеть в нескольких километрах на востоке сверкающие на утреннем солнце воды пролива Дарданеллы, которые им надо было освободить для Флота, но дальнейшее продвижение было невозможно из-за малочисленности отряда.

Около 8.30 Лютит отправил вестового за подкреплениями, но турки стали обходить отряд Лютита с фланга. Преследуемые превосходящими силами турок, Лютит и присоединившейся к нему лейтенант Дж. Хейг отступили к краю Плато 400. Два разведчика группы – Блэкберн и де Кетвилль Робин смогли на севере Ган Ридж перейти его, но, увидев сильно укрепленную линию турецкой обороны, вернулись. Это было самое далекое продвижение АНЗАК вглубь турецкой территории за все время кампании. Но развить успех 10-й батальон не смог.

В 8 часов стали высаживаться 1-я и 2-я бригады 1-й австралийской дивизии. И здесь случилось первая, по настоящему кровавая трагедия, вызванная ошибкой в месте десантирования.

Начало высадки второй и основной части десанта началось с парохода «Галека», который должен был высадить на берег 6-й и 7-й австралийские батальоны 2-й австралийской дивизии. «Галека», зная об утренней ошибке, решила высадить батальоны ближе к исходному рубежу на северной части залива Брайтон-бич. С моря было видно движение войск в районе высадки, и капитан решил, что это войска правого фланга утреннего десанта. «Галека» бросила якорь в 500 метрах от берега, войска были посажены в лодки и поплыли к берегу. Но на берегу были не новозеландцы Годли, а турецкий пост с готовыми к приему гостей стрелками. Согласно турецким данным, пост держали 90 человек, вооруженных винтовками. Турки подождали, когда лодки приблизятся к берегу на 100 с лишним метров, после чего шквальным огнем уничтожили первую лодку. Мичманы остальных попытались ускорить движение к берегу, однако, без особого успеха. Дело замедляла необходимость замены выбывших из строя гребцов. Лодки стали легкой мишенью для турецких стрелков, имевших возможность и перезарядить ружью, и прицелиться. В результате бойни, из 140 человек десантников в четырех первых лодках на берег сумели выбраться 40 человек. После ожесточенной перестрелки, на шум которой пришло новозеландское подкрепление справа, от отряда осталось

только восемнадцать. Остальные были убиты или ранены. Эта кровавая ошибка не могла сказаться на моральном состоянии десанта [25, р. 48].

Оставшаяся часть десанта с «Галеки» была вынуждена производить высадку на том же пляже, что и первый эшелон. Тем не менее, несмотря на нарастающий артиллерийский обстрел турок, большая часть второго эшелона была десантирована в срок и без существенных потерь.

В 9 часов утра МакЛэган, следуя своему решению прорываться к месту первоначально планируемого наступления, приказал командиру 2-й бригады МакКей вести свою бригаду на правый фланг. МакКей ответил, что первоначально ему было приказано держать левый фланг, и он не желает нарушать приказа Бриджеса. Он хотел лично подняться на передовую и взглянуть на картину продвижения десанта. Если бы он это сделал, то, скорее всего, его выводы не отличались бы от выводов его коллеги. МакЛэган ответил, что на это нет времени. Он был прав, прибытие турецких подкреплений с Габа Тепе или вдоль Ган Ридж можно было ожидать в любую минуту, и это было бы провалом исходного плана десанта. МакКей согласился. Но старый план уже был нарушен и нарушался с каждым часом все больше. И грянул гром!

На выручку отдельным соединениям своих 19-й и 9-й турецкой дивизий Мустафа Кемаль отправил, даже не уведомив об этом фон Сандерса, 57-й полк, который проинструктировал по дороге. «Я не приказываю вам идти вперед. Я приказываю вам умереть. За то время, что вы будете умирать, придут другие наши солдаты и офицеры», сказал солдатам Кемаль. Для европейца это звучит экстравагантно и, может быть, даже напыщенно. Но в турецкой армии издавна существовала практика, схожая по смыслу с японскими «камикадзе». Это были специально набираемые на особо опасные, часто смертельные задания храбрецы – серденгечти – в переводе, «рискующие головой». Эти люди получали повышенное денежное вознаграждение, а в случае гибели, славу и память, а их семьи обеспечивались из султанской казны. Серденгечти не мог стать любой желающий, но только воин, доказавший свою смелость и умение. Поэтому Кемаль оказал своим солдатам великую честь, одарив их возможностью покрыть славой себя и свои семьи всех поголовно. Если это и был со стороны Кемалья красивый жест, он был сделан вовремя и привел к требуемым результатам. Именно этим объясняется то ожесточение, которое проявили в бою солдаты 57-го полка.

Полк должен был пройти к главенствующим высотам слева от места высадки, куда АНЗАК не шел и не дошел. Заняв эти высоты, туркам было приказано атаковать левый фланг десанта. И именно в это время левый фланг был полностью обескровлен МакЛэганом [19, pp. 117–118]. Второй полк, 77-й должен был выступить южнее в минимально короткий срок. В арьергарде Кемаль оставил 72-й арабский полк, справедливо полагая, что урожденные турки будут с большим успехом защищать свою землю. Но и арабам Кемаль приказал быть готовым в любой момент выступить на передовую.

По большому счету, Кемаль не имел никакого права так распоряжаться с единственным резервом, находящимся на полуострове, «...положение турок стало

бы безнадежным, если бы союзники запланировали еще один десант в другом месте. Но только днем Кемаль поскакал назад в штаб корпуса» [12, с. 223], чтобы сообщить своему непосредственному начальнику, Эссаду-паше о своих действиях, да и то, когда тот сам его вызвал.

Мустафа Кемаль в воспоминаниях о Галлиполийской битве (по-турецки Анафарталар) пишет: «Я уже слышал, как артиллерия кораблей бомбардирует Габа Тепе, когда в 6.30 пришло донесение, что противник штурмует обрывы Ари Бурну. Мне посоветовали остановить врага силами одного батальона. Я предположил, что имею дело с основным десантом, и батальона будет недостаточно, чтобы остановить врага. Я выступил с 57-м полком, который был в полной готовности, и с батареей горной артиллерии. Этот полк достиг славы тем, что все его солдаты были в ходе битвы убиты. В направлении Койя Чемен Тепе (на английских картах, это главенствующая высота района, Высота 971) не было дорог, и мы шли по дикой земле. Мы овладели Высотой, высшей точкой полуострова. Однако Ари Бурну находился в мертвой зоне, и мы его не могли видеть... Я прошел к Чонк Байири (Чунук Баир) с полковым врачом, командиром батареи и моим лейтенантом (адъютантом). По дороге мы встретили группу солдат, бегущих к нам со стороны Высоты 261. Я остановил их и спросил, почему они бегут. «Господин, там враги!» закричали они и указали на небольшое подразделение солдат, шедших за ними на небольшом расстоянии. Представьте себе, противник был ближе ко мне, чем мои войска, которые я оставил позади. Я крикнул: «как можете вы бежать от врага?!» Они сказали, что расстреляли все патроны, и я ответил им: «Если у вас нет патронов, у вас остались штыки». Я приказал им примкнуть штыки и встретить врага лицом к лицу. Лейтенанту я приказал как можно быстрее привести войска. Это случилось в 10 часов утра...» [21, pp. 66-67]

Солдаты, штыковая атака которых спасла Кемалю жизнь, были из турецкой жандармерии, а не из регулярных войск. Увидев, что турки развернулись и теперь бегут в их сторону, австралийцы залегли, но и жандармы не стали искушать судьбу, тоже прижавшись к земле. Так враги провели некоторое время, за которое солдаты-федаи 57-го полка успели прибыть на место событий и яростной атакой отбросить анзаковцев назад [19, p. 118].

Основные события в центре на левом фланге высадки, частью которых и было прибытие Мустафы Кемалю с 57-м полком, развернулись вокруг попыток десанта овладеть первым важным ориентиром, высотой Баби 700 (высота ее примерно 180 метров, то есть, меньше 600 футов, что показывает «точность» британских карт). Этот холм, располагающийся сразу за получившим известность в августе плато Нек, доминировал над левым флангом и центром десанта и прикрывал самую высокую точку всего района Анафорта – Высоту 971. Стратегическое значение его было ясно всем, и за Баби 700 разгорелись самые героические схватки 25 апреля в районе АНЗАК. Турки называли этот участок Киликбайир.

Около 7 часов утра 25 апреля отдельные отряды 11-го и 12-го батальонов, к которым присоединились половина Кентерберийского батальона во главе с подполковником Стюартом и части Оклендского батальона достигли высоты, но

встретили здесь значительные силы турецкого 27-го полка, потерявшего в этот день троих из четырех ротных командиров. Но и Стюарт был убит, его люди стали отступать. Из-за неравномерности утреннего наступления часть отступавших австралийцев оказались на участке удерживаемой турками долины, где попали под жестокий огонь. Среди десантников появились первые пленные. В прилегающей высоте австралийцы наблюдали, как попал в плен Томас Бёрджесс из Оклендского батальона новозеландцев. Когда он, раненный, лежал в долине, несколько проходящих турецких солдат пинали и кололи его штыком, пока не подошел офицер и приказал санитарам вынести раненого с поля боя. По турецким источникам, рядовой Бёрджесс умер в госпитале Таш Кушла 25 сентября 1915 года и был похоронен на кладбище Хайдар Паша в Стамбуле [26, р. 145].

В дальнейших боях геройски проявил себя и пал смертью храбрых капитан Д. Лэлор командир одной из рот 12-го австралийского батальона. Капитан Джозеф Питер Лэлор, внук Питера Лэлора, руководителя вооруженного восстания на золотых приисках Виктории, мальчиком записался во флот, дезертировал, затем вступил во Французский Иностраннный легион, участвовал в революции в Мексике. В 1910 году он был принят в регулярные силы Австралии. Джозеф Лэлор всегда носил при себе фамильный меч в сверкающих ножнах.

Справа от Баби 700 капитан Эрик Таллэч, бывший мельбурнский пивовар, с 60 солдатами своего 11-го батальона в 9 часов обогнул Высоту 700 справа и поднялся на один из соседних холмов, Бэтлшип Хилл, откуда, как и Лэлор, смог видеть вдали воды Пролива, это было одно из самых значительных продвижений десанта в этот день, и вообще за всю кампанию. Дальше, на высоте Чунук Баир люди Таллэча видели турецкого офицера, который командовал боями в этом районе. Этим офицером мог быть и Кемаль, хотя, возможно, он прибыл и на полчаса-час позже. Огонь турок, особенно на левом фланге был очень сильным, а надежд на доставку патронов и подкрепления у Таллэча не было. Час с небольшим он вел встречный огонь, потом увидел, что турки полностью окружают Бэтлшип Хилл и был вынужден дать приказ об отступлении [17, р. 185].

В 9.30 часов утра Лэлор, потерявший связь с авангардом Таллэча, сделал еще одну попытку занять высоту Баби 700. Турецкий пулеметный расчет помешал это сделать, поэтому Лэлор начал собирать все силы, находящиеся поблизости, для организации нового наступления. К нему присоединились несколько рот только что высаженного 1-го батальона под командованием майора Блэра Сванелла, остатки роты самого Лэлора, собравшиеся вокруг командира, и части 9-го батальона майора Робертсона. Лэлор отправил отряд под командованием лейтенанта Айвора Маргеттса вперед, чтобы обогнуть Баби 700 с севера, однако авангард попал под яростный обстрел приведенного Кемалем 57-го полка и залег.

В центре наступления австралийцы вели ожесточенную перестрелку, в ходе которой майор Блэр Сванелл был убит. Но атака на высоту продолжалась. Майор Киндон, второй по старшинству офицер 1-го батальона и майор Гордон из 2-го из батальона организовали атаку с флангов. Но турки опрокинули оба фланга австралийцев. После полудня на левый фланг пришло подкрепление из роты

Вайтако Оклендского батальона новозеландцев. В 1.30 они обнаружили, что из роты Киндона осталось только четыре или пять целых бойцов. Раненый Киндон отказался покидать передовую. Спустя час, пулеметный расчет новозеландцев был установлен в 65 метрах позади, атака была прекращена, и вскоре на укрепленную линию прибыл Кентерберийский батальон майора Гранта. Он и удерживал эту линию, несмотря на смерть своего командира.

На этом фланге турки почти полностью окружили наступающих анзаковцев. Майор Робертсон из 9-го батальона, трижды раненый, был убит, пытаясь определить, откуда идет турецкий огонь. «Давай, Ригби», – сказал он перед смертью лейтенанту Ригби. Ригби удержал позицию, но тоже был убит, после чего остатки левого фланга наступления на Баби 700 отступили. При этом, был убит выстрелом в голову майор Гордон, в тот самый миг, когда он обращался к своим солдатам.

Спустя три часа после начала авангардного боя, лейтенант Маргеттс потерял убитыми и ранеными всех, кроме десяти человек, и отступил. Лэлор дал лейтенанту выпить несколько глотков виски и приказал снова идти в атаку, усилив его людьми. Однако увидев, что Маргеттс близок к полному нервному истощению, решил сам вести людей вперед. Маргеттс отказался, поскольку он был единственным офицером, который знал местность впереди. Турецкий огонь усиливался, и австралийцы снова были вынуждены залечь. В 15.15 Лэлор приказал выжившим отойти и послал Маргеттса в штаб-квартиру новозеландцев за подкреплениями. В это время к нему подошли люди капитана Моршеда из 2-го батальона. Капитан Лэлор, потерявший в пылу битвы фамильный меч, встал во весь рост и закричал: «12-й батальон – вперед!» и был тотчас же убит несколькими выстрелами в упор.

В результате, все пять атак на высоту Баби 700 оказались безуспешными. В 4 вечера турки предприняли контратаку, заставив все авангардные отряды анзаковцев отступить к линии Нек – Монаш Галли.

Лейтенант Маргеттс, несколько часов осуществлявший авангардные бои за высоту Баби 700, выжил в этот день, продолжая оставаться на передовой. 27 апреля товарищи обнаружили его, спящим, стоя в траншее с револьвером в руках и головой, упавшей на руку. Он был убит в звании капитана 23 июля 1916 года во Франции [17, pp. 180–183].

К полудню 25 апреля на участке АНЗАК обе армии истощились физически и морально. Обеим требовалось подкрепление, поскольку ни одна не решила своих задач: АНЗАК не смог захватить ключевые хребты и высоты и выступить для соединения с английским десантом на южной оконечности полуострова; турки не смогли сбить десант обратно в море и заставить союзное командование прекратить высадку подкреплений. Наметились очертания будущего многомесячного противостояния Осси, Киви и Джонни Турка (как называли солдат противника анзаковцы), когда «антиподы» удерживают прибрежную часть участка, а турки – сохраняют за собой всю остальную территорию.

Список использованных источников и литературы

1. Михайлов В.В. Галлиполи 1915 г.: могила русской мечты и британских солдат. СПб.: Изд-во «Нестор», 2010. 268 с.
Mikhailov V.V. Gallipoli 1915 g.: mogila russkoi mechty i britanskikh soldat. SPb.: Izd-vo «Nestor», 2010. 268 s.
2. Higgins T. Winston Churchill and the Dardanells. NY: Macmillan Company, 1963. XI+308 p.
3. Dardanell Comission. Final Report. Part I. London: Parliament Papers, 1917. 90 p.
4. Dardanell Comission. Final Report. Part II. London: Parliament Papers, 1917. 96 p.
5. Михайлов В.В. Борьба России и Британии против Османской империи и германо-турецкого влияния на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны.: дисс... канд.ист.наук. СПб., 2003.
Mikhailov V.V. Bor'ba Rossii i Britanii protiv Osmanskoi imperii i germano-turetskogo vliianiia na Blizhnem Vostoke v gody pervoi mirovoi voiny.: diss... kand.ist.nauk. SPb., 2003.
6. Public Record Office. Cabinet Office (PRO CO). B. 19/33, f. 1569. Ch. Ryan evidence to Dardanelles Commission 22 February 1917.
7. Robertson J. Anzak and Empire: The Tragedy and Glory of Gallipoli. London-Melbourne-Auckland: Leo Cooper, 1990.318 p.
8. Australia War Memorial (AWM). Canberra. Collection. DRL 6418. H.G. Carter diary, 11 April 1915.
9. AWM. Collection. DRL 41. Lt-Col. John Corbin diary, 17 April 1915.
10. AWM. Collection. DRL 566. Pte Ellis Silas diary, 10 March 1915.
11. AWM. Correspondence. Item 1. Blamey to mother, 21 April 1915.
12. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы: Решающее сражение между Турцией и Антантой. М.: Центрполиграф, 2004.383 с.
Murkhed A. Bor'ba za Dardanelly: Reshaiushchee srazhenie mezhdou Turtsiei i Antantoi. M.: Tsentrpoligraf, 2004. 383 s.
13. Travers T. Gallipoli. L.: Tempus, 2001. 287 p.
14. Hamilton I. Sir. Gallipoli Diary. V. 1. L.: Edward Arnold, 1920. 736 p.
15. Ashmead-Bartlett E. The Uncensored Dardanelles. L.: Hutchinson & Co., [1928]. 286 p.
16. Last letter of a Turkish martyr killed in the Gallipolian War, transl. Erkan Turkmen // Gallipolian, 1966, Winter. P. 6.
17. Holt P., Holt V. Gallipoli. Battlefield Guide. L.: Pen & Sword, 1999.256 p.
18. Adcock J. Australasia Triumphant. L.: Simkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co, 1916.144 p.
19. Hickey M. Gallipoli. L.: John Murray, 1995. 363 p.
20. Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. II. М.-Л.: Воениздат, 1929. 389 с.
Korbett Iu. Operatsii angliiskogo flota v mirovuiu voynu. T. II. M.-L.: Voemizdat, 1929.389 s.
21. Basarin V., Basarin Y., Fewster K. Gallipoli: The Turkish Story. Crows Nest, New South Wales: Allen & Unwin. 2003. 184 p.
22. Silas Ellis. Crusading at Anzac. A.D. 1915 // [Электронный источник]: URL: http://www.anzacsite.gov.au/landing/s_intro.html Дата обращения 10.12. 2014.
23. М.Р. [Herbert A.]. Mons, Anzac and Kut. L.: Edward Arnold, 1919. 270 p.
24. Imperial War Memorial (IWM). London. Miscellaneous. File. 309.
25. Laffin J. Damn the Dardanelles. Sydney: Doubleday, 1980. 224 p.
26. Chambers S.J. Anzac. The Landing. L.: Pen & Sword, 2008. 208 p.

Mikhailov V. V. How the Anzac legend was created: morning of april 25, 1915

The article is devoted to the study of the first combat operations of the Australian-new Zealand army corps. It shows measures to ensure the surprise of the landing, a diversionary maneuver of the fleet in Saros Bay, the landing of three echelons of troops on the morning of April 25, 1915, on the beaches of Anzac Cove and North beach, the reasons for the rapid success and subsequent failures of the paratroopers. The reasons for the weak interaction of the landing units, the lack of artillery support, delays in the landing of the third echelon and the arrival of reinforcements to the front areas of the advance of troops are analyzed. It also shows the

actions of the Turkish officer responsible for the defense of the Anzac landing site – Colonel Mustafa Kemal, who showed determination and did not allow the defenders of Gallipoli to retreat under the blows of superior forces of Australian and new Zealand troops. The article uses archival materials from the Australian War Memorial and British archives, diary entries and letters from Australians and new Zealanders, Russian and foreign research on the initial stage of the Gallipoli operation.

Keywords: Australian Imperial Force (AIS), Australian and new Zealand army corps (ANZAC), world war I, Gallipoli operation, Mustafa Kemal, Australian War memorial, ANZAC Day.

УДК 94 (47).327.54“1946/53”

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-130-141

**АНТИАМЕРИКАНСКАЯ ПРОПАГАНДА
В СОВЕТСКОМ ИГРОВОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946–1953)**

Просолова Е. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: katerina.prosolova@mail.ru*

Рассматривается история идеологической борьбы в кинематографе СССР в период с 1946 по 1953 гг. Особое внимание уделяется изучению эпохи «малюкартинья» как стадии в истории советского кинематографа, повлиявшей на дальнейшее становление системы организации и контроля за выпуском кинопропагандистской продукции. Проведен анализ послевоенного кинематографа как феномена, содержащего в своем составе несколько взаимосвязанных элементов и за счёт этого являющегося одним из наиболее эффективных средств воздействия на население с целью формирования образа врага. Определены основные задачи создания антиамериканской кинопропаганды 1946–1953 гг. в соответствии с внешнеполитической ситуацией и целями, стоящими в данный период перед советским руководством. Проведенное исследование позволяет автору сделать вывод о формировании на указанном этапе структурированного кинонарратива, содержащего в себе образ «американского врага».

Ключевые слова: Холодная война, советский кинематограф, пропаганда, образ врага, «малюкартинья».

За всю историю своего существования человечество пережило достаточно глобальных и локальных конфликтов, однако мало какой из них по степени влияния и значимости может сравниться с Холодной войной. Конфронтация между СССР и США не перешла в «горячую фазу», но превратилась в противостояние двух полярных идеологий, распространяющих свое влияние на весь мир. Следовательно, история Холодной войны должна рассматриваться, в первую очередь, как масштабная идеологическая битва. В этой связи особый интерес представляет первый этап нарастания международной напряженности с 1946 по 1953 гг., когда, параллельно с быстрой поляризацией мирового сообщества, в соперничающих странах началась активная подготовка органов пропаганды к развертыванию полномасштабной идеологической кампании. Первый этап противостояния крайне важен в контексте изучения Холодной войны еще и потому, что именно в этот период в советской и американской системе сложились четкие представления о методах и приемах ведения «борьбы за умы и сердца».

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии можно выделить несколько основных направлений, связанных с изучением указанной темы. Во-первых, проблема трансформации методов пропагандистской работы,

связанных с формированием образа врага, подробно освещается в работе А. В. Фатеева [14]. В рамках изучения Холодной войны интерес представляет также книга Ф. Сондерс, где автор рассматривает деятельность ЦРУ в сфере культурной политики [9]. Во-вторых, крайне информативными в контексте исследования кинопропаганды периода 1946–1953 гг. являются труды Н. М. Зоркой и М. И. Туровской, посвященные истории советского кино, а также его восприятию зрителями и критиками [4; 13]. Наконец, к третьей группе разработок, затрагивающих тему антиамериканской пропаганды на экране, можно отнести научные статьи и монографии комбинированного характера, базирующиеся на интерпретации пропагандистской кинопродукции на основе появления и актуализации образа врага. Так, в монографии А. В. Федорова анализируется образ западного мира в советском кинематографе в период с 1946 по 1991 гг., что позволяет автору выявить кинематографические стереотипы в рамках идеологической конфронтации [15]. Важными также представляются исследования К. А. Юдина, Д. Н. Ряпусовой, К. А. Танис, позволяющие рассматривать антиамериканскую пропаганду в послевоенном кинематографе как сложный феномен, подразумевавший не только выпуск кинофильмов собственного производства, но использование западной продукции для решения насущных идеологических задач [16; 7; 12].

Несмотря на то, что послевоенный период советской истории достаточно подробно освещен в научно-исследовательской литературе, проблематика становления антиамериканской пропаганды в искусстве, в частности в кинематографе, еще требует своего рассмотрения. Исходя из этого, целью данной статьи является выявление основных характеристик и особенностей пропаганды в советском игровом кинематографе в период с 1946 по 1953 гг. Для достижения обозначенной цели возникает необходимость изучения возможностей советской кинопропаганды к моменту начала Холодной войны, причин и последствий эпохи «малюкартинья», а также рассмотрения основных механизмов формирования образа врага в указанный период.

В 1946 г. в ходе своего выступления на встрече с творческой интеллигенцией И. В. Сталин произнес речь, в полной мере отразившую отношение власти к искусству: «Надо серьезно подумать, кто и что у нас сегодня внушает при помощи литературы и искусства, положить конец идеологическим диверсиям в этой области, до конца пора, по-моему, понять и усвоить, что культура, являясь важной составной частью господствующей в обществе идеологии, всегда классовая, и используется для защиты интересов господствующего класса, у нас для защиты интересов трудящихся – государства диктатуры пролетариата. Нет искусства ради искусства, нет и не может быть каких-то «свободных», независимых от общества, как бы стоящих над этим обществом художников, писателей, поэтов, драматургов, режиссеров, журналистов» [10, с. 53]. Данная речь, безусловно, не только обращает внимание на задачи идеологического фронта, но и ярко характеризует культурную политику периода 1945–1953 гг. В условиях разворачивающейся конфронтации между бывшими союзниками искусство, как никогда прежде, воспринималось в

качестве эффективного инструмента пропаганды и «мягкой силы». При этом ведущая роль отводилась кинематографу, как самому молодому, но, тем не менее, наиболее перспективному его виду. Начало Холодной войны поставило перед советским руководством несколько ключевых целей. Во-первых, для того чтобы использовать весь потенциал игрового кино в пропагандистских целях, необходимо было в кратчайшие сроки восстановить саму киноотрасль, пострадавшую в годы войны и принять определенный курс на ее развитие. Во-вторых, требовалось обозначить задачи, стоящие перед Агитпропом, определить темы и сюжеты в рамках антиамериканского пропагандистского дискурса. В соответствии с этим хронологически достижение данных целей условно разделяет послевоенную эпоху на два этапа – с 1946 г. по 1949 г. (включительно) и с 1950 г. по 1953 г.

К моменту начала Холодной войны США еще не обладали достаточным опытом в ведении международной культурной борьбы, что потенциально давало возможность СССР значительно опередить своего противника на этом участке фронта [9, с. 18]. Действительно, к концу Второй мировой войны советское государство уже имело богатый опыт использования искусства для распространения определенных идейных конструктов, однако не вся советская пропаганда могла быстро и оперативно отреагировать на изменение ситуации на международной арене. В частности, проведение широкомасштабной антиамериканской кампании в кинематографе было значительно замедлено в связи с несколькими взаимосвязанными причинами.

Период с 1946 по 1949 гг. можно рассматривать как этап восстановления кинопроизводства и переориентирования аппарата пропаганды. Война нанесла советской кинопромышленности огромный урон. На возрождение киноотрасли было выделено свыше 500 млн. рублей, однако эта сумма не могла покрыть всех расходов, связанных с укреплением и развитием кинопроизводства. Тем не менее, в докладе министра кинематографии СССР И. Г. Большакова от 24 апреля 1946 г., отразившем чаяния многих ведущих кинематографистов этого периода, утверждалось, что «перед советскими инженерами, техниками и мастерами, работающими в области кинотехники, стоит задача – в течение пятилетки довести ее уровень до уровня американской кинематографии, для чего у нас имеются все необходимые возможности» [5, с. 2150]. Кроме того, предполагалось к концу пятилетнего плана расширить производственную базу до 80–100 фильмов в год, увеличить план производства киноплёнки, а также довести всю киносеть открытого типа до 46,7 тысяч киноустановок [5, с. 2149–2157]. Вопреки амбициозным проектам в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об утверждении плана производства художественных кинофильмов на 1946–1947 гг. и состава Художественного Совета при Министерстве кинематографии СССР» было принято решение об исключении из списка производства 18 предложенных фильмов. Таким образом, уже с 1946 года явно видны тенденции к уменьшению количества кинофильмов. Окончательно курс на послевоенное «малюкартинье» закрепился после рассмотрения вопроса о фильме «Большая жизнь» режиссера Л. Д. Лукова, когда в ходе своего выступления на заседании

Оргбюро ЦК ВКП(б) И. В. Сталин упомянул о недопустимости «недобросовестного подхода постановщиков к изучению того предмета, который они хотели показать» и «недобросовестного отношения к делу, за которое человек взялся, к делу, которое будет демонстрироваться во всем мире» [11, с. 56–57]. Подобная позиция ясно свидетельствовала о предстоящем усилении цензурного контроля и снижении числа фильмов, выпускаемых в прокат. Характерно, что подобная трансформация дала возможность для эффективной контрпропаганды, исходящей от американской стороны: «...предлагаем широкое освещение фактов, подчеркивающих отсутствие свободы творчества и мысли в СССР» [17].

Отдельно следует отметить, что причины «малокартинья» и его последствия трактуется по-разному. Например, в отечественной историографии часто прослеживается мнение, что причины сокращения количества выпуска готовой кинопродукции кроются в усилении контроля и цензурного гнета, а также в практике единоличного рассмотрения всех кинопроектов Сталиным [4, с. 636]. Иные исследователи, напротив, рассматривают эпоху послевоенного кинематографа как начальный период расцвета киноискусства в СССР, подчеркивая небывалое внимание к процессу создания сценариев [8, с. 366]. Однако принятие курса на «малокартинье» связано не только с идеологической составляющей и проблемами отбора кинофильмов, рекомендуемых к прокату, но и с крайне насущным для послевоенного времени вопросе об ассигновании киноотрасли. В частности, пересъемки и остановки съемочного процесса в связи с доработками сценария зачастую приводили к ухудшению качества выпускаемой продукции и к значительному увеличению стоимости готовых картин. Отчасти именно в связи с этим постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О плане производства художественных, документальных и видовых кинофильмов на 1948 год» из производственного плана было исключено еще 10 проектов. Кроме этого, данным документом была официально закреплена установка на выпуск меньшего количества картин с повышением их качества: «решительно повысить качество выпускаемых кинофильмов за счет уменьшения их количества и путем привлечения к постановке фильмов лучших режиссерских и актерских сил» [2, с. 636]. Проблему заполнения репертуарной сетки при этом было решено нивелировать за счет «трофейного кино». Изначально подобные картины, демонстрируемые на советских экранах, характеризовались внеидеологическим, нейтральным нарративом [12, с. 493]. Так, трофейный фильм «Девушка моей мечты», повествующий о жизни эстрадной певицы, несмотря на свой коммерческий успех в прокате, вызвал немало критических отзывов. Тем не менее, практика использования фильмов из «трофейного фонда» в последующие годы продолжилась. Безусловно, в немалой степени «трофейное кино» служило способом повысить доходность кинопроката, чем отчасти и объяснялась лояльность к нему даже в период активной борьбы с космополитами [7, с. 192]. При этом реакция общественности и регулярно возникавшие дискуссии относительно подобных безыдейных игровых фильмов продемонстрировали невозможность отказа от идеологического дискурса даже в рамках развлекательной

кинопродукции. Подобные факты позволяют предположить, что «западная фильмотека» выступала средством контрпропаганды [16, с. 48]. Этому способствовали и вступительные титры, которые, зачастую, не только были призваны ознакомить зрителя с контекстом, но и в той или иной степени переиначить сам смысл фильма. Однако, учитывая смешанное восприятие «трофейного кино» общественностью и горячие споры вокруг него в партийной среде, можно сделать вывод, что подобные кинокартины никогда не играли первоочередной роли в контексте разворачивающейся борьбы за умы.

Между тем, в период 1947–1948 гг. крайне остро стояла проблема тематического и жанрового разнообразия советской антиамериканской кинопропагандистской продукции. Из постановлений о планах производства на 1946–47 и 1948 гг. можно сделать вывод о том, что отклоненные проекты на ближайшие годы по большей части являются биографическими драмами, между тем как сценариев, отражавших актуальную политическую повестку, не хватало. К концу 1948 г. было отснято и выпущено в прокат лишь несколько картин с антиамериканской тематикой – «Русский вопрос» и «Суд чести». «Русский вопрос» режиссера Михаила Ромма, был снят по пьесе Константина Симонова, повествующей об американском журналисте, который, переосмысливая свои взгляды, становится рупором «прогрессивной» части американского общества, открыто выступая против империалистской политики своей страны. Фильм «Суд чести» Абрама Роома также поднимал крайне актуальную для 1948 г. тему борьбы с космополитизмом: по сюжету советские ученые-биохимики, ошибочно полагая, что наука является достоянием мира, делятся своим открытием с американскими коллегами, оказавшимися разведчиками. Обе картины были благосклонно приняты зрителями и отмечены государственными премиями.

По мере нарастания международной напряженности в 1949 г., связанной, с одной стороны, с финальной стадией подготовки к созданию НАТО, а с другой – к испытанию советской атомной бомбы, возникла острая необходимость в проведении централизованной, масштабной идеологической кампании против внешнего врага. Однако, как отмечалось в телеграмме из посольства США в СССР от 19 марта 1949 г. «за прошедший месяц кампания против «безродного космополитизма»... расширилась за счет литературы, музыки, кино, философии... и постепенно приобрела новый поворот и акцент, явно антиеврейский» [19]. Исходя из подобных сообщений, можно сделать вывод, что активное ведение борьбы с внутренними космополитами поставило под угрозу существование одной из главных идеологических советских доктрин, поэтому уже в марте 1949 г. внимание было переключено на утверждение позитивных советских ценностей и разоблачение «буржуазных основ» [14, с. 115]. Подобную переориентацию закреплял «План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время». Данный документ являлся предельно четкой инструкцией по выполнению определенных идеологических задач для представителей средств массовой информации, литераторов, деятелей науки и культуры. Конкретные мероприятия по формированию образа врага в массовой печати и искусстве

подразумевалось выполнить в предельно сжатые сроки. Кинематографу в «Плане мероприятий...» отводился отдельный пункт. Министерству кинематографии СССР во главе с Большаковым поручалось «создать киноочерк по мотивам произведения М. Горького «Город желтого дьявола», а также кинофильм, в основу сценария которого положить книгу А. Бюкар «Правда об американском дипломате»; чаще и шире демонстрировать имеющиеся кинофильмы на антиамериканские темы» [6]. Кроме того, в пункте 15 документа давался полный перечень однозначных предметных тем, которые подразумевалось использовать в качестве основы антиамериканской пропаганды по четырем основным направлениям:

Внешняя политика («США – главный оплот международной реакции»; «Североатлантический пакт – орудие агрессии англо-американского империализма»; «США – международный оплот колониального порабощения и колониальных войн» и т.д.)

Социально-экономическая политика («всевластие крупных монополий в экономике и политике США»; «миф о высоком жизненном уровне всех классов и слоев США»; «наступление американских монополий на жизненный уровень рабочего класса США» и т. д.)

Наука, культура и искусство («кризис просвещения в США»; «наука на службе американских монополий»; «вырождение американской буржуазной культуры» и т. д.)

Духовные ценности («проповедь аморализма и звериной психологии в США»)

Таким образом, в соответствии с «Планом...» демонстрация каких-либо положительных тенденций в государстве противника не допускалось, а сами психологические установки, призванные сформировать в сознании советских граждан образ врага создавались комплексно [14, с. 116]. Следует также отметить, что «План...» является наиболее конкретным и полным документом, регламентирующим выпуск антиамериканской пропаганды за весь период Холодной войны. Именно он определил все тематические установки, которые затем будут использоваться в искусстве, в том числе и кинематографе, в ближайшие десятилетия. Возникает закономерный вопрос: насколько правомерной и эффективной была такая неизменная политика, рассчитанная на долгосрочную перспективу? С одной стороны, методичная работа с конкретными идеями позволяла сформировать у населения определенное отношение к главному противнику СССР в период Холодной войны. Следует также учитывать, что кинематограф, как один из наиболее дорогостоящих и технически сложных видов искусства, зачастую был неспособен оперативно реагировать на внешнеполитическую ситуацию. С другой стороны, отношение властей к художественным экспериментам как в сценарной, так и в режиссерской работе было негативным, что быстро привело к стагнации процессов создания кинопропаганды. Кроме того, подобный подход мало учитывал требования изменчивой эпохи. В пользу последнего утверждения в пример можно привести длительные и, в итоге, безрезультатные попытки экранизации книги «Правда об американских дипломатах» А. Бюкар, работницы американского посольства, попросившей

политического убежища в СССР в 1949 г. Выпуск книги вызвал значительный общественный резонанс и, безусловно, являлся образцом большой и успешной пропагандистской кампании [18]. Изначально её планировалось подкрепить созданием кинофильма. Готовую картину предполагалось выпустить в начале 1950 г., постановка была поручена режиссеру А. П. Довженко, однако судьба проекта оказалась драматической [11, с. 452]. Съемки беспрецедентно затянулись: хотя решение о создании фильма было принято еще в 1949 г., но на первом же этапе сценарной работы возникли трудности, поэтому съемочный процесс стартовал лишь в 1950 г. В результате в апреле 1951 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) кинокартина была официально снята с производства. Подобное неожиданное решение сам Довженко объяснял следующим образом: «Я вспоминаю, когда я работал над «Сумкой дипкурьера», Максим Максимович Литвинов предупредил меня: «Александр Петрович, никогда не беритесь за дипломатов. Посольство – это часть чужой территории на нашей земле, и она неприкосновенна». Я забыл об этом предостережении, и я сейчас справедливо наказан» [3].

Между тем нельзя утверждать, что советское государство перестало испытывать необходимость в идеологически выверенных кинопроектах. В 1949 г. на экраны выходит «Академик Иван Павлов» режиссера Г. Л. Рошалы и «Встреча на Эльбе» Г. А. Александрова – один из наиболее значимых как в идеологическом, так и в художественном отношении фильмов периода «малюкартинья». Для этой кинокартины о дружеских взаимоотношениях между советским и американским солдатам в послевоенной Германии, которые вынуждены противостоять козням ЦРУ, характерны и явные сюжетные повороты, и скрытый символизм, подчеркивающий откровенную полярность между недавними союзниками: «фильм заканчивается тем, что на Эльбе разводятся мосты, закрываются границы между Западом и Востоком. Герои картины – друзья майор Кузьмин и майор Джеймс Хилл остаются на разных берегах» [1, с. 292]. Антиамериканский подтекст картины был одобрен, но, тем не менее, на этапе обсуждения готовой работы Александрову не удалось избежать обвинений в излишне уважительном отношении к немцам. «На этом заседании много говорилось о том, что вчерашние враги – немцы, дескать, показаны чересчур уважительно. Но ведь в фильме «Встреча на Эльбе» речь шла не о немцах вообще, а о представителях разных сословий и классов, о притаившихся после разгрома гитлеровского рейха нацистах и сторонниках свободной демократической Германии» [1, с. 297]. Однако после одобрения работы Александрова Сталиным «Встреча на Эльбе» вышла на экраны и стала лидером проката за 1949 г.

К 1950 г. наступает второй этап послевоенной эпохи антиамериканской пропаганды на советском экране. Он характеризуется непрерывной реорганизацией и перестройкой самого аппарата пропаганды, а также постепенным отходом от жесткой политики «малюкартинья». Подобные трансформации связаны как с внутренней спецификой развития последнего периода сталинской эпохи, так и с глобальными внешнеполитическими изменениями. Полномасштабные боевые действия, начатые в Корее 25 июня 1950 г., привели не только к нарастанию

международной напряженности, но и к эскалации образа врага. Внешнеполитические перемены потребовали и новых трансформаций внутри системы, что привело к мероприятиям по перестройке аппарата пропаганды. Так, реорганизации отдела пропаганды и агитации, отражавшие процессы централизации и специализации для ужесточения критики Запада, были проведены в январе 1951 г. и январе 1953 г. [14, с. 164] Следует отметить, что в период 1950–1953 гг. проблема системного выпуска кинофильмов также была подвергнута пересмотру. Несмотря на то, что окончательное завершение эпохи «малокартинья» обычно связывается со смертью И. В. Сталина и датируется концом 1953 – началом 1954 гг., некоторые сдвиги в данном вопросе наблюдаются уже с начала 1950-х гг. Статистика 1949 г. показала, что большая часть запланированных проектов выходят со значительным опозданием и не могут удовлетворить зрительских запросов [5, с. 2222]. Среди прочего также отмечалось отсутствие притоков новых молодых режиссерских кадров и плохая организация работы киностудий [5, с. 2224–2225]. При этом среди населения стабильно продолжал падать спрос на иностранные фильмы, а также советские кинокартины выпуска прошлых лет [5, с. 2231]. Это свидетельствует о том, что к 1951 г. практика использования «трофейного кинематографа» для увеличения количества сеансов и привлечения зрителей в кинотеатры окончательно себя изжила. После нескольких докладных записок министра кинематографии СССР Большакова о необходимости расширения кинопроизводства в 1952 г. началась подготовка документов о развитии киноотрасли. В том же году увеличение количества выпускаемых фильмов в союзных республиках было подтверждено постановлением ЦК КПСС [5, с. 2260–2292]. Тем не менее, эти меры были довольны запоздалым. Неудовлетворительное состояние киноотрасли в первые послевоенные годы, а также ориентация на крайне ограниченное количество кинофильмов в сочетании с систематическими срывами производственного плана привела к тому, что изначальное преимущество Советского Союза на фронтах идеологической борьбы было потеряно. Для сравнения необходимо привести следующие показатели: с 1945 г. кинокомпании США стабильно выпускали в прокат около 400 фильмов в год [21, с. 44]. Советское же кинопроизводство по сравнению с такой статистикой демонстрировало крайне низкие показатели: в 1949 г. было выпущено 18 фильмов, в 1950 – 13, в 1951 г. – 9 фильмов (считается пиком «малокартинья») [13, с. 182]. С 1952 г. количество выпускаемых игровых советских фильмов, в том числе и кинопропаганды, начинает расти. В целом, к периоду 1950-1953 гг. можно отнести следующие картины с антиамериканской направленностью: «Секретная миссия» (М. Ромм, 1950), «Заговор обреченных» (М. Калатозов, 1950), «Серебристая пыль» (А. Роом, 1953), «Застава в горах» (К. Юдин, 1953) и два фильма Владимира Брауна: «В мирные дни» (1950) и «Максимка» (1952).

Важно подчеркнуть, что идеологический контекст подобных фильмов строился на определенных конструктах, которые хорошо прослеживаются и в более ранние периоды. Не только идеологическая, но и мировоззренческая парадигма советского и американского общества к проявлениям «инаковости» обострилась еще в

довоенные годы [16, с. 45]. При этом переход образа «чужого» к образу «врага» в начале Холодной войны предопределил и определенные способы демонстрации США на экране. Становление образа «американского врага» в советском кинематографе, несмотря на малое количество выпущенных картин, произошло достаточно быстро. Крайне значимым в этом контексте является «План мероприятий...» 1949 г., который может номинально рассматриваться как точка отсчета для более реакционного наступления на идеологическом фронте, тезисно оформляя основные пункты пропагандистской атаки. Показательно, что именно после появления этого документа в советской кинопропаганде начинает проявляться одна из ключевых особенностей кинематографического нарратива Холодной войны – отождествление американского врага с врагом-нацистом. Это превращение осуществлялось при помощи определенных сюжетных линий, которые неизбежно заканчивались выявлением сговора классово чуждых американцев с нацистами [13, с. 183]. Наиболее ярким примером может послужить сюжет «Встречи на Эльбе», где главный герой обнаруживает нацистский заговор, организованный и осуществленный американской разведчицей.

Параллельно с отождествлением американского врага с нацистом в послевоенной пропаганде представлена еще одна установка, затем нашедшая свое отражение и в более поздних конфронтационных картинах. Базисом для нее является классовая доктрина, в соответствии с которой персонажи всех кинофильмов эпохи были явственно разделены на классово чуждых личностей, отождествлявшихся с абсолютным злом (бизнесмены, сенаторы, генералы, дипломаты) и «делегированных представителей народа» [13, с. 184]. В соответствии с подобной дихотомией и выстраивались сюжетные повороты, всегда призванные привести к одному финалу – торжеству справедливости и победе над «прогнившей капиталистической системой». Очевидно, что в этом контексте разделение на «своих» и «чужих» проводилось не в соответствии с национальностью, а с идейной принадлежностью и мировоззрением. Тем не менее, в рассматриваемый период в кинопропаганде практически не встречается изображение «советского антагониста». Попытки продемонстрировать «идейные заблуждения» некоторых граждан СССР можно выявить лишь в фильме «Суд чести», выход которого фактически являлся стартом кампании по борьбе с космополитизмом. В прочих же работах отрицательным персонажем всегда выступает именно американец. Тем не менее, западные герои появлялись в советских фильмах и в виде протагонистов, если ли они явно проявляли антиимпериалистические и антибуржуазные взгляды или прямо поддерживали коммунистические идеи [15, с. 138]. Отметим, что подобный кинонарратив был, с одной стороны, весьма свойственен требованиям эпохи, а с другой – хорошо отражал ее суть. Окончательное становление биполярной системы предполагало четко обозначенную границу, разделяющую мир в соответствии с идеологическими установками. Так, превалирующее количество фильмов, действие которых происходило за пределами Советского Союза, были призваны не только отразить реалии «буржуазной системы», но и продемонстрировать схватку за умы и сердца между капиталистической и

коммунистической моделями. Действительно, как отмечал в своей телеграмме от 1 февраля 1950 г. посол США в СССР Алан Кирк «тема экономического «кризиса» в капиталистическом мире привлекает большое внимание» [20]. Исходя из этого, еще одной характерной отличительной чертой кинематографа рассматриваемого периода является его тотальная идеологизация. В соответствии с доктриной «нет искусства ради искусства» антиамериканские игровые кинокартины по своей сюжетной структуре были полностью подчинены первоочередным задачам первого этапа Холодной войны – демонстрации агрессивных намерений противника и фундаментальных противоречий между соперничающими странами. Сюжетные конструкторы, заложенные в таких фильмах, могли быть одномерными и примитивными, а их жанровая структура – ослабленной. Зачастую сценарные ходы, связанные со шпионскими интригами, были просты и никак не развивали сюжет [13, с. 184]. Однозначность при интерпретации, отсутствие витиеватых, переплетенных конструкций сюжета и конфликтных линий, максимально упрощенная структура повествования и четкое контрастное разделение персонажей на положительных и отрицательных героев («своих» и «чужих») была призвана создать образ врага, который бы соответствовал уже устоявшимся представлениям о внешнеполитическом противнике.

Подводя итоги, необходимо отметить, что еще с момента создания советского государства игровой кинематограф стал важным инструментом для агитации и пропаганды, а с началом Холодной войны приобрел исключительную значимость в контексте идеологической борьбы. Анализируя стартовый потенциал лидеров глобального противостояния нельзя не отметить, что материальный и кадровый ущерб, нанесенный СССР в годы войны, фактически отбросил советскую киноотрасль на десятилетие назад, в связи с чем развертывание полномасштабной пропагандистской атаки в художественном кинематографе было замедлено. Курс на «малюкартинье», в этой ситуации, с одной стороны, еще больше способствовал оскудению кинопродукции, с другой же – позволил за 7 лет преодолеть серьезный кризис киноотрасли. При этом рассмотрение немногочисленных примеров антиамериканской кинопропаганды указанного периода позволяет делать вывод о формировании в ее нарративе образа врага, наделенного определенными характеристиками. Несмотря на принятые пропагандистские установки, утвержденные в 1949 г., кинопропаганда сталинской эпохи по-прежнему демонстрировала достаточную гибкость для быстрой адаптации под меняющиеся внешне и внутрисполитические реалии, чего нельзя сказать о дальнейших периодах Холодной войны на экране.

Список использованных источников и литературы

1. Александров Г. В. Эпоха и кино. – 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1983. – 336 с.
Aleksandrov G. V. Јероха i kino. – 2-e izd., dop. – М.: Politizdat, 1983. – 336 s.
2. Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999 – 872 с.
Vlast' i hudozhestvennaja intelligencija: dokumenty СК РКР(б)–ВКР(б), VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoj politike. 1917–1953 / sost. A. Artizov, O. Naumov. М., 1999 – 872 s.

3. Довженко А. Операция без наркоза / Публикация Т. Деревянко // Искусство кино. – 1996. – № 9. [Электронный ресурс]. – URL: <https://chapaev.media/articles/3979>
Dovzhenko A. Operacija bez narkoza / Publikacija T. Derevjanko // Iskusstvo kino. – 1996. – № 9. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://chapaev.media/articles/3979>
4. Зоркая Н. М. История советского кино. – СПб.: Алетейя, 2005.
Zorkaja N. M. Istorija sovetskogo kino. – SPb.: Aletejja, 2005.
5. История киноотрасли в России: управление, кинопроизводство, прокат/ред. В. И. Фомин. – М.: Минкульт РФ, ВГИК, 2012. – 2759 с.
Istorija kinootrasli v Rossii: upravlenie, kinoproizvodstvo, prokat/red. V. I. Fomin. – M.: Minkul't RF, VGIK, 2012 – 2759 s.
6. План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время. Документ Агитпропа ЦК от 01.03.1949. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577>
Plan meroprijatij po usileniju antiamerikanskoj propagandy na blizhajshee vremja. Dokument Agitpropa CK ot 01.03.1949. [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577>
7. Ряпусова Д. Н. «Что сегодня нам покажет товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 1(21). – С. 185–196.
Rjapusova D. N. «Chto segodnja nam pokazhet tovarishh Bol'shakov?»: problemy poslevoennogo ural'skogo kinoprokata v svete stalinskoj kinopolitiki // Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. – 2013. – № 1(21). – S. 185–196.
8. Садуль Ж. История киноискусства от его зарождения до наших дней / пер. с 4-го франц. изд. М.К. Левиной; под ред. Г. А. Авенариуса. – М.: Инлитиздат, 1957. – 313 с.
Sadul' Zh. Istorija kinoiskusstva ot ego zarozhdenija do nashih dnei / per. s 4-go franc. izd. M.K. Levinoj; pod red. G. A. Avenariusa. – M.: Inlitzdat, 1957. – 313 s.
9. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. – М.: Институт внешнеполитических исследований, Кучково поле, 2013. – 416 с.
Sonders F. CRU i mir iskusstv. Kul'turnyj front holodnoj vojny. – M.: Institut vneshnepoliticheskikh issledovanij, Kuchkovo pole, 2013. – 416 s.
10. Сталин И. В. Сочинения. – Т. 16. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – 463 с.
Stalin I. V. Sochinenija. – T. 16. – M.: Izdatel'stvo «Pisatel'», 1997. – 463 s.
11. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005. – 768 с.
Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK / pod obshh. red. A. N. Jakovleva; sost. D. G. Nadzhafov, Z. S. Belousova. – M.: MFD: Materik, 2005. – 768 s.
12. Танис К. А. Послевоенная система кинопроката, Трофейное кино и «советская общественность» // Культура и власть в СССР в 1920–1950-е годы: Материалы IX международной научной конференции. Санкт-Петербург, 24–26 октября 2016 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2017. – С. 488–497.
Tanis K. A. Poslevoennaja sistema kinoprokata, Trofejnoe kino i «sovetskaja obshhestvennost'» // Kul'tura i vlast' v SSSR v 1920–1950-e gody: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 24–26 oktjabrja 2016 g. M.: Politicheskaja jenciklopedija; Prezidentskij centr B. N. El'cina, 2017. – S. 488–497.
13. Туровская М. И. Фильмы 1930–1950-х годов как документы эмоций времени // Россия и современный мир. – 2004. – № 1 (42). – С. 181–192.
Turovskaja M. I. Fil'my 1930–1950-h godov kak dokumenty jemocij vremeni // Rossiya i sovremennyj mir. – 2004. – № 1 (42). – S. 181–192.
14. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг.: Монография. / Отв. ред. Петрова Н. К.; Ин-т рос. истории РАН, 1999. – 261 с.
Fateev A. V. Obraz vruga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg.: Monografija. / Otv. red. Petrova N. K.; In-t ros. istorii RAN, 1999. – 261 s.

15. Федоров А. В. Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. – М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2017. – 389 с.

Fedorov A. V. Otrazhenija: Zapad o Rossii / Rossija o Zapade. Kinoobrazy stran i ljudej. – M.: Izd-vo MOO «Informacija dlja vseh», 2017. – 389 s.

16. Юдин К. А. Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 – начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 4(18). История. – С. 39–52.

Judin K. A. Kinematograf v kontekste sovjetsko-amerikanskih otnoshenij nakanune i v period «holodnoj vojny» (vtoraja polovina 1920 – nachalo 1950-h gg.) // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki. – 2018. – Vyp. 4(18). Istorija. – S. 39–52.

17. Foreign Relations of the United States, 1948, Eastern Europe; The Soviet Union, Volume IV, eds. Gleason S., Aandahl F., (Washington: Government Printing Office, 1974), Document 538.

18. Foreign Relations of the United States, 1949, Eastern Europe; The Soviet Union, Volume V, eds. Slany W., Churchill R., (Washington: Government Printing Office, 1974), Document 335.

19. Foreign Relations of the United States, 1949, Eastern Europe; The Soviet Union, Volume V, eds. Slany W., Churchill R., (Washington: Government Printing Office, 1974), Document 345.

20. Foreign Relations of the United States, 1950, Central and Eastern Europe; The Soviet Union, Volume IV, eds. Gleason S. Aandahl F., Slany W. (Washington: Government Printing Office, 1980), Document 597.

21. Scott A. Hollywood and the world: the geography of motion-picture distribution and marketing // Review of International Political Economy. – 2004. – №11 (1). – P. 33–61.

Prosolova E. V. Anti-American Propaganda in the Soviet Feature Cinema at the First Stage of the Cold War (1946–1953)

This article examines the history of the ideological struggle in the Soviet cinema in the period from 1946 to 1953. A particular attention is paid to the study of the era of «malokartinye» as a stage in the history of Soviet cinema, which influenced the further formation of the organization and control system over the release of film propaganda products. It analyzes post-war cinema as a phenomenon that contains several interrelated elements and due to this is one of the most effective means of influence on the population in order to form the image of the enemy. The main tasks of creating anti-American film propaganda in 1946–1953 are determined in accordance with the foreign policy situation and the goals facing the Soviet leadership in this period.

The conducted research allows the author to draw the conclusion on the formation at the indicated stage of a structured film narrative containing the image of the «American enemy».

Keywords: Cold War, Soviet cinema, propaganda, enemy image, «malokartinye»

УДК 355.425.4 «1942» (47)КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-142-150

«СПЕЦЗАДАНИЕ-42». К ВОПРОСУ РАЗВЕРТЫВАНИЯ КРЫМСКОГО ПОДПОЛЬЯ ЛЕТОМ 1942 ГОДА

Ткаченко С. Н.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
г. Тула, Российская Федерация
E-mail: tkserg2018@yandex.com*

Подпольная борьба крымчан в годы немецко-румынской оккупации Крыма (1941–1944), несмотря на определенный круг исследований, крайне слабо изучена. Особое место в этом имеет взаимосвязь подполья и партизанских формирований, и в частности роль последних в становлении патриотического сопротивления через подпольные формы борьбы. В данной статье раскрыт смысл и значение мероприятия, ставшего важнейшим примером такого взаимодействия – «Спецзадание-42», и его место в развертывании деятельности подпольщиков во второй половине лета 1942 года. В целом, указанные в статье обстоятельства позволяют говорить о явном провале замысла «Спецзадания-42», которое хотя и избавило партизанские отряды от части небоеспособных людей, но не повлияло на действительное расширение подпольного движения. Подполье расширилось благодаря самостоятельной деятельности групп советских патриотов и работе партийных уполномоченных, посланных в оккупированные населенные пункты весной и в начале лета 1942 года. А партизанские формирования все равно пришлось переформировывать и частично эвакуировать на «Большую землю».

Ключевые слова: подполье, Крым, оккупанты, партизанское командование, эвакуация.

История подпольного движения на оккупированной территории Крыма изучалась явно недостаточно, и многие проблемы этого патриотического процесса оставались без внимания историков. Это относится к процессу развертывания подпольных организаций во второй половине лета 1942 года. В советский период историографии делался акцент на партийном руководстве подпольем, совершенно не рассматривались упущения и недостатки этого процесса. А то, что явные неудачи летом 1942-го, имели место – не подвергалось сомнению в устной традиции и нарративных источниках. Но обобщающие работы по истории крымского партизанского и подпольного движения, вышедшие как в советское, так и постсоветское время, мало уделяют внимания этим событиям, кроме фрагментарных упоминаний [1, с. 214; 12, с. 96; 13, с. 252; 21, с. 65]. Именно такие упоминания, например [22, с. 71], дают искаженную информацию, создав ложный конструкт из двух разных явлений – в общем плане, это звучит так, что летом 1942 года из партизанских отрядов были посланы на подпольную работу около 400 человек; возникло множество подпольных групп осенью того же года. Однако этот процесс был не всегда и не везде взаимообусловлен, имел протяженность около двух месяцев, связан с другими крупными, но малоизвестными, событиями –

массовой голодовкой в партизанском лесу и попытками эвакуации крымских партизан морским путём, и очень важен во всей истории сопротивления крымчан немецко-румынским оккупантам, а в целом был просчетом, что поняло командование партизан уже в процессе проведения самого специального задания.

Обстановка на вторую половину лета 1942 г. характеризовалась несколькими процессами. Крым оказался в глубоком тылу противника. В ходе месячной войсковой операции «Schwarz Schatten» (12.7. – 12.8.1942 г.) по «большому прочесу» лесов Юго-Западного, Центрального и Восточного Крыма оккупанты и их пособники, несмотря на огромный расход сил и средств, поставленных целей не достигли. Их потери в общей сложности составили, по оценке партизан, не менее 2000 человек [5, л. 335]. При этом общие боевые потери трех партизанских районов не превысили 100–120 бойцов (несмотря на хвалебные доклады карателей – в их отчетах численность партизан была намного выше реальной, хотя, возможно, за счет партизан выдано местное население, с которым расправились каратели). Но в ходе оборонительных боев и вынужденного маневрирования отрядам пришлось поспешно оставлять свои стоянки, в результате чего карателям с помощью «знатоков леса» из местных предателей удалось найти и вывезти почти все с огромным трудом заготовленные продовольственные запасы, средства МТО и боеприпасы. Повсеместно была приведена в негодность кухонная утварь и личная посуда, шанцевый инструмент, взорваны землянки, сожжены шалаши и загажены источники питьевой воды, что серьезно осложнило положение партизанских сил в последующие месяцы. Оккупационная администрация в августе во всеуслышание объявила, что с партизанским движением в Крыму покончено. Но результаты карательной операции не были приведены в оккупационной прессе – в изученных автором настоящей статьи номерах газеты «Голос Крыма» за июль - август нет даже упоминаний о партизанах (во время других «прочесов», например в конце 1943 года, антипартизанская тематика не сходит с газетных полос).

К завершению «большого прочеса» в трех партизанских районах оставалось немногим более 1500 бойцов, в том числе относительно боеспособных всего 712, из них: в 1-м районе – всего 480, из них боеспособных 300, во 2-м – соответственно 500 и 162, в 3-м – 530 и 250 человек, и общая численность боеспособных бойцов продолжала уменьшаться [8, л. 98–100]. Как отметил в докладе Военному совету Черноморской Группы Войск Закавказского фронта от 18.10.1942 г. командующий Партизанским движением в Крыму полковник М. Т. Лобов: «...После июльских боев партизаны лишились своих скудных запасов продовольствия. Отряды вступили в полосу голода... События на Советско-Кавказском фронте не дали возможности подбрасывать продовольствие воздухом. В отрядах появились больные на почве голода. Начались случаи смертности. Командование Центра (Главного штаба партизан Крыма. – Т. С.) издало ряд приказов и директив, в которых требовало не сидеть, сложа руки, и ждать помощи с воздуха, а идти в населенные пункты и с боем доставать продовольствие. Положение усугублялось тем, что в предгорных деревнях совершенно не было продовольствия» [4, л. 160, 162].

Партизанские отряды, базировавшиеся в горнолесной части полуострова, продолжали действовать в окружении населенных пунктов, значительная часть населения которых относилась к партизанам враждебно. Партизанская зона, особенно на флангах группировки, существенно сократилась, при этом партизанские формирования под давлением оккупантов и набравших силу формирований коллаборационистов оказались сосредоточенными в трех локальных изолированных районах: Крымском заповеднике, Зуйских и Судакских лесах. Такое компактное расположение партизанских сил облегчило оккупантам установление жесткой блокады и проведение противопартизанских мероприятий.

В отрядах продолжалась вторая с начала оккупации длительная голодовка. В крымском лесу с 9 августа снова, как и зимой-весной 1942 года, появились случаи смерти от голода, из-за отсутствия медикаментов умирали раненные [14, с. 259–260, 266–267]. Хотя в апреле – июле 1942 года на «Большую землю» армейской и флотской авиацией было вывезено более 120 человек, несколько раз полеты в Крым прекращались. Но таких долгих перерывов еще не было. К августу уже больше месяца не прилетали самолёты для заброски продуктов и эвакуации раненых.

Из-за большого количества истощенных небоеспособных бойцов, женщин, стариков и детей, число которых достигало 65–70% от общего состава, отряды утратили маневренность, а сокращение запасов боеприпасов всех видов до критического уровня стало одной из причин почти полного прекращения боевой деятельности партизан: «...По существу отряды в августе - сентябре никакой боевой деятельностью не занимались...» [4, л. 161]. Физических сил едва хватало на вынужденное проведение продовольственных операций, в большинстве своем заканчивавшихся без результатов [14, с. 266].

Эти неблагоприятные обстоятельства на фоне оставления советскими войсками Керчи и Севастополя стали причиной утраты многими партизанами перспективы и, как следствие, привели к снижению уровня политико-морального состояния, в том числе также у определенной части командного и политического состава отрядов и партизанских районов. На почве этого в партизанской среде появились эвакуационные настроения, случаи упадничества, дезертирства и даже предательства. Основными заботами партизанского командования стали наличие чрезмерного количества небоеспособных и необходимость решения проблемы их эвакуации на «Большую землю» по воздуху – авиацией Северо-Кавказского фронта и морем – плавсредствами Черноморского флота, а также отправив основную массу небоеспособных партизан в населенные пункты степной части Крыма «на подпольную работу».

В августе–сентябре 396 человек были отправлены из леса на эту «подпольную работу», которая не была обеспечена соответствующим образом, хотя и носила название операции «Спецзадание-42». Многие из отправленных просто погибли, попав в руки оккупационных властей и спецслужб [18, с. 213]. Ставка же партизанского руководства делалась на уменьшение числа неактивных партизан – потенциальных «едоков». 1 марта 1944 года в беседе с секретарем Крымского ОК ВКП(б) В. С. Булатовым комиссар партизанской бригады Т. Г. Каплун по вопросу

посылки партизан в степные районы сказал: «Настоящей посылки в тыл партизан не было. Это дело проводилось не с целью завязать прочную связь, не с целью насадить там людей, а чтобы избавиться от лишних. С людьми основательно не условились о месте явки, сроках, средствах связи, и, как правило, связь с ними была утрачена с первых же дней посылки. Отбор этих людей тщательно не проводился. Не учитывались моменты, когда человека посылали в тот район, где его все знали. Практический результат от посылки людей мизерный...» [2, с. 16–17].

Однако, надо отметить, что такое решение было принято только после горячих споров среди командования, находящегося в лесу [19, с. 99–100]. В результате, из-за крайне неустойчивой связи, неопределенности решения вопроса о возобновлении эвакуации и продолжавшегося увеличения количества истощенных партизан командование 3-го района (начальник Г. Л. Северский и комиссар В. И. Никаноров) самостоятельно приняло решение «разгрузить отряды... от ставших не только обузой для отрядов при их маневрировании, но и препятствием в создании запасов продовольствия...» [4, л. 192]. О своем решении Северский и Никаноров информировали командующего крымскими партизанами М. Т. Лобова, получили его разрешение, и уже с 27 июля 1942 г. началась выборочная отправка пока еще «добровольцев» в степь, в основном, в те административные районы и населенные пункты, из которых они уходили в партизанские отряды. Командующий Партизанским движением в Крыму и обком ВКП(б) имели достаточно «руководящих указаний» и своих решений, и в результате сложившихся обстоятельств были подготовлены к возможной «разгрузке отрядов». Решая таким образом проблему, представители Главного штаба Партизанского движения в Крыму и Крымского ОК ВКП(б) формально активизировали действия патриотических сил сопротивления в степных районах полуострова, выполняя таким образом «политическую работу», и практически – избавляли отряды и руководство «от обузы», отправляя на «подпольную работу» в основном небоеспособных партизан, женщин, стариков и детей.

Согласно «Списка партизан, направленных в августе – сентябре 1942 г. из партизанских отрядов в тыл противника по «Спецзаданию–42»» от 6 апреля 1944 г., имеются данные на 331 партизана [6, л. 1–52]. Согласно этому документу на подпольную работу из партизанских отрядов были отправлены 66 женщин; в числе партизан других национальностей 30 человек были татарами. Используя эти данные, с достаточной степенью достоверности можно сделать вывод, что в общем числе направленных в степные районы (396 чел.), женщины составляли 20% (около 80 чел.), татары - 10% (около 40 чел.). Кроме того, известно, что из общего числа 172 партизана были членами и кандидатами в члены ВКП(б) (43%) [16, с. 204]. Как установлено, из 396 человек 216 партизан были отправлены из 3-го района и 140 и 40 человек – из 2-го и 1-го районов соответственно.

«Подпольщики» не были знакомы с основами конспиративной работы и направлялись «в степь» в большинстве случаев без документов, денег, в одежде, пропахшей дымом костров, с крохами продовольствия и с единой для всех «легендой»: «беженцы из занятого немцами Севастополя, идем на поиски

родственников». Задача – осесть в населенных пунктах степных районов Крыма, легализоваться и проводить разведывательно-диверсионную работу в интересах партизанского движения. Однако в результате предательства документы по таким «подпольщикам» из 3-го района попали в симферопольское отделение СД. Все звенья оккупационной системы были своевременно оповещены, и повсеместно на полуострове карательные органы в кратчайшие сроки были подготовлены к встрече «беженцев из Севастополя». По словам оставшихся в живых подпольщиков: «Каратели ждали нас везде!» [9, л. 44]. Только несколькими «посланцами из леса» удалось легализоваться и создать подпольные группы, и этому способствовала этническая составляющая. Так, в Симферополе и районе возникла разветвленная организация «дяди Володи» – Абдуллы Сейдамета Дагджи [10, л. 4, 20]. Она первоначально действовала самостоятельно, лишь в мае 1943 года партизаны установили с ней регулярную связь. Организации «дяди Володи» удалось привлечь на свою сторону целый ряд крымских татар и создать подпольные ячейки в крымско-татарском госпитале, театре, на ряде предприятий, в нескольких добровольческих подразделениях, в полиции и даже в татарском комитете Ялты. Вследствие плохой конспирации организация была обнаружена в июне 1943 г., ее руководители и многие активисты арестованы и погибли, и главную роль в ликвидации сыграла слаженная работа румынской военной контрразведки и оккупационной полиции порядка.

Иногда упоминается, что стали действовать подпольные группы, созданные П. Т. Очиговым, К. П. Кобзевым, Р. В. Юрченко [12, с. 96]. Однако следует отметить, что П. Т. Очигов до 1 сентября был уполномоченным особого отдела Ак-Мечетского отряда и отправлен в Карасубазарский район для организации подполья именно по линии НКВД, а не партийной структуры, курировал его работу начальник оперативно-чекистской группы в партизанском лесу Ф. А. Якустиди [10, л. 26]. К. П. Кобзев, 1895 г.р., по именным спискам партизан проходит как боец, затем командир Джанкойского отряда с ноября 1941 г. и числился в рядах партизан до 20 апреля 1944 года, а Р. В. Юрченко, 1904 г.р., боец Симферопольского №1 отряда с ноября 1941 г., действительно отправлен на спецзадание в сентябре 1942 года. При этом из документов организатора подполья И. Г. Генова видно, что К. П. Кобзев отправлен им (под партийной кличкой «Яков»), по линии ВКП(б), но не уполномоченного партии, а, видимо, в связке с таким парторганизатором [10, л. 18, 32]. Р. В. Юрченко в списках подпольщиков по итогам работы Комиссии по подпольным организациям (1944–1945 гг.) не значится, групп, созданных им, не зафиксировано [10, л. 2–62].

Тем не менее, по общим данным, летом в Крыму возникло 38 групп подпольщиков, насчитывающих около полутора сотни человек. Осенью 1942 г. появилось 18 новых подпольных организаций и групп, а всего к началу 1943 г. на полуострове их уже действовало 106 с численностью более 1300 человек [10, л. 22, 27, 29, 35]. В Симферополе, поскольку он был административным и военным центром Крыма, активно вели работу более десяти подпольных групп и организаций. Во второй половине 1942 г. появились группы в Севастополе, Ялте,

семи районах полуострова. В основном это были самодеятельные организации патриотов, коммунистическое партийное подполье в это время было весьма ограничено в численности. Не у всех был опыт подпольной работы, а тем более налаженные каналы связи, в первую очередь с партизанами. В середине лета 1942 года в связи с ужесточением оккупационного режима работа коммунистического и патриотического подполья крайне осложнилась. Провал следовал за провалом. Выданные предателями из местного населения погибли руководители Зуйского подполья В. Ф. Младенов и Н. В. Чебышев, были арестованы и расстреляны несколько рядовых подпольщиков. Очень тяжело происходило оседание в Сейтлерском районе руководителя местного подполья, бывшего председателя райисполкома И. С. Дьяченко в течение летних месяцев 1942-го. Однако, несмотря на объективные трудности, по данным организатора подполья И. Г. Генова, по состоянию на 1 сентября 1942 г. в Центральном и Восточном Крыму: «... работали 15 райпартуполномоченных. Создано 37 групп советских патриотов, насчитывавших 126 человек актива, охвативших своим влиянием 72 населенных пункта и 3 города. Этими организациями с апреля по сентябрь 1942 г. распространено среди населения 9 тыс. экземпляров различных советских газет и 16 наименований листовок в количестве 14 тыс. экземпляров» [3, л. 19]. Ими было добыто значительное количество ценной разведывательной информации, которая через радиостанции партизанских формирований передавалась на «Большую землю». Список райпартуполномоченных вполне исчерпывающий [10, л. 17].

К началу сентября в трех партизанских районах осталось около 700 партизан, в том числе 250–300 человек небоеспособных, подлежащих срочной эвакуации на «Большую землю». В лесу продолжалась длительная (более 50 суток) голодовка. Продовольствия в прилесных селах добыть было невозможно, если же вылазки за продуктами в какой-то степени удавались, то заготовители несли при этом большие потери. Продолжалось «Спецзадание–42».

Но и эта операция всех проблем не решила. Как отметил 2 сентября в своем дневнике И. Г. Генов: «Впереди опять голодная и холодная зима. А партизаны одеты и обуты по-летнему. Одежда и обувь изнашивались так, что мы выглядим оборванцами. Наши портные и сапожники ничем помочь не могут – нет материала. У многих на ногах намотано тряпье, обвязанное веревками. Все грязные. Такой вид уже никого больше не удивляет. Мыла давно нет. Во время умывания трем руки глиной или шершавым камнем. Летом партизаны купались в горных речках. Теперь же в холодной воде не выкупаешься...» [11, с. 253].

1 сентября с целью подъема боеспособности и манёвренности крымских партизан Военный совет Северо-Кавказского Фронта постановил произвести эвакуацию из крымских лесов всех раненых и тяжелобольных партизан в четыре приёма с 3 по 21 сентября 1942 г. плавсредствами Черноморского Флота и санитарными самолётами. Одновременно с эвакуацией планировалась ежедневная выброска продовольствия самолётами [18, с. 135].

Но основная роль в эвакуации была отведена кораблям Черноморского флота, в частности катерам и подводным лодкам, хотя некоторые руководители

партизанским движением настаивали на проведении эвакуации воздухом [11, с. 248, 255]. Две попытки эвакуировать партизан морем (3-й район – 13–28.08.1942 г. и 2-й район – 22–28.08.1942 г.) из-за организационных неурядиц оказались неудачными, что вызвало большие сомнения в возможности успешного проведения таких мероприятий в будущем. Все надежды были на фронтовую авиацию, но и они могли рухнуть из-за осенней непогоды.

Несмотря на неоднократные попытки и настоятельные просьбы командования партизан Крыма об оказании срочной продовольственной помощи и продолжении эвакуации воздухом с помощью тяжелых транспортных самолетов, представители фронтового командования предприняли шаги к продолжению вывоза морем. Черноморский флот выделил одну из самых крупных подводных лодок Д-5 типа «Декабрист», которая за два-три рейса должна была вывезти остатки 1-го и 3-го районов, подлежащих эвакуации на Кавказ. Но эвакуация морем с ее помощью не удалась, походы Д-5 были неудачными [20, с. 133, 152, 190].

Всего в течение двух месяцев (13.08. – 9.10.1942 г.) было проведено пять попыток вывезти партизан морем, в ходе которых пять сводных групп из различных отрядов под командой наиболее опытных командиров были оторваны от ведения активных боевых действий и заготовки продовольствия [19, с. 102–103]. Личный состав, принимавший участие в изнурительных походах к морю, оказался частично деморализованным, до предела изнуренным и ослабленным, что в ходе продолжавшейся второй длительной голодовки способствовало увеличению смертности. Безвозвратные потери составили 52 человека, в том числе 12 партизан умерли, не выдержав тяжелых переходов к морю и обратно, шесть бойцов пропали на маршрутах, двое обессиленных закончили самоубийством и шесть партизан захвачены в плен. Кроме того, 10 партизан были тяжело и 12 легко ранены (подсчитано автором по [8]). Однако эвакуация морем в полном объеме не удалась, лишь в ночь с 4 на 5 октября 1942 г. двумя катерами – морскими охотниками из района мыса Кикенеиз было вывезено 78 человек [7, л. 32–34]. Всего в ходе этой попытки на Кавказ смогли вывезти партизан из состава 3-го района, при этом некоторые бойцы из группы обеспечения совершили посадку на катер самовольно, а пять бойцов из группы прикрытия, подлежащие эвакуации, не успели спуститься на берег к отходу катеров, и возвратились в партизанский лагерь [15, с. 133].

23 октября 1942 года Военный Совет Черноморской группы войск Закавказского фронта принял постановление «О мероприятиях по укреплению партизанских отрядов Крыма и активизации их боевой деятельности», в одном из пунктов которого записано: «...на зимний период 1942–1943 гг. оставить в Крымских лесах 300-350 человек, создав из них шесть партизанских отрядов во главе с Оперативным Центром» [18, с. 177–178]. Этим постановлением командующим партизанскими отрядами Крыма был утверждён Г. Л. Северский. 25 октября 1942 года Оперативный Центр издал приказ, которым ликвидировал районы и создал два сектора. Фактически «Спецзадание-42», постепенно свернутое в ходе осенних эвакуаций, стало историей.

Анализ подготовки и проведения спецоперации, а также свидетельства непосредственных участников и очевидцев происходившего позволяют сделать вывод о том, что одной из главных целей определенной группы в командовании партизанским движением Крыма было избавиться от «балласта», обеспечив возможность эвакуации плавсредствами остатков личного состава трех партизанских районов. Все происходило в контексте общей обстановки на полуострове.

В целом, указанные выше обстоятельства позволяют говорить о явном провале замысла «Спецзадания-42», которое хотя и избавило партизанские отряды от части небоеспособных людей, но не повлияло на действительное расширение подпольного движения. Подполье расширилось благодаря самостоятельной деятельности групп советских патриотов и работе партийных уполномоченных, посланных в оккупированные населенные пункты весной и в начале лета 1942 года. А партизанские формирования все равно пришлось переформировывать и частично эвакуировать на «Большую землю» больных и раненых. Но и в очередную партизанскую зиму 1942–1943 гг. крымские патриоты вошли неподготовленными, хотя и реорганизованными. Даже несмотря на удачную в целом эвакуацию большей части небоеспособных партизан авиацией в октябре 1942 года, все задачи подготовки к зиме решить не удалось. И явным просчетом стало проведение специальных заданий как по оседанию в подполье, так и попыток эвакуации морским путём.

Список использованных источников и литературы

1. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945. – М.: «Наука», 1987. – 336 с.
Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945. – М.: «Nauka», 1987. – 336 s.
2. Брошеван В. М. Крымский штаб партизанского движения. – Симферополь, 2001. – 103 с.
Broshevan V. M. Krymskij shtab partizanskogo dvizheniya. – Simferopol', 2001. – 103 s.
3. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-1. Оп. 6. Д. 16.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GАРK). F. P-1. Op. 6. D. 16.
4. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 21.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 21.
5. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 23.
6. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 308.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 308.
7. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 316.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 316.
8. ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 498.
GАРK. F. P-151. Op. 1. D. 498.
9. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 51.
GАРK. F. P-156. Op. 1. D. 51.
10. ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 62.
GАРK. F. P-156. Op. 1. D. 62.
11. Генов И. Г. Дневник партизана. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 280 с.
Genov I. G. Dnevnik partizana. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 280 s.
12. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / сост. В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. – Симферополь: Таврия, 1994. – 208 с.

- Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 / sost. V. K. Garagulya, I. P. Kondranov, L. P. Kravcova. – Simferopol': Tavriya, 1994. – 208 s.
13. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 341 с.
- Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. Sbornik / Pod red. I. S. Chirvy. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 341 s.
14. Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. – Симферополь: ЧП «Эльиньо», 2004. – 732 с.
- Lugovoj N. D. Strada partizanskaya: 900 dnej v tylu vraga. Dnevnikovye zapisi. – Simferopol': ЧП «El'in'o», 2004. – 732 s.
15. Македонский М. А. Пламя над Крымом. 3-е изд. – Симферополь: «Крым». 1969. – 303 с.
- Makedonskij M. A. Plamya nad Krymom. 3-e izd. – Simferopol': «Крым». 1969. – 303 s.
16. Очерки по истории Крымской областной парторганизации. – Симферополь: Таврия, 1981. – 375 с.
17. Oчерki po istorii Krymskoj oblastnoj partorganizacii. – Simferopol': Tavriya, 1981. – 375 s.
18. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. 1941–1944 гг. / А. В. Мальгин, Л. П. Кравцова, Л. Л. Сергиенко. – Симферополь: СОНАТ, 2006. – 268 с.
- Partizanskoe dvizhenie v Krymu v period Velikoj Otechestvennoj vojny. Sbornik dokumentov i materialov. 1941–1944 gg. / A. V. Mal'gin, L. P. Kravcova, L. L. Sergienko. – Simferopol': SONAT, 2006. – 268 s.
19. Федоренко Ф. И. Годы партизанские. 1941–1944. – Симферополь: Таврия, 1990. – 288 с.
- Fedorenko F. I. Gody partizanskije. 1941–1944. – Simferopol': Tavriya, 1990. – 288 s.
20. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 3. – М. Л.: Воениздат, 1947. – 382 с.
- Hronika Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza na Chernomorskom teatre. Вып. 3. – М. Л.: Voenizdat, 1947. – 382 s.
21. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – 159 с.
- Shamko E. N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu v 1941–1944 gg. – Simferopol': Krymizdat, 1959.
22. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 2.– М.: Политиздат, 1970. – С. 56–99.
- Shamko E. N. Plamya nad Krymom // Geroi podpol'ya. O podpol'noj bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemecko-fashistskikh zahvatchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Вып. 2.– М.: Politizdat, 1970. – S. 56–99.

Tkachenko S. N. «Special assignment-42». on the deployment of the Crimean underground in the summer of 1942.

The underground struggle of the Crimeans during the years of the occupation of Crimea (1941–1944), despite a certain range of studies, has been extremely poorly studied. A special place in this is the relationship between the underground and partisan formations, and in particular the role of the latter in the formation of patriotic resistance through underground forms of struggle. This article reveals the meaning and significance of the event, which became the most important example of such interaction – «Special Assignment-42», and its place in the deployment of the activities of the underground in the second half of the summer of 1942. On the whole, the circumstances indicated in the article make it possible to speak of a clear failure of the plan of «Special Assignment-42», which, although it saved the partisan detachments from some of the non-combatant people, did not affect the actual expansion of the underground movement. The underground expanded thanks to the independent activities of groups of Soviet patriots and the work of party representatives sent to the occupied settlements in the spring and early summer of 1942. And the partisan formations still had to be reorganized and partially evacuated to the «mainland».

Keywords: underground, Crimea, occupants, partisan command, evacuation.

УДК 94(497.1)“1949/1952”

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-151-156

ОБ ОДНОМ ОШИБОЧНО ДАТИРОВАННОМ ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПЮ

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Рассмотрена проблема правильной датировки заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии, включенного в опись Архива Югославии под датой 15 января 1949 г. Исходя из содержания источника, автор доказывает, что он был написан на несколько лет позже. Методом сравнения с другими партийными источниками автор приходит к выводу, что наиболее вероятная дата заседания – 15 января 1952 г. Методом внешней критики источника автор делает вывод, что ошибка в датировке случилась ранее января 1983 г. и вплоть до сегодняшнего дня не была исправлена.

Ключевые слова: Югославия, Политбюро, Коммунистическая партия Югославии, источниковедение.

Во время исследовательской работы в Архиве Югославии мне нужно было прочитать протокол заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии Югославии от 15 января 1949 г. Получив этот протокол, в первых строчках на первой же странице я увидел слова «р[абочие] советы» и «демократизация». Это было похоже на научную сенсацию, потому что из всех известных источников и предыдущих исследований явствует, что в узком партийном руководстве начали говорить об этих вопросах после мая 1949 г. Но дочитав протокол до конца, я пришел к твердому убеждению, что такого заседания Политбюро 15 января 1949 г. быть не могло. Для такого вывода есть несколько причин помимо упомянутых рабочих советов и демократизации:

1) в источнике упомянута реакция католиков на освобождение архиепископа Степинаца;

2) упомянута ведшаяся осенью борьба за сохранение крестьянских трудовых кооперативов, которая имела успех весной;

3) идет речь об опасности недооценки влияния Запада и опасности перехода к буржуазной демократии, и в то же время отмечено, что отношения Югославия с Западом теперь улучшились;

4) в протоколе утверждается, что экономическое положение улучшилось;

5) в связи с положением в Словении протокол отмечает, что проблема Коцбека была поставлена в прошлом году как широкая политическая проблема [1, л. 15, 18–20].

Как известно, Степинац вышел из тюрьмы под домашний арест 5 декабря 1951 г. [6, s. 168; 8, s. 918]. Значит, до этой даты такого заседания Политбюро не

могло быть. Борьба за сохранение крестьянских трудовых кооперативов не была актуальной до начала коллективизации, и если учесть, что именно 28 января 1949 г. II Пленум ЦК КПЮ инициировал принудительную коллективизацию в Югославии, анализ борьбы не за создание, а за сохранение КТК, созданных в предшествующие годы, при таких условиях выглядит как анахронизм и указывает на вывод, что протокол велся не ранее 1950 г. Отношения между Югославией и Западом также указывают нам на период после 1949 г., поскольку более широкие экономические отношения с Западом были установлены в 1950 г., а военные – в 1951 г. [3, s. 835–836, 839–841]. Значительное улучшение экономической ситуации в Югославии было статистически зафиксировано в 1951 г., а ранее партийное руководство сталкивалось с ее постоянным ухудшением: в 1949 г. из-за советской блокады, в 1950 г. из-за экономического кризиса и засухи. Наконец, вопрос о деятельности словенского поэта и политика Э. Коцбека впервые был поднят в ноябре 1950 г., как широкая политическая проблема только в апреле 1951 г. на III съезде Освободительного фронта, а перед общественностью эта проблема была представлена только в июне того же года [4, s. 429–430, 434–435, 582–583; 10, s. 227, 266, 267, 268].

Из приведенных выше фактов следует, что содержание источника последовательно отсылает нас к более поздней дате, чем 15 января 1949 г. Если протокол отражает действительное заседание, оно состоялось после 5 декабря 1951 г. С другой стороны, в протоколе использовались только слова «Коммунистическая партия» и «Политбюро». Как свидетельствуют материалы, созданные в партийном руководстве, после VI съезда, проведенного 2–7 ноября 1952 г., во всех протоколах последовательно писалось «Союз коммунистов» и «Исполнительный комитет». Так что протокол составлен до съезда партии в ноябре 1952 г., если только это не подделка.

В протоколе имеется много данных для датировки методом сравнения с другими источниками. Во-первых, заседание Политбюро ЦК КПЮ обсуждало политическую ситуацию в Словении. В ходе обсуждения этого вопроса член Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении Б. Крайгер сказал, что в ноябре прошлого года на заседании Политбюро они обсуждали политическую ситуацию. Поскольку заседание Политбюро ЦК КПЮ состоялось между декабрем 1951 и ноябрем 1952 г., заседание Политбюро ЦК КПС должно было бы состояться в ноябре 1951 г. Это предположение подтверждается в источниках. 27 ноября 1951 г. словенское Политбюро действительно рассматривало вопрос «Политическая ситуация в Словении», с рефератом выступил М. Маринко [10, s. 280–281]. Среди негативных явлений он упомянул настроения в журналистских и адвокатских кругах и антиюгославскую деятельность писателя М. Яворника в Триесте. А на заседании Политбюро ЦК КПЮ, которое мы пытаемся датировать, как раз поставлены все эти три вопроса. Это приводит нас к выводу, что между двумя заседаниями не может быть слишком большого промежутка времени.

Действительно, из опубликованных протоколов заседаний Политбюро ЦК КПС следует, что в период с декабря 1951 по ноябрь 1952 г. Политбюро ЦК КПЮ

обращало особое внимание на политическую ситуацию в Словении в январе 1952 г. На заседании 20 декабря 1951 г. словенское Политбюро назначило пленум республиканского ЦК с повесткой дня: «1. Анализ политической ситуации в Словении. 2. Рабочие советы». Но уже на заседании 4 января 1952 г. первоначальный план был изменен под влиянием Белграда: «По соглашению с ЦК КП Югославии пусть на заседании рассматривается только вопрос рабочих советов. Для анализа политической ситуации в Словении созвать после дискуссии с товарищами из ЦК КПЮ расширенный пленум ЦК в кратчайшие сроки» [10, s. 286]. Д. Дрновшек, редактор и издатель протоколов Политбюро ЦК КПС, нашла даты всех трех мероприятий. «Пленум был 8.1.1952 г.». «Встреча с членами секретариата ЦК КПЮ состоялась 15.1.1952 г.». Здесь стоит напомнить, что в работе над изданием протоколов Дрновшек не опиралась на материалы Архива Югославии, она обратилась к ним через несколько лет после публикации протоколов [2, s. 188]. Это означает, что существуют некоторые другие источники датировки, независимые от Архива Югославии, которые указывают на дату 15 января 1952 г. К сожалению, мне не удалось их найти.

Дрновшек продолжает: «Расширенный (VII) пленум проходил 26 и 27 января 1952 г. В нем приняли участие члены ревизионной комиссии ЦК КПС и секретари срезных комитетов КПС. На повестке дня было обсуждение политической ситуации в Словении» [10, s. 286]. Из протокола VII пленума пока опубликованы только выступление Б. Кидрича и краткий пересказ доклада Б. Крайгера. Из них следует, что было поставлено несколько тех же вопросов, что и в протоколе Политбюро ЦК КПЮ, в том числе это оппозиционные настроения части журналистов, деятельность католического духовенства и Кирилло-Мефодиевского общества [5, s. 516, 521]. Все это является дополнительным свидетельством того, что VII пленум был проведен как реакция на критические замечания с заседания Политбюро, якобы состоявшегося в 1949 г. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Политбюро ЦК КПЮ собралось после 8 января, но раньше, чем 26 января, и, вероятно, дата 15 января 1952 г. – подходящее время для заседания, поскольку совпадают день и месяц.

Есть еще один способ датировки по содержанию. На заседании Политбюро обсуждались отношения с католической церковью, ситуация в университетах и, в том числе, вопрос восстановления информбюровцев в высших школах. Среди последствий этого рассмотрения особое значение имеет решение упразднить теологические факультеты, поскольку мы можем легко определить дату его реализации. В Словении работа теологического факультета была прекращена в июне 1952 г., а в Хорватии - еще раньше. Политбюро ЦК Коммунистической партии Хорватии провело 23 января 1952 г. заседание со следующей повесткой дня: «1. Отчет с собрания в ЦК КПЮ: а) некоторые вопросы отношения к церкви; б) состояние и проблемы университета; в) проблемы физкультуры. 2. Разное» [8, s. 917]. Интересно, что в оригинале этот протокол ошибочно датирован 1951 годом, но редактор Б. Войнович не сомневается, что речь идет о 1952 году. Правильность ее заключения подтверждается содержанием источника. Там есть выражение «после

освобождения Степинаца», которое и здесь выступает как указатель времени. Отношения с католической церковью Политбюро ЦК КПХ решило ужесточить: теологический факультет должен быть закрыт, а религиозное обучение в школах - прекращено. После этого правительство республики приняло решение упразднить теологический факультет 29 января 1952 г. Касательно информбюровцев Политбюро ЦК КПХ повторяет мнение, высказанное на заседании, которое мы пытаемся датировать, что не все информбюровцы могут быть приняты на факультеты [8, s. 919--920]. Несомненно, что упомянутое в повестке дня собрание ЦК КПЮ совпадает с нашим протоколом. Так что, по данным этого источника, заседание Политбюро ЦК КПЮ состоялось до 23 января 1952 г., но после 5 декабря 1951 г. Если принять во внимание датировку согласно анализу политической ситуации в Словении, временные рамки сужаются до 9–22 января.

Для более точной датировки заседания можно также использовать данные о работе Б. Кидрича, который был членом Политбюро ЦК КПЮ и согласно протоколу присутствовал на заседании. На основе опубликованных источников видно, что в течении 9 января Кидрич находился в Словении, 10, 13 и 14 января председательствовал на заседаниях Хозяйственного совета правительства ФНРЮ и его одновременное участие в заседании Политбюро практически невозможно. 16 января в Белграде прошла конференция по проблемам университетов в присутствии Кидрича, а также почти всего состава Политбюро ЦК КПЮ. 25 января Кидрич в течении дня проводил собрания в Хозяйственном совете. 26-27 января он уже присутствовал на заседании VII пленума ЦК КПС в Любляне [5, s. 139, 507, 513, 515; 7, s. 354, 356, 363, 367, 377]. Когда мы отбросим дни, в которые Кидрич не мог присутствовать на заседании, мы остаемся с датами 11–12, 15, 17–22 января 1952 г. Из этих дней, чем позже дата, тем меньше вероятность проведения заседания, потому что после встречи с партийным руководством в Белграде Политбюро ЦК КПС нужно было время для подготовки к VII пленуму.

Хотя мы не нашли к данным, которые окончательно исключили бы даты 11–12 и 17–22 января, дата 15 января кажется наиболее вероятной, потому что именно эта дата стоит в протоколе, Д. Дрновшек, основываясь на независимых источниках, получила сведения, что именно в этот день действительно проходило заседание Политбюро ЦК КПЮ, и Кидричу в этот день ничто не мешало принять участие в заседании. В конце концов, мы не обнаружили данных, что 11-12 или 17-22 января 1952 г. проводилось еще одно заседание Политбюро. Так что не было заседания Политбюро 15 января 1949 г., а собрание партийного руководства нужно датировать 15 января 1952 г.

Как произошла ошибка с годом? В поисках ответа мы фактически использовали метод внешней критики источников, хотя сейчас он и считается устаревшим. Нужно прежде всего напомнить, что в Архиве Югославии исследователи не работают с подлинными протоколами Политбюро ЦК КПЮ и частично Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Югославии. В течение первых десяти лет правления КПЮ протоколы заседаний высших партийных органов велись вручную в обычных тетрадях (хорошее представление об их настоящем внешнем виде дает

факсимильное издание протоколов 1945–1948 гг., подготовленное Б. Петрановичем [9, с. 671–835]), но, несмотря на это, исследователь получает в читальном зале архива печатный текст. Его происхождение таково. Исходные протоколы были сняты в виде микрофильмов, после чего архивисты перепечатали отснятый текст на бумаге с водяным знаком «олень на камне», который и служит доказательством подлинности материала. Но после этого протоколы некоторых заседаний были ксерокопированы на обычную бумагу. На большинстве таких копий сохранились следы водяных знаков, но есть и такие, где их нет, и подлинность такого материала может быть поставлена под сомнение, что требует сравнения напечатанного текста с микрофильмом. Набор текстов с микрофильмов также привел к проблеме несоответствия номеров кадров и номеров страниц в отпечатанной версии. Некоторые снимки были пустыми, и на бумаге их номера выпадали, на других были тексты с записями на полях. Заметки на полях были отпечатаны на бумаге на отдельных страницах, что увеличивало общее количество страниц в машинописном варианте. Скажем, в карточке описи нашего протокола написано «MF 199/756 (12–26)». Последние два числа обозначают кадры микрофильма, но на первой странице печатного текста вопреки возможному ожиданию стоит не число 12, а 13.

Бумага нашего протокола не является ксерокопией, на каждой странице у него есть исходный водяной знак. Наконец, он содержит дату, когда микрофильм был отпечатан (это январь 1983 г.), и подписи двух архивистов, которые это сделали. Именно на этом протоколе стоит дата 1949. Естественно, мне захотелось взять микрофильм и посмотреть, какая дата стоит там. Но, к сожалению, в Архиве Югославии мне сказали, что техника для просмотра микрофильмов в настоящее время не работает. Я надеюсь, что на момент публикации этой заметки ситуация изменилась к лучшему, но до того, как я покинул Сербию, этого не произошло.

На данный момент единственным источником для понимания причины ошибки является архивная опись в каталоге. Микрофильмы не делались для каждого заседания отдельно. Каждый микрофильм включает группу хронологически упорядоченных заседаний. Согласно архивной описи, микрофильм с нашим заседанием включает группу протоколов, датированных с 1949 г. и далее. Это означает, что протокол от 15 января 1952 г. был датирован 1949 годом до того, как был сфотографирован, то есть это случилось до января 1983 г. С того времени и по сей день ошибка не была замечена.

Завершая это сообщение следует подчеркнуть, что под вопросом оказалась датировка исключительно важного исторического источника. В политической системе того времени Политбюро ЦК КПЮ играло решающую роль, поэтому правильная датировка протокола 15 января 1952 г. будет способствовать лучшему пониманию политических процессов в Югославии и принятия ключевых решений в те годы.

Список использованных источников и литературы

1. Arhiv Jugoslavije. – F. 507: Sednice IK CK SKJ. – P. III/39: Zapisnik sa sednice Politbiroa CK KPJ 15 januara 1949. godine. – L. 13–25.

2. Drnovšek D. Srečanja partijskih vrhov na najvišjem nivoju. Zapisi srečanj slovenskega partijskega vodstva z jugoslovanskim partijskim vodstvom s Titom na čelu v letih 1945 – 1954 // Arhivi. – 2003. – №1. – S. 187–197.
3. Jugoslavija, 1918–1984. Zbirka dokumenata. – Beograd, 1985. – 1144 s.
4. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.6. – 609 s.
5. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.7. – 663 s.
6. Mujadžević D. Bakarić. Politička biografija. – Slavonski Brod – Zagreb, 2011. – 383 s.
7. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944–1953. – Beograd, 1995. – Knj.4. – 823 s.
8. Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske. – Zagreb, 2006. – Sv.-2. – 1088 s.
9. Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948). – Beograd, 1995. – XVI, 874 s.
10. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. – 386 s.

Y. V. Shakhin About the Politburo of CC CPY wrongly dated meeting

The article deals with the problem of correct dating of the session of the Politburo of the Central committee of the Communist party of Yugoslavia, which was listed in the Archive of Yugoslavia under the date January 15, 1949. Starting from the content of the source, the author suggests that it was created several years later. Using the method of comparing with other party sources, the author concludes that the most probable date of the session is January 15, 1952. The method of external criticism of the source indicates that the error in dating occurred earlier than January 1983 and has not been corrected until now.

Keywords: Yugoslavia, Politburo, Communist party of Yugoslavia, source study.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акимченков Виктор Владимирович** кандидат исторических наук, преподаватель истории ГБОУ «Школа 1519 города Москвы», член Российского общества интеллектуальной истории (г. Москва, Российская Федерация).
- Багрин Егор Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Гаврилюк Марина Николаевна** аспирант Крымского государственного инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Ганцев Валентин Константинович** аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Зоря Роман Станиславович** младший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация).
- Дорофеев Денис Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Ломакин Дмитрий Анатольевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Михайлов Вадим Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Просолова Екатерина Викторовна** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Ткаченко
Сергей
Николаевич**

кандидат исторических наук, старший преподаватель
Тульского государственного педагогического
университета им. Л. Н. Толстого (г. Тула, Российская
Федерация).

**Шахин
Юрий
Владимирович**

кандидат исторических наук, доцент Севастопольского
государственного университета (г. Севастополь,
Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Акимченков В. В.

«Национальный по форме, пролетарский по содержанию»:
проект организации Всекрымского научно-исследовательского
института национально-культурного строительства и краеведения. 3

Багрин Е. А.

Гарнизон Селенгинска и учреждение конной службы в 1690–1693 гг.. 20

Гаврилюк М. Н.

А. Н. Глаголев на идеологическом фронте изобразительного
искусства крымской АССР (1928–1946). 39

Ганцев В. К.

Производственные мощности средневековых скальных
виноградодавилен Юго-Западного Крыма 53

Зоря Р. С.

«Прощу защитить меня, в конце концов, просто от физической
гибели...»: новые факты к биографии Н. Ф. Калинина 66

Дорофеев Д. В.

Генезис внешней политики США: зарождение историографии темы,
1610–1820-е годы... 81

Ломакин Д. А.

«Станция назначения – Симферополь»: первый послевоенный
учебный год в Крымском государственном педагогическом институте
имени М. В. Фрунзе. 94

Михайлов В. В.

Так создавалась легенда Анзак: утро 25 апреля 1915 года 112

Просолова Е. В.	
Антиамериканская пропаганда в советском игровом кинематографе на первом этапе холодной войны (1946–1953).....	130
Ткаченко С. Н.	
«Спецзадание-42»: к вопросу развертывания крымского подполья летом 1942 года	142
Шахин Ю. В.	
Об одном ошибочно датированном заседании политбюро ЦК КПЮ	151
Сведения об авторах	157